

**Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»
(ИКСА РАН)**

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования»
ЭЛ № ФС 77-86073 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе
Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Добринская О.А, к.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачев С.В., к.и.н., Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Добринская О.А, к.и.н., Стрельцов Д.В., д.и.н., Трубникова Н.Н., д.филос.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Ларин В.Л., д.и.н., академик РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Добринская О.А., к.и.н., Кириченко М.А., Нелидов В.В., к.и.н., Стрельцов Д.В., д.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика
5.2.5 Мировая экономика
5.5.2 Политические институты, процессы, технологии
5.5.4 Международные отношения
5.6.2 Всеобщая история
5.6.4 Этнология, антропология и этнография
5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences
6. Humanities

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

Non-profit organization “Association of Japanologists”

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Dobrinskaya Olga A., PhD(History)

Editorial Board: Grishachev Sergei V., PhD (History), Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Dobrinskaya Olga A., PhD (History), Streltsov Dmitry V., DSc (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Larin Viktor L., DSc (History), Academician of the RAS; Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtisek Elena E., DSc (History)

Editors Office: Dobrinskaya Olga A., PhD (History), Kirichenko Mariya A., Nelidov Vladimir V. PhD (History), Streltsov Dmitry V. DSc (History)

OECD Fields of Science:

- 5. Social sciences
- 6. Humanities

СОДЕРЖАНИЕ

Исследовательские статьи

<i>Кистанов В.О.</i> Внешняя политика Японии в эпоху Трампа 2.0: будут ли перемены?	5
<i>Семенова Н.К.</i> Конкуренция и сотрудничество в морской торговле: динамика китайско-японских отношений в условиях геополитической напряженности	26
<i>Тихоцкая И.С.</i> Зеленый урбанизм в Японии: от экотаунов к «городам зеленого будущего»	50
<i>Романенко Д.А.</i> Роль японских политических акторов в создании фундамента новой системы образования в Японии в период оккупации	66
<i>Фокин Я.П.</i> Эволюция репрезентации Токийского трибунала в исторических нарративах правоконсервативных негосударственных организаций Японии	85
<i>Кульнева П.В.</i> Нанкинская резня в произведениях китайских и японских художников: обида и осознание трагедии	106
<i>Борькина А.Ю.</i> «Токийская башня сочувствия» Кудан Риэ: Вавилонская башня наших дней и рождение «нового человека»	129
<i>Трубникова Н.Н.</i> Ранняя история японского буддизма в «Самбо:э»	144

К юбилею ученого

<i>Симонова-Гудзенко Е.К.</i> Людмиле Михайловне Ермаковой 80 лет!	165
--	-----

CONTENTS

Research Articles

<i>Kistanov V.O.</i> Japan's foreign policy in the era of Trump 2.0: Will there be changes?	5
<i>Semenova N.K.</i> Competition and cooperation in maritime trade: The dynamics of Sino-Japanese relations in the context of geopolitical tensions	26
<i>Tikhotskaya I.S.</i> Green urbanism in Japan: From ecotowns to Futurecity	50
<i>Romanenko D.A.</i> The role of Japanese political actors in the establishment of the basis of a new education system in Japan during the occupation period	66
<i>Fokin I.P.</i> Evolution of the Tokyo Tribunal's representation in the historical narratives of right-wing conservative non-state in Japan	85
<i>Kulneva P.V.</i> The Nanjing Massacre in the works of Chinese and Japanese artists: Resentment and awareness of tragedy	106
<i>Borkina A.Yu.</i> <i>Tokyo Sympathy Tower</i> by Qudan Rie: The Tower of Babel of our days and the birth of the “new human”	129
<i>Trubnikova N.N.</i> Early history of Japanese Buddhism in Sanboe	144

On the Anniversary of the Scholar

<i>Simonova-Gudzenko E.K.</i> Liudmila Mikhailovna Ermakova turns 80!	165
---	-----

В.О. Кистанов

Внешняя политика Японии в эпоху Трампа 2.0: будут ли перемены?

Аннотация. В статье анализируется ситуация, складывающаяся на основных направлениях внешней политики Японии в свете повторного прихода Дональда Трампа на пост президента Соединенных Штатов Америки. Возвращение Трампа было встречено японскими политическими и деловыми кругами, а также экспертным сообществом и СМИ с большой тревогой по поводу возможного деструктивного влияния его политического и экономического курса на международную ситуацию как на глобальном, так и региональном индо-тихоокеанском уровне, а также на японо-американские и другие двусторонние отношения.

В японских политологических кругах все активнее обсуждается идея о том, что Япония в условиях неизбежного снижения роли Америки в мире в эпоху Трампа 2.0 должна значительно повысить свою роль на международной арене. Второе пришествие Трампа становится побудительным мотивом для Токио к выстраиванию равноправных отношений в рамках японо-американского военного альянса и одновременно стимулом к обретению Японией большей независимости в обеспечении собственной безопасности.

Очевидно, однако, что США на ближайшие годы останутся главным гарантом японской безопасности, а Япония — форпостом американской военно-политической стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Японо-американский альянс будет и далее укрепляться с прицелом на противостояние с Китаем, который в настоящий момент, с точки зрения Токио и Вашингтона, представляет собой наибольший вызов для Японии и США в сфере безопасности.

Переформатирование мирового геополитического и геоэкономического ландшафтов, намечающееся под влиянием «трампизма», может в тактическом плане скорректировать действия Японии на международной арене, в том числе в двусторонних отношениях с ее главными партнерами. Однако вряд ли следует ожидать, что оно приведет в обозримом будущем к кардинальному пересмотру японской внешней политики, включая реализуемую Японией совместно с США стратегию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», ориентированную прежде всего на военно-политическое и экономическое сдерживание КНР. Важными инструментами этой стратегии останутся активно создаваемые двумя странами многосторонние миниальянсы, такие как Quad, треугольник Япония—США—Южная Корея и др.

Ключевые слова: Трамп, Япония, США, Китай, АСЕАН, миниаальянс, политика, экономика, безопасность, Индо-Тихоокеанский регион.

Автор: Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, кандидат экономических наук, руководитель Центра японских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0003-2377-0000. E-mail: v_kistanov@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кистанов В.О. Внешняя политика Японии в эпоху Трампа 2.0: будут ли перемены? // Японские исследования. 2025. № 3. С. 5—25.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-5-25.

V.O. Kistanov

Japan's foreign policy in the era of Trump 2.0: Will there be changes?

Abstract. The article analyzes the situation developing in the main directions of Japan's foreign policy in the light of the reappearance of Donald Trump as President of the United States of America. Trump's return was met by Japanese political and business circles, as well as the expert community and the media, with great concern about the possible destructive impact of his political and economic course on the international situation at both global and regional Indo-Pacific levels, as well as on Japanese-American and other bilateral relations.

There is a growing discussion in Japanese political science circles about the idea that Japan, given the inevitable decline of America's role in the world in the era of Trump 2.0, should significantly increase its role in the international arena. The reappearance of Trump is becoming an incentive for Tokyo to build more equal relations within the framework of the Japanese-American military alliance and, at the same time, an incentive for Japan to gain greater independence in ensuring its own security.

It is obvious, however, that the United States will remain the main guarantor of Japanese security in the coming years, and Japan will remain the outpost of American military and political strategy in the Asia-Pacific region. The Japanese-American alliance will continue to strengthen with an eye to confrontation with China, which now, from Tokyo's point of view, poses the greatest security challenge for Japan.

The reformatting of the global geopolitical and geo-economic landscapes that is emerging under the influence of Trump's "America First" policy may tactically adjust Japan's actions in the international arena, including in bilateral relations with its main partners. However, it is unlikely that it will lead to a fundamental revision of Japanese foreign policy in the near future, including the strategy of the "Free and Open Indo-Pacific" region, implemented by Japan jointly with the United States, focused primarily on the military, political, and economic containment of China. Multilateral mini-alliances, such as the Quad, the Japan-USA-South Korea triangle, and others, which are actively being built by the two countries, will remain important tools of this strategy.

Keywords: Trump, Japan, USA, China, ASEAN, mini-alliance, politics, economy, security, Indo-Pacific region.

Author: Kistanov Valerii O., Dr.Sc. (History), Head of the Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2377-0000.
E-mail: v_kistanov@list.ru.

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kistanov, V.O. (2025). Vneshnyaya politika Yaponii v epokhu Trampa 2.0: budut li peremeny? [Japan's foreign policy in the era of Trump 2.0: Will there be changes?]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 5–25. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-5-25.

Введение

Победа Дональда Трампа на президентских выборах в ноябре 2024 г. породила во многих странах, и не только в Европе и Америке, но и в Азии, в том числе среди американских союзников и партнеров, тревожные ожидания по поводу его внешнеполитического и экономического курса [Gammon 2025; Kausikan 2025]. При этом лейтмотивом многочисленных комментариев, оценок и прогнозов политиков и экспертов из азиатских союзников Америки являются зарождающиеся сомнения в том, что администрация Трампа сохранит верность военно-политическим союзам альянсам со странами Азии, а США останутся надежным гарантом их безопасности¹. Очевидно, что многим государствам в ближайшие годы предстоит выстраивать свои внешние стратегии в условиях беспрецедентной ломки Дональдом Трампом политического и экономического ландшафта, как на глобальном, так и на региональном уровне [Тренин 2025].

Повторное избрание Трампа американским лидером стало шоком для японских политических кругов, делового сообщества и многих экспертов. Правящая и оппозиционные партии Японии выразили обеспокоенность по поводу влияния на экономику и безопасность страны ряда политических решений США, о которых заявил президент США Дональд Трамп в своей инаугурационной речи в свете лозунга «Америка превыше всего»².

Заявленные внешнеполитические приоритеты, а также предпринятые Трампом в первые месяцы своего правления практические шаги на международной арене свидетельствуют о том, что основой его внешней стратегии является транзакционализм — подход, предполагающий, прежде всего, коммерческую выгоду в отношениях с другими государствами [Каспэ 2025].

В этом контексте Японии — главному военно-политическому союзнику в Азии и одному из ведущих деловых партнеров Соединенных Штатов — придется осуществлять определенную коррекцию своего курса во внешней политике, в области безопасности и в торгово-экономической сфере. В данной статье делается попытка проанализировать ситуацию, складывающуюся на основных направлениях политики Японии на международной арене в свете повторного прихода Дональда Трампа на пост президента Соединенных Штатов Америки, и выявить насколько серьезными могут быть изменения в этой политике.

¹ Asian allies fear being dumped by Trump // The Economist. March 6, 2025. URL: <https://www.economist.com/asia/2025/03/06/asian-allies-fear-being-dumped-by-trump> (дата обращения: 07.03.2025).

² Japan's Political Parties React as Trump Takes Office; New U.S. Policies 'Expected to Have a Major Impact' // Yomiuri Shimbun. January 22, 2025. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/politics-government/20250122-234420/> (дата обращения: 24.04.2025).

Япония и США

Для Японии Соединенные Штаты являются единственным военно-политическим союзником, который на основе двустороннего Договора безопасности на протяжении практически всех послевоенных десятилетий был и продолжает оставаться главным гарантом сохранения ее суверенитета и территориальной целостности. Япония, со своей стороны, в соответствии с указанным договором стала основной опорой США в проведении их военно-политической стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе. Поэтому вопрос об изменении в подходах США к Японии, как в двусторонних японо-американских связях, так и в региональной стратегии Вашингтона, имеет для нее исключительно большое значение.

Дональд Трамп еще в ходе своей предвыборной кампании раскритиковал нынешний союз Соединенных Штатов с Японией, которому в 2025 г. исполняется 65 лет, назвав его несправедливым и односторонним. Как считает Трамп, по договору безопасности США должны защищать Японию без взаимного обязательства с ее стороны. Более того, он заявляет, что Токио якобы ничего не платит за нахождение американских войск на японской территории.

Контраргументы японской стороны сводятся к указанию на то, что законодательство о коллективной самообороне, принятое в 2015 г., разрешает японским Силам самообороны приходить на помощь США при определенных условиях. Кроме того, Япония тратит на содержание американских войск больше, чем любой другой военный союзник США. Так, в соответствии с заключенным в 2022 г. Соглашением о специальных мерах (SMA) Япония в 2025 г. потратит около 1,69 млрд долл. на такие расходы, как коммунальные услуги, техническое обслуживание объектов и заработная плата японских сотрудников на военных базах США в стране¹.

Помимо этого, японское правительство расходует большие суммы на аренду земель, находящихся в исключительном пользовании США, строительство объектов для морских пехотинцев, которые передислоцируются с Окинавы на Гуам, и другие цели. В Японии размещено более 50 000 американских военнослужащих — самое большое количество действующих американских военных за пределами США. Эти силы считаются ключевым оплотом против «военной экспансии» со стороны Китая, Северной Кореи и других стран. Фактически японо-американский альянс предоставляет Вашингтону платформу для реализации своих интересов в сфере безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами. Важным аргументом японских деятелей является также упоминание о том, что Япония в больших количествах закупает американские вооружения. Тем не менее, Трамп последовательно использует тезис об асимметричности японо-американского Договора безопасности в качестве рычага давления на Японию, в том числе в ходе начавшихся в апреле 2025 г. переговоров о беспрецедентных тарифах на товары, импортируемые в Америку из Японии.

¹ Jesse Johnson. Trump calls the U.S.-Japan alliance 'one-sided.' Tokyo says otherwise // Japan Times. April 16, 2025. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/04/16/japan/politics/japan-us-alliance/> (дата обращения: 26.04.2025).

Фактический отказ Трампа от роли Соединенных Штатов как глобального лидера в сфере безопасности и экономики, желание решать международные проблемы исключительно в целях получения собственной выгоды, а также сосредоточенность на внутренних проблемах неизбежно усиливают процесс ослабления влияния страны в мировых делах. Это порождает в экспертных кругах идею о необходимости для Японии подготовиться к быстро меняющемуся многополярному миру и, более того, к стратегическому, хотя и постепенному, отделению Японии от США, от которых она чрезмерно зависит. При этом некоторые аналитики не исключают возможность обзаведения страной даже собственным ядерным оружием¹.

Однако при всей риторике как самого Трампа, так и членов его администрации о необходимости для Японии исправить дисбаланс в двустороннем альянсе, на практике Вашингтон не ставит под сомнение само существование этого альянса и роль Японии как главного форпоста США в проведении своей военно-политической стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе. Это наглядно показал визит нового министра обороны Пита Хегсета в Японию в марте 2025 г. В ходе визита он заявил, что Япония играет незаменимую роль в борьбе с «китайской агрессией», помогая Вашингтону создать надежное сдерживание в регионе, в том числе в Тайваньском проливе. Назвав Японию «краеугольным камнем мира и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе», министр подтвердил, что правительство президента Дональда Трампа, как и предыдущие администрации, продолжит тесно сотрудничать со своим ключевым азиатским союзником².

На встрече с Хегсетом японский министр обороны Накатани Гэн заявил, что Япония должна играть более активную роль в Индо-Тихоокеанском регионе в противодействии Китаю во время президентства Дональда Трампа. Он также предложил новую концепцию «одного театра военных действий», согласно которой Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря, а также Корейский полуостров и прилегающие территории будут рассматриваться как единый «театр военных действий»³.

Выступая на конференции «Диалог Шангри-Ла» по вопросам глобальной безопасности 31 мая 2025 г., Пит Хегсет попытался развеять растущий в азиатских столицах скептицизм в отношении того, что администрация Трампа в соответствии со своими обещаниями будет уделять должное внимание Индо-Тихоокеанскому региону, назвав Китай «враждебным региональным игроком». Хегсет подчеркнул, что сотрудничество с союзниками и партнерами, в том числе помощь в укреплении их обороноспособности, является частью стратегии Пентагона по усилению сдерживания, которая также включает в себя улучшение позиций передовых сил Вашингтона и восстановление оборонно-промышленной

¹ Jason Morgan. Japan must begin a process of strategic decoupling from America // Asia Times. April 16, 2025. URL: <https://asiatimes.com/2025/04/japan-must-begin-a-process-of-strategic-decoupling-from-america/> (дата обращения: 19.04.2025).

² Pentagon chief Hegseth says 'warrior' Japan indispensable to deter China // Asahi Shimbun. March 30, 2025. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15689918> (дата обращения: 30.04.2025).

³ Mizuki Sato. Japan broaches 'one-theater' concept to U.S. for Indo-Pacific // Asahi Shimbun. April 15, 2025. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15710761> (дата обращения: 25.04.2025).

базы. При этом министр не преминул призвать азиатских союзников Америки увеличить военные расходы до 5 % ВВП¹.

Между тем Япония внесла существенный вклад в укрепление японо-американского альянса в первый срок президентства Трампа, продолжила линию на усиление альянса во время правления администрации Дж. Байдена, а в эпоху Трампа 2.0 останется ключевым союзником США в Индо-Тихоокеанском регионе [Rajon 2025]. Союз между США и Японией остается основополагающим элементом стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе и после смены администрации в Вашингтоне в 2025 г. [Smith and McClean 2024]. В стратегическом плане США сохраняют свою роль единственного гаранта суверенитета и территориальной целостности Японии, как в период нового правления Трампа, так и на более отдаленную перспективу.

В то же время можно ожидать тактической корректировки во внешней политике Японии с целью адаптации к «новому курсу» Трампа. В том числе возможны подвижки в сторону автономизации политики страны на международной арене с целью хеджирования рисков, связанных с проявленным Трампом транзакционным подходом к своим партнерам и союзникам. Некоторые эксперты откровенно призывают к ослаблению зависимости Японии от США и наращиванию собственного военного потенциала независимо от того, сохранит ли Вашингтон свои обязательства в отношении его главного азиатского союзника².

Однако вряд ли реализация подобных призывов приведет к подрыву основ военного союза между Японией и США. Главным цементирующим фактором японо-американского альянса с момента распада СССР и окончания холодной войны было и останется на обозримую перспективу обретение Китаем статуса экономической и военной супердержавы. Как отмечает аналитик из Гонолулу Дени Рой, «первые 100 дней второй администрации Дональда Трампа привели к потрясениям во многих сферах, но одна политика остается неизменной: создание региональной оборонной архитектуры для сдерживания агрессии со стороны Китая»³.

Япония и Китай

В настоящее время отношения между Японией и Китаем — двумя ведущими государствами Восточной Азии — характеризуются выражением «горячая экономика — холодная политика», отражающим важную роль двух стран друг для друга

¹ Gabriel Dominguez and Jesse Johnson. Hegseth warns of Chinese threat to Taiwan, urging allies to upgrade defenses // Japan Times. May 31, 2025. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/05/31/asia-pacific/politics/us-hegseth-defense-china/> (дата обращения: 31.05.2025).

² Robert Dujarric. It's time for Japan to rethink its security dependency on Washington // Nikkei Asia. May 5, 2025. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/It-s-time-for-Japan-to-rethink-its-security-dependency-on-Washington> (дата обращения: 05.05.2025).

³ Denny Roy. US security policy in Asia shows some continuity in sea of change // Asia Times. May 2, 2025. URL: <https://asiatimes.com/2025/05/us-security-policy-in-asia-shows-some-continuity-in-sea-of-change/> (дата обращения: 02.05.2025).

как торгово-экономических партнеров, с одной стороны, и напряженность их политических отношений — с другой. Стремительное экономическое и военно-политическое восхождение Китая в последние десятилетия и более жесткое отстаивание им своих интересов на международной арене неизбежно привели к нарастанию конфликтности и трений в отношениях с Японией. Это нашло отражение в позиционировании Китая в японских официальных документах и экспертных кругах как главного вызова для страны в сфере безопасности. Так, в Белой книге по обороне за 2025 г. возросшая военная активность Китая, особенно в Восточно-Китайском море, названа «беспрецедентно серьезным стратегическим вызовом» для Японии¹. Пекин, со своей стороны, неизменно выражает протесты по поводу наращивания Японией ее военной мощи и усиления японо-американского военного сотрудничества с прицелом на сдерживание Китая.

Вместе с тем, понимая высокую степень взаимной значимости Японии и Китая, правящие круги обеих стран постоянно находятся в поиске возможностей улучшения двусторонних отношений между ними. При этом Токио приходится нащупывать тонкий баланс между нормализацией связей с Китаем и сдерживанием его «агрессивных амбиций», прежде всего, с помощью Соединенных Штатов, которые также к настоящему времени возвели Китай в ранг своего главного противника не только на региональном индо-тихоокеанском, но и на глобальном уровне.

Большие усилия в этом плане предпринял бывший премьер-министр Абэ Синдзо, который, всемерно укрепляя японо-американский альянс, одновременно настойчиво добивался улучшения отношений Японии с Китаем. Апогеем его деятельности стал визит в Пекин в 2018 г., в ходе которого он встретился с председателем КНР Си Цзиньпином и провозгласил наступление «новой эры» в японо-китайских отношениях. Важным побудительным мотивом встречного поворота Пекина и Токио друг к другу в тот момент явилась агрессивная торговая политика Трампа, уже тогда развязанная им в отношении Китая. Си Цзиньпин намеревался нивелировать негативные последствия этой политики за счет углубления торгово-экономических отношений с Японией². В двусторонней повестке одно время стоял и ответный визит китайского лидера в Японию.

Однако визиту Си помешала разразившаяся пандемия COVID-19. Затем произошел откат в японо-китайских отношениях, вызванный, как считают в Токио, экспансионистской военно-морской деятельностью Пекина в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. В Восточно-Китайском море он выдвигает притязания на контролируемые Японией острова Сэнкаку (по-китайски Дяоюйдао), постоянно направляя к ним свои военные суда и самолеты. Кроме того, Китай предъявляет территориальные требования в отношении ряда стран Юго-Восточной Азии, и, более того, стремится установить контроль почти над

¹ Taro Ono. Defense report: International community in new era of crisis // Asahi Shimbun. May 12, 2025. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15756765> (дата обращения: 13.05.2025).

² Edo Naito. Are China-Japan relations truly 'warming,' or is this just fool's gold again? // Japan Times. February 14, 2025. URL: <https://www.japantimes.co.jp/commentary/2025/02/14/japan/are-china-japan-relations-warming/> (дата обращения: 30.04.2025).

всей акваторией Южно-Китайского моря, через которое проходят жизненно важные для Японии торговые пути.

В самые последние годы большие опасения в Токио вызывают «агрессивные поползновения» Китая в отношении Тайваня, безопасность которого стала напрямую увязываться японскими политиками и экспертами с безопасностью Японии. Острыми проблемами, омрачающими на сегодняшний день японо-китайские отношения, являются также обеспечение безопасности проживающих в Китае японцев, подвергающихся нападениям со стороны местных националистов, и отказ Пекина от импорта японских морепродуктов после аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г.

На этом фоне повторный приход Дональда Трампа к власти может вновь создать предпосылки для определенного сближения Японии и Китая. Обеспокоенность его оглушительной победой на президентских выборах в ноябре 2024 г. побудила премьер-министра Японии Исиба Сигэру и председателя КНР Си Цзиньпина провести личную встречу на полях саммита АТЭС в Лиме позднее в том же месяце. Во время встречи два лидера подтвердили свою цель развивать «взаимовыгодные отношения, основанные на общих стратегических интересах»¹. «Фактор Трампа» содействовал достижению предварительной договоренности между Токио и Пекином о снятии китайского эмбарго на импорт японских морепродуктов². Как полагают иностранные аналитики, если Трамп будет слишком настойчиво добиваться от Японии уступок в сфере безопасности и торговли, Токио может начать новую эру разрядки отношений с Пекином. Внешняя политика Трампа, вероятно, воссоздаст условия, которые привели к потеплению отношений между Китаем и Японией во время его первого президентского срока³.

Активизировавшийся обмен делегациями высокопоставленных деятелей между Токио и Пекином весной 2025 г. может свидетельствовать о поисках руководством двух стран путей к улучшению отношений между Японией и Китаем. В частности, в марте Японию посетил китайский министр иностранных дел Ван И, который на встрече со своим японским коллегой Ивая Такэси заявил, что важно активно развивать стабильные и долгосрочные двусторонние отношения между Японией и Китаем. В ходе экономического диалога Ван, имея в виду тарифную политику Трампа, сказал, что «односторонность и протекционизм процветают», и отметил важность в связи с этим японо-китайского сотрудничества. Ивая, со своей стороны, вновь подчеркнул, что Китай и Япония стремятся все-сторонне развивать «взаимовыгодные отношения, основанные на общих страте-

¹ Francis Tang. Ishiba and Xi hold first in-person talks amid Japan-China tensions // Japan Times. November 16, 2024. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2024/11/16/japan/politics/china-japan-xi-ishiba-meeting/> (дата обращения: 30.04.2025).

² Shinsuke Uemura and Akiko Yoshinaga. China Hopes to Improve Japan Ties Amid Conflict with U.S.; Resumption of Japanese Seafood Imports Seen as Attempt to Boost Ties with Neighbors // Yomiuri Shimbun. May 31, 2025. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/politics-government/20250531-257779/> (дата обращения: 31.05.2025).

³ Lewis Eves. Trump 2.0 could drive China-Japan closer together // Asia Times. November 14, 2024. URL: <https://asiatimes.com/2024/11/trump-2-0-could-drive-china-japan-closer-together/> (дата обращения: 05.04.2025).

гических интересах»¹. Побывавший в апреле в Пекине лидер партии Комэйто Сайто Тэцуо передал Си Цзиньпину письмо от Исиба Сигэру. В нем, надо полагать, в очередной раз выражалась готовность к улучшению отношений между Японией и Китаем.

Таким образом, несмотря на призывы Вашингтона к совместным действиям против Пекина в торгово-экономической сфере, Токио в силу высокой зависимости Японии от Китая в этой сфере не пойдет на создание совместного с США антикитайского экономического блока. Более того, возвращение Трампа к кормилу власти в Соединенных Штатах способствовало реанимации не проводившихся в течение нескольких лет переговоров между Японией, Китаем и Южной Кореей о создании между ними трехсторонней зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии. Очередной раунд таких переговоров на высшем уровне предполагается провести в Токио в конце 2025 г. Если он осуществится, то в повестку японо-китайских отношений может быть включен первый визит премьер-министра Исиба Сигэру в Китай.

Вместе с тем очевидно, что даже ограниченное сближение Японии и Китая на фоне транзакционных подходов Трампа как к ключевому союзнику США в Азии в лице Японии, так и главному противнику в образе Китая, будет затруднено рядом вышеупомянутых глубоко укоренившихся проблем двусторонних отношений в области политики и безопасности.

Япония и Корейский полуостров

Корейский полуостров исторически играет исключительно важную роль с точки зрения культурных, экономических и политических интересов Японии, а также в области ее безопасности. В ходе и после окончания Корейской войны Япония наряду с Южной Кореей оказалась встроенной в американскую стратегию «сдерживания коммунизма в Азии», в том числе нивелирования «военной угрозы» со стороны Северной Кореи. В течение нескольких десятилетий обе страны, заключившие двусторонние договоры безопасности с США, были главными опорами в проведении упомянутой стратегии, но военного взаимодействия между собой не осуществляли. Препятствием этому служили неурегулированные проблемы, уходящие корнями в период колониального правления Японии на Корейском полуострове, такие как территориальный спор вокруг контролируемых Сеулом островков Токто (по-японски Такэсима), компенсации «женщинам для утешения» (корейкам, угнанным в японские прифронтовые бордели), а также корейцам, вывезенным на тяжелые работы в Японию, и другие.

Тем не менее благодаря давлению на Японию и Южную Корею со стороны Соединенных Штатов в августе 2023 г. в Кэмп-Дэвиде на трехстороннем саммите с участием президента США Дж. Байдена, премьер-министра Японии Кисида Фумио и президента Южной Кореи Юн Сок Ёля удалось фактически институа-

¹ Wang Yi's Words are Empty Until China Improves Its Behavior // Japan Forward. March 27, 2025. URL: <https://japan-forward.com/wang-yis-words-are-empty-until-china-improves-its-behavior/> (дата обращения: 30.04.2025).

лизировать трехсторонний альянс этих стран, который наряду с Quad и AUKUS (о них будет сказано ниже) призван стать важным элементом индо-тихоокеанской стратегии Токио и Вашингтона, нацеленной в первую очередь на сдерживание военно-политических амбиций Китая, а также ракетно-ядерного потенциала Северной Кореи. В значительной мере этому способствовала политика тогдашнего президента Южной Кореи Юн Сок Ёля, который взял курс на примирение с Японией, фактически пойдя на уступки по вопросу выплаты компенсаций корейцам, по принуждению работавшим во время войны в Японии, и другим проблемам двусторонних отношений [Кистанов 2024].

Транзакционные внешнеполитические и экономические подходы Трампа к ситуации на Корейском полуострове вызывают серьезные опасения в Японии еще со времен его первого президентского срока. Тогда Трамп обвинял Южную Корею наряду с Японией в недостаточном финансировании американских войск, расположенных на ее территории, и несправедливой торговле с Соединенными Штатами. При этом он шантажировал Сеул выводом этих войск.

Возвращение Трампа в кресло американского президента, который в отношении Южной Кореи, также, как и в Японии, настаивает на увязке торговых проблем с гарантиями безопасности, вызвало шок в Южной Корее. По мнению некоторых аналитиков, выдвижение Трампом жестких условий продолжения американского военного присутствия в Южной Корее вкупе с серьезной дестабилизацией текущей внутривосточной ситуации в стране может разрушить формирующийся трехсторонний механизм сотрудничества между Японией, Южной Кореей и США [Langel 2025].

Дестабилизация в 2024 г. внутривосточной ситуации в Южной Корее в связи с неудавшейся попыткой введения военного положения в стране и последующим импичментом Юн Сок Ёля породила большую тревогу у японских политиков и экспертов, поскольку отстранение от власти Юн Сок Ёля может свести на нет улучшение в двусторонних связях, достигнутое при его администрации, в то время как важность отношений между восточноазиатскими соседями возрастает на фоне кардинальных изменений в мировой ситуации, вызванных действиями Трампа¹.

Ситуация на Корейском полуострове может еще более осложниться в связи с избранием 3 июня 2025 г. президентом Южной Кореи лидера левой оппозиции Ли Чжэ Мёна. В Токио опасаются, что приход к власти Ли Чжэ Мёна, имеющего репутацию антияпонского деятеля, может не только привести к ухудшению двусторонних связей между Японией и Южной Кореей, но и к смягчению курса Сеула в отношении Северной Кореи, что в свою очередь ослабит согласованные в рамках трехстороннего альянса усилия США, Японии и Южной Кореи по сдерживанию «ракетно-ядерной угрозы» со стороны Пхеньяна². Кроме того, в Япо-

¹ Denny Roy. Likely to lead South Korea, Lee holds left's foreign policy views // Asia Times. April 15, 2025. URL: <https://asiatimes.com/2025/04/likely-to-lead-south-korea-lee-holds-lefts-foreign-policy-views/> (дата обращения: 15.04.2025).

² Yoon's ouster prompts Japanese concerns about ties with South Korea // Japan Times. April 5, 2025. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/04/05/japan/politics/yoon-south-korea-japan-ties/> (дата обращения: 04.05.2025).

нии не исключают того, что новый президент возьмет курс на определенное удаление Южной Кореи от США и, наоборот, на сближение с Китаем — главным торговым партнером Южной Кореи.

Но Ли, ранее критиковавший подход администрации Юн Сок Ёля к Японии как «унизительную дипломатию», во время предвыборной кампании позиционировал соседнюю страну как «важного партнера по сотрудничеству». В своей инаугурационной речи он также подчеркнул важность трехстороннего сотрудничества между Японией, США и Южной Кореей¹. Новоизбранный либеральный президент Южной Кореи Ли Чжэ Мён, скорее всего, будет стремиться к стабильным отношениям с Японией, по крайней мере в начале своего правления, избегая жесткой позиции, поскольку обе страны сталкиваются с проблемами региональной безопасности и неопределенностью, вызванной политикой президента США Дональда Трампа².

Япония, со своей стороны, хотела бы укрепить двусторонние отношения с Южной Кореей при ее новом президенте. В ходе своего телефонного разговора после вступления Ли в должность президента Исиба и лидер Южной Кореи не только договорились о построении «стабильных двусторонних отношений в сложных стратегических условиях», но и подтвердили важность трехстороннего сотрудничества с их общим союзником — Соединенными Штатами³.

Наряду с транзакционным курсом Трампа в отношении Южной Кореи японских политиков также серьезно беспокоит вероятность возобновления американским президентом переговоров с северокорейским лидером Ким Чен Ыном с целью заключения ограниченной сделки, которая фактически признавала бы статус Северной Кореи как государства, обладающего ядерным оружием. Еще в его первое правление Трамп шокировал Токио своими тремя сепаратными встречами с Кимом, в ходе которых американский руководитель надеялся добиться соглашения, предусматривающего сокращение ракетно-ядерного потенциала КНДР в обмен на ослабление санкций в отношении этой страны.

При этом японских наблюдателей тревожила возможность того, что в результате сделки Пхеньян пойдет на ликвидацию своих межконтинентальных баллистических ракет, способных достигать территории США, но сохранит ракеты средней и меньшей дальности, в радиус действия которых входит вся территория не только Южной Кореи, но и Японии. И хотя в итоге переговоры Трампа с Кимом закончились провалом, президент США посчитал возможным выдвижение своей кандидатуры на получение Нобелевской премии мира, а тогдашний пре-

¹ Editorial: New S. Korean president urged to stabilize politics, cooperate globally // Mainichi. June 5, 2025. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20250605/p2a/00m/0op/004000c> (дата обращения: 06.06.2025).

² S. Korea's Lee to seek stable ties with Japan amid uncertainties // Mainichi. June 4, 2025. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20250604/p2g/00m/0in/055000c> (дата обращения: 06.06.2025).

³ Japan, S. Korea leaders agree, in 1st call, to build stable ties // Mainichi. June 9, 2025. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20250609/p2g/00m/0na/019000c> (дата обращения: 10.06.2025).

мьер-министр Японии Абэ Синдзо по его просьбе дал соответствующую рекомендацию¹.

Нельзя исключать, что после своей реинкарнации в качестве президента США Дональд Трамп, сохранивший «нобелевские амбиции», попытается продолжить курс в отношении Пхеньяна, который он проводил в свой первый президентский срок, хотя прорыва в отношениях с КНДР от него ждать не стоит². Более того, по мнению известного американского эксперта по Азии Виктора Ча, Трамп может заключить с Северной Кореей «большую, смелую и очень плохую сделку» [Cha 2025].

Как бы то ни было, любое изменение в отношениях между США и Северной Кореей может значительно повлиять на баланс сил, расчеты в сфере безопасности и союзы в Северо-Восточной Азии. Токио, скорее всего, будет настаивать на более жестком многостороннем подходе к Северной Корее, который гарантирует, что интересы Японии в сфере безопасности — особенно в отношении ракетных угроз — не будут отодвинуты на второй план в случае возможной двусторонней сделки между Трампом и Ким Чен Ыном³.

Япония и страны ЮВА

Государства Юго-Восточной Азии, прежде всего, входящие в АСЕАН, имеют жизненно важное значение для Японии в плане обеспечения ее интересов как в сфере экономики, так и в области безопасности. Этот регион играет большую роль в торгово-экономической стратегии Японии, и прежде всего как поставщик энергоресурсов и сырья. Страны ЮВА расположены на пересечении основных морских путей, воздушных маршрутов и подводных кабельных линий, через которые проходит львиная доля торговли, коммуникаций и импорта топлива Японии.

В последние годы ряд стран АСЕАН активно вовлекается Токио и Вашингтоном в стратегию Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, нацеленную на сдерживание наступательной военно-морской активности Китая. Китай, со своей стороны, прилагает большие усилия для укрепления собственного влияния среди стран ЮВА и привлечения их на свою сторону в нарастающей в регионе военно-политической и экономической конфронтации с Японией и Соединенными Штатами.

Однако для Трампа значимость стран ЮВА представляется не столь большой, как для его предшественников на посту американского президента. Во время своего первого президентского срока Трамп четыре года подряд не присутст-

¹ Более подробно см.: Валерий Кистанов. Что стоит за выдвижением Абэ «друга» Трампа кандидатом на премию мира // Независимая газета. 25.02.2019. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2019-02-25/3_7517_kartb.html

² Where new talks between Donald Trump and Kim Jong Un might go // The Economist. April 10, 2025. URL: <https://www.economist.com/asia/2025/04/10/where-new-talks-between-donald-trump-and-kim-jong-un-might-go> (дата обращения: 16.04.2025).

³ Lakhvinder Singh. Any new Trump-Kim diplomacy to be judged by results, not rhetoric // Asia Times. March 22, 2025. URL: <https://asiatimes.com/2025/03/any-new-trump-kim-diplomacy-to-be-judged-by-results-not-rhetoric/> (дата обращения: 05.05.2025).

вовал на саммитах, связанных с АСЕАН. Это дало основания предполагать, что влияние США в регионе будет ослабевать. Резкое повышение импортных тарифов для стран региона в начале его второго срока также расценивается как игнорирование экономических интересов этих стран и понижение их роли в стратегии Вашингтона в Индо-Тихоокеанском регионе.

Будучи обеспокоенным, что, в связи с этим страны ЮВА начнут дистанцироваться от США и, наоборот, сближаться с Китаем, Токио сразу после переизбрания Трампа резко активизировал свою деятельность в отношении государств региона с целью не допустить их дрейфа в сторону Китая¹. Уже через месяц после вступления в октябре 2024 г. в должность премьер-министра Исиба нанес визит в Лаос. Затем в январе 2025 г. он отправился в Малайзию и Индонезию, а в апреле посетил Вьетнам и Филиппины. За первые шесть месяцев своего пребывания на посту главы кабинета Исиба посетил пять из десяти стран — членов АСЕАН. Целью посещения им Вьетнама и Филиппин — двух ключевых стран ЮВА — было также углубление сотрудничества с ними в сфере безопасности, поскольку обе страны, как и Япония, имеют территориальные и другие противоречия с Китаем.

На фоне ослабления интереса Трампа к странам ЮВА председатель КНР Си Цзиньпин в апреле 2025 г. также посетил Вьетнам, Малайзию и Камбоджу, продемонстрировав, что Пекин уделяет особое внимание сотрудничеству с Юго-Восточной Азией в свете беспрецедентных торговых тарифов, наложенных на страны региона Трампом.

Следует отметить, что наряду со странами ЮВА Япония придает большое значение связям с развивающимися государствами в других регионах мира, зачастую пытаясь играть роль моста между ними и промышленно развитым Западом. Трамп в своей внешней стратегии в отличие от администрации Байдена не намерен уделять серьезное внимание таким международным структурам, как «Большая двадцатка» (G20), а также многочисленной группе развивающихся стран, объединенных понятием Глобальный Юг. Признаком этого служит тот факт, что госсекретарь США Марко Рубио отсутствовал на встрече министров иностранных дел стран — членов «Двадцатки», который был проведен в феврале 2025 г. в Йоханнесбурге.

В свете этого японское правительство намерено играть более важную роль в предотвращении смещения стран Глобального Юга в сторону Китая и России, заменив в этом отношении в какой-то степени Соединенные Штаты. На упомянутой встрече министр иностранных дел Ивая Такэси призвал к расширению сотрудничества между Японией и развивающимися странами Глобального Юга. Правительство Японии планирует провести в августе 2025 г. в Иокогаме 9-ю Токійскую международную конференцию по развитию Африки (TICAD 9) с целью укрепления связей со странами Глобального Юга².

¹ Masashi Yamaguchi. Japan Wary of ASEAN Members Shifting Away from U.S.; Ishiba Hopes to Limit Spread of China's Economic Influence // Yomiuri Shimbun. April 30, 2025. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/politics-government/20250430-251980/> (дата обращения: 01.05.2025).

² Hirotaka Kuriyama. Japanese Foreign Minister Takeshi Iwaya Calls for Unity with Emerging Countries at G20 Meeting // Yomiuri Shimbun. February 23, 2025. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/politics-government/20250223-240219/> (дата обращения: 17.04.2025).

Япония и индо-тихоокеанские миниальянсы

Сдерживание Китая, а также Северной Кореи и России, которые позиционируются в Токио и Вашингтоне как главные военные угрозы и вызовы безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, является главной задачей для системы двусторонних военно-политических союзов США с рядом стран региона, таких как Япония, Южная Корея и Филиппины (геополитическая концепция «оси и спиц»). Кроме того, в указанном регионе в тех же целях в последние годы набирает темпы процесс создания сети многосторонних миниальянсов, таких, как Quad («Четверка») в составе США, Японии, Австралии и Индии, AUKUS (Австралия, Англия США), а также вышеупомянутый треугольник Япония—США—Южная Корея.

Quad была создана в 2004 г. в ответ на землетрясение и цунами в Индийском океане с целью оказания помощи пострадавшим от этих стихийных бедствий странам. Сотрудничество стран-членов «Четверки» включает взаимодействие по нетрадиционным вопросам безопасности, таким как изменение климата, стихийные бедствия, пандемии, инфраструктура, кибербезопасность и безопасность на море. Однако с течением времени эти сферы отошли на второй план, и фокусом деятельности этой пока еще диалоговой организации стало проведение в жизнь стратегии Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона. «Четверка» фактически стала главным инструментом проведения этой стратегии.

Следует отметить, что Трамп еще в первый срок своего пребывания в кресле американского президента, критикуя Quad на словах, на деле содействовал повышению ее роли в сфере безопасности в ИТР. Эту линию в период своего правления продолжил Джо Байден, повысивший статус четырехсторонней группировки до уровня лидеров. Однако транзакционная риторика Трампа, вернувшегося на пост президента, породила среди политиков и экспертов сомнения в его желании и далее поддерживать деятельность «Четверки» и даже сохранять ее¹. Но эти сомнения фактически были развеяны знаковой встречей руководителей Госдепартамента США и министров иностранных дел Японии, Австралии и Индии в Вашингтоне на следующий день после инаугурации Трампа 20 января 2025 г.

В заявлении по итогам встречи «Четверка» подтвердила свою приверженность Свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону и, не называя Китай по имени, но прозрачно намекая на него, решительно выступила против «односторонних действий, направленных на изменение статус-кво с помощью силы или принуждения», и пообещала укреплять безопасность во многих сферах. Указанная встреча означала, что Quad, переживавшая кризис идентичности, не только всерьез занялась проблемами безопасности, но и послала сигнал Китаю о своем более жестком подходе к нему². Итоги встречи были с удовлетворением

¹ Can Donald Trump maintain Joe Biden's network of Asian alliances? // The Economist. January 16, 2025. URL: <https://www.economist.com/asia/2025/01/16/can-donald-trump-maintain-joe-bidens-network-of-asian-alliances> (дата обращения: 17.01.2025).

² The Quad finally gets serious on security // The Economist. January 30, 2025. URL: <https://www.economist.com/asia/2025/01/30/the-quad-finally-gets-serious-on-security> (дата обращения: 04.04.2025).

восприняты в Японии, которая к настоящему моменту фактически стала «мото-ром» четырехстороннего альянса.

AUKUS была сформирована во время президентства Байдена также с откровенной миссией сдерживания «военно-морской экспансии» Китая в южной части Тихого океана. Для этого планируется предпринять беспрецедентный шаг — вооружить Австралию атомными подводными лодками американского производства класса «Вирджиния». И хотя возвращение Трампа к кормилу власти в США несет в себе риск отказа от продажи таких лодок Австралии в связи с их нехваткой в самих Соединенных Штатах, указанный трехсторонний альянс, по мнению западных экспертов, продолжит свое существование и в эпоху Трампа 2.0¹.

Япония не только позитивно встретила факт появления AUKUS, но и координирует с альянсом свой курс в сфере безопасности в рамках собственной стратегии сдерживания «китайской военной угрозы». Более того, в последнее время в экспертной среде мулсируется идея о присоединении Японии, наряду с Южной Кореей, к этому альянсу в том или ином виде по формуле «AUKUS плюс». Не исключено, что в соответствии со стратегической установкой Трампа на увеличение бремени американских союзников в Азии по обеспечению их собственной безопасности эта идея может реализоваться быстрее, чем, предполагалось.

Присоединение к AUKUS Японии и Южной Кореи придало бы азиатский оттенок этому чисто англосаксонскому военному блоку, который рассматривается в некоторых странах Восточной Азии как «инородное тело» в азиатско-тихоокеанской системе безопасности. В целом можно ожидать, что при активном содействии Японии как Quad, так и AUKUS, получают «второе дыхание» благодаря Трампу, который рассматривает эти многосторонние миниальянсы не как дипломатические форумы, а как коалиции по обеспечению безопасности, призванные бросить вызов региональным амбициям Китая².

Япония и Россия

Отношения Японии и России, отягощенные территориальными претензиями Токио в отношении российских Южных Курил («северных территорий», по японской терминологии) и отсутствием мирного договора по итогам Второй мировой войны, в послевоенный период характеризуются регулярной сменой периодов потепления и охлаждения, что определяется не только изменениями во внутривполитической ситуации в обеих странах, но и внешними факторами, в основном позицией США. Так, второй срок правления премьер-министра Абэ Синдзо (2012—2020 гг.) был отмечен его активным диалогом не только с прези-

¹ AUKUS enters its fifth year. How is the pact faring? // The Economist. January 9, 2025. URL: <https://www.economist.com/asia/2025/01/09/aukus-enters-its-fifth-year-how-is-the-pact-faring> (дата обращения: 17.01.2025).

² Syed Munir Khasru. Aukus, Quad will have to step up under Trump's Indo-Pacific stance // South China Morning Post. February 21, 2025. URL: https://www.scmp.com/opinion/world-opinion/article/3299049/aukus-quad-will-have-step-under-trumps-indo-pacific-stance?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (дата обращения: 04.04.2025).

дентом США Д. Трампом, который не проявлял большого интереса к российско-японским отношениям, но и с президентом РФ В. Путиным в целях поиска компромиссного решения указанных проблем на основе Советско-японской декларации 1956 г.

Однако разочарование отсутствием ожидаемого прорыва в двусторонних отношениях, уход Абэ с поста премьера, а затем и его трагическая гибель привели к застою в них при его приемнике Суга Ёсихидэ и значительному откату во время премьерства Кисида Фумио, занявшего жесткую позицию по территориальному вопросу. Именно при нем было четко подтверждено, что японский суверенитет распространяется на все четыре северных острова, а в официальный лексикон были возвращены термины «незаконная оккупация» Россией этих островов, а также их «исконная принадлежность» Японии. Эти термины не фигурировали в официальных нарративах в эпоху Абэ.

В связи со Специальной военной операцией на Украине, начавшейся в феврале 2022 г., ситуация в отношениях между Россией и Японией еще более ухудшилась. Активно действуя в русле политики коллективного Запада, Япония ввела несколько объемных пакетов санкций в отношении России и предприняла ряд других шагов, направленных на ограничение двусторонних связей. Одновременно Токио оказывает большую финансовую, материальную, информационно-пропагандистскую и даже нелетальную военную помощь Украине.

В качестве обоснования своего антироссийского курса японские политики выдвигают разделяемый руководством НАТО тезис о неделимости безопасности Евроатлантического и Индо-Тихоокеанского регионов. Этот тезис сопровождается фразой о том, что «сегодняшняя Украина завтра может стать Восточной Азией». За этой формулировкой, впервые высказанной еще бывшим премьер-министром Абэ, стоят опасения Токио по поводу того, что, следуя примеру России на Украине, Китай может попытаться силой присоединить к себе Тайвань. В военных действиях на Украине коллективным Западом ставка делается на стратегическое поражение России, в том числе в назидание Китаю. Как заявил министр иностранных дел Японии Ивая Такэси на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г., Россия не должна стать победителем в украинском конфликте¹.

Москва в ответ на действия Токио включила Японию в список «недружественных стран» и прекратила переговоры о заключении мирного договора. Кроме того, Россия вышла из диалога о возможной совместной хозяйственной деятельности на принадлежащих России островах, на которые выдвигает свои претензии Япония, отменила безвизовые обмены и предприняла ряд других зеркальных политических и экономических мер. В результате российско-японские отношения на сегодняшний день оказались на самом низком уровне за весь послевоенный период. Свой курс в отношении России Япония тесно координирует с такими

¹ Russia Must Not be Victor in Ukraine Conflict, Says Japanese Foreign Minister Iwaya; Minister Expresses Concerns at Munich Security Talks // Yomiuri Shimbun. February 16, 2025. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/world/russia/20250216-238948/> (дата обращения: 09.05.2025).

ведущими западными структурами, как «Большая семерка» (G7), Евросоюз и НАТО, действующими единым фронтом с начала СВО.

Однако смена подходов Вашингтона к конфликту на Украине после возвращения Трампа, пытающегося добиться его скорейшего компромиссного решения, была негативно встречена не только европейскими союзниками США, но и Японией. Хотя в отличие от европейских стран, открыто осуждающих Трампа за его «уступки России» в указанном конфликте, Токио занял более сдержанную, а фактически выжидательную позицию, не желая лишний раз раздражать американского президента, и без того занимающего весьма критическую позицию по отношению к Японии по узловым вопросам двусторонних японо-американских отношений.

При этом Токио надеется сыграть роль медиатора в вызванном Трампом расколе между США и государствами Западной Европы по вопросу ситуации на Украине. Так, премьер Исиба, выступая в парламенте, заявил, что Япония «не намерена принимать чью-либо сторону» после беспрецедентного скандала между президентом США Дональдом Трампом и украинским лидером Владимиром Зеленским в Белом доме в феврале 2025 г. Он также сказал, что Япония «должна сделать все возможное», чтобы предотвратить раскол между США, Украиной и G7¹.

А на онлайн-саммите G7 24 февраля 2025 г. японский лидер выразил надежду на то, что дипломатические усилия Соединенных Штатов и других стран приведут к «выходу из (украинской) ситуации». Но при этом он дал понять, что Япония сохранит свой прежний курс в отношении России. Исиба предостерег своих коллег из стран «Большой семерки» от «отправки неверных сигналов» России во время мирных переговоров по конфликту на Украине. Японский премьер-министр подчеркнул, что члены G7 должны быть едины в стремлении к «справедливому и прочному миру» на Украине и что Токио продолжит оказывать поддержку Киеву и вводить санкции против Москвы².

На этом фоне прием в Кремле В. Путиным в конце мая Абэ Акиэ — вдовы премьер-министра Абэ Синдзо, несмотря на тот факт, что официальные японские власти заявили о своей непричастности к этому событию, может свидетельствовать о подспудном желании Москвы и Токио наладить диалог в условиях текущего кризиса в российско-японских отношениях.

Следует отметить, что Токио, стремительно и резко ужесточивший свои подходы к России в связи с СВО, не намерен при этом отказываться от переговоров о мирном договоре на основе решения территориального вопроса, имея в виду достижение своей давней дипломатической цели, а именно, возвращения «северных территорий» [Akimoto 2022]. Желание продолжить мирные переговоры с Россией звучит рефреном в официальных документах и высказываниях полити-

¹ Jesse Johnson. Ishiba says Japan won't take sides in U.S. row with Ukraine // Japan Times. March 3, 2025. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/03/03/japan/politics/ishiba-ukraine-trump-reaction/> (дата обращения: 09.05.2025).

² Ishiba warns G-7 against sending wrong signal on Ukraine war // Asahi Shimbun. February 25, 2025. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15640712> (дата обращения: 07.05.2025).

ков Японии на протяжении всей СВО. Однако, судя по всему, вернуться к вопросу о мирном договоре между Россией и Японией станет возможным только после окончания конфликта на Украине.

Заключение

Возвращение Дональда Трампа на пост президента Соединенных Штатов было встречено японскими политическими и деловыми кругами, а также экспертным сообществом и СМИ с большой тревогой по поводу возможного деструктивного влияния его политического и экономического курса на международную ситуацию как на глобальном, так и региональном индо-тихоокеанском уровне, а также на японо-американские отношения. При этом официальные деятели Японии, избегая открытой критики шагов Трампа, ущемляющих ее национальные интересы, заявляют о необходимости твердо отстаивать эти интересы в торгово-экономической, политической и других сферах, пытаясь на двусторонних переговорах с США найти компромиссные развязки по торговым тарифам, расходам на оборону и другим наиболее чувствительным вопросам отношений с этой страной в экономической области, а также в сфере безопасности.

Одновременно Трамп подвергается резкой критике со стороны японских экспертов и СМИ как за свои «антидемократические и диктаторские» действия внутри страны, так и за транзакционный подход к мировым делам. В японских политологических кругах все активнее обсуждается идея о том, что Япония в условиях неизбежного снижения роли Америки в мире в эпоху Трампа 2.0 должна значительно повысить свою роль на международной арене и даже взять на себя роль оплота против антилиберализма [Ichihara 2025].

«Фактор Трампа» становится серьезным побудительным мотивом для Токио к выстраиванию равноправных отношений в рамках двустороннего японо-американского военного альянса и одновременно стимулом к обретению Японией большей независимости в обеспечении собственной безопасности. Фактически это уже проявляется как в наращивании оборонного потенциала страны, так и в укреплении военных связей страны с другими международными акторами, в том числе европейскими государствами-членами НАТО. Этот процесс, надо полагать, будет сопровождаться активизацией усилий по пересмотру «мирной конституции» Японии с целью легализации ее Сил самообороны в качестве полноценной армии. Наряду с этим возвращение Трампа будет способствовать более тесному сотрудничеству в Восточной Азии между Японией, Китаем и Южной Кореей, которые, преодолевая трудности двусторонних отношений между ними, намерены создать собственную зону свободной торговли.

Очевидно, однако, что США на ближайшие годы останутся главным гарантом японской безопасности, а Япония — форпостом американской военно-политической стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе. Японо-американский военный альянс будет и далее укрепляться с прицелом на противостояние с Китаем, Северной Кореей и Россией, которые в настоящий момент, с точки зрения

Токио, представляют собой наибольшие вызовы для Японии в сфере безопасности. Вместе с тем по мере реализации выдвинутого Трампом концептуального лозунга «Америка превыше всего» не исключены попытки налаживания конструктивного диалога и определенного сближения Японии с указанными государствами.

Намечающееся под влиянием «трампизма» переформатирование мирового геополитического и геоэкономического ландшафтов может в тактическом плане скорректировать курс Японии на международной арене, в том числе в двусторонних отношениях с ее основными партнерами. Однако вряд ли следует ожидать, что оно приведет в обозримом будущем к глубокой трансформации японской внешней политики, в том числе проводимой Японией совместно с США стратегии Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, ориентированной, прежде всего, на военно-политическое и экономическое сдерживание КНР. Важными инструментами этой стратегии останутся активно создаваемые двумя странами многосторонние миниальянсы, такие как Quad, треугольник Япония—США—Южная Корея, и другие.

Вместе с тем в Японии после повторного пришествия Трампа набирает силу убежденность, что стране необходимо проводить более самостоятельную политику не только на региональном, но и на глобальном уровне. Так, по мнению авторитетного японского эксперта Танака Акихико, Япония должна выйти за рамки ее базовой стратегии Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP) и проводить активную, а не реактивную дипломатию, основанную на формуле «FOIP+++», то есть на расширении связей с Европой, Центральной Азией, включая Монголию, а также с Центральной и Южной Америкой. Такая дипломатия могла бы стать лучшим способом взаимодействия с администрацией Трампа¹.

Библиографический список

Каспэ С.И. Империя на хозрасчёте: что делает Трамп с американским могуществом. И чего не делает // *Россия в глобальной политике*. 2025. Т. 23. № 3. С. 10—34. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/imperiya-na-hozraschyote-kaspe/> DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-3-10-34.

Кистанов В.О. Треугольник Япония — США — Южная Корея: насколько прочным окажется новый альянс? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. Выпуск: № 2. С. 7—20. URL: <https://journals.rcsi.science/0131-2812/article/view/259062> DOI: <https://doi.org/10.31857/S0131281224020018>.

Тренин Д.В. Ревизионист, а не революционер // *Россия в глобальной политике*. 2025. Т. 23. № 3. С. 35—51. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/revizionist-trenin/> DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-3-35-51.

¹ Akihiko Tanaka. With Trump Back, Japan Must Expand Foreign Policy // *Yomiuri Shimbun*. May 30, 2025. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/editorial/insights-world/20250530-256950/> (дата обращения: 03.06.2025).

References

Kaspe, S.I. (2025). Imperiya na khozraschete: chto delaet Tramp s amerikanskim mogushchestvom. I chego ne delaet [Empire on Self-Financing: What Is Trump Doing With American Power? And What He Does Not Do]. *Rossiya v global'noi politike*, 23 (1), 10—34. Retrieved from URL: <https://globalaffairs.ru/articles/imperiya-na-hozraschyo-te-kaspe/>. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-3-10-34 (In Russian).

Kistanov, V.O. (2024). Treugol'nik Yaponiya — SShA — Yuzhnaya Koreya: naskol'ko prochnym okazhetsya novyi al'yans? [Japan—USA—South Korea Triangle: How Strong Will the New Alliance Be?]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2, 7—20. Retrived from URL: <https://journals.rcsi.science/0131-2812/article/view/259062>. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0131281224020018> (In Russian).

Trenin, D.V. (2025). Revizionist, a ne revolyutsioner [A Revisionist, Not a Revolutionary]. *Rossiya v global'noi politike*, 23 (3), 35—51. Retrieved from URL: <https://globalaffairs.ru/articles/revizionist-trenin/>. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-3-35-51 (In Russian).

* * *

Akimoto, D. (2022, April 25). Japan's New Diplomatic Bluebook: Revised by the Russia-Ukraine War. *The Diplomat*. Retrieved May 08, 2025, from URL: <https://thediplomat.com/2022/04/japans-new-diplomatic-bluebook-revised-by-the-russia-ukraine-war/>

Cha, V. (2025, May 29). Get Ready for a Big, Bold, and Very Bad North Korea Deal. *Foreign Affairs*. Retrieved May 29, 2025, from URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/big-bold-and-very-bad-north-korea-deal-trump?s=EDZZZ005ZX&utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Get%20Ready%20for%20a%20Big%20Bold%20and%20Very%20Bad%20North%20Korea%20Deal&utm_content=20250529&utm_term=EDZZZ005ZX

Gammon, L. (2025, April 06). Trump white-ants US democracy and opens a values gap with allies. *East Asia Forum*. Retrieved April 06, 2025, from URL: <https://eastasiaforum.org/2025/04/06/trump-white-ants-us-democracy-and-opens-a-yawning-value-gap-with-americas-allies/>

Ichihara, M. (2025, April-June). Japan as a global bulwark against illiberalism under Trump 2.0. *East Asia Forum*, 17 (2), 30—31. Retrieved May 28, 2025, from URL: <https://eastasiaforum.org/wp-content/uploads/2025/05/East-Asia-Forum-Quarterly-Volume-17-Number-2.pdf>

Kausikan, B. (2025, January 7). Who's Afraid of America First? What Asia Can Teach the World About Adapting to Trump. *Foreign Affairs*, January/February 2025. Retrieved January 11, 2025, from URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/whos-afraid-america-first-bilahari-kausikan-trump?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=The%20Race%20to%20Lead%20the%20Quantum%20Future&utm_content=20250110&utm_term=EDZZZ003ZX

Langel, T. (2025, March 01). Japan and South Korea in the Age of ‘America First’. *The Diplomat*. Retrieved April 15, 2025, from URL: <https://thediplomat.com/2025/03/japan-and-south-korea-in-the-age-of-america-first/>

Pajon, C. (2025, January). Japan: Consolidating its status as a key ally. In *The Indo-Pacific and Trump II: In Uncle Sam's Brutal Embrace. Asie.Visions*, No. 144, Ifri. Retrieved February 2, 2025, from URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/2025-01/ifri_indo-pacific_and_trump_ii_2024.pdf

Smith, S.A. and McClean C. (2024, May—December). Once Again, Leadership Transitions Challenge US-Japan Alliance. *Comparative Connections*, 26 (2). Retrieved February 2, 2025, from URL: <https://cc.pacforum.org/2024/12/once-again-leadership-transitions-challenges-us-japan-alliance/>

Поступила в редакцию: 17.06.2025

Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 17 June 2025

Accepted: 21 July 2025

Н.К. Семенова

Конкуренция и сотрудничество в морской торговле: динамика китайско-японских отношений в условиях геополитической напряженности

Аннотация. Морская торговля является ключевым компонентом экономик Китая и Японии, двух ведущих держав Восточной Азии. В условиях глобализации и увеличения международных торговых потоков порты этих стран играют центральную роль в обеспечении эффективной логистики и транспортировки товаров и являются барометром внешней торговли. Важность морской торговли для обеих стран обусловлена их географическим положением, развитием портовой инфраструктуры и растущими потребностями в международных поставках. Китайско-японские торговые отношения и взаимодействие в портовой и смежных сферах представляют собой сложный и многогранный процесс, а также являются важным аспектом экономического и геополитического взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С одной стороны, страны стремятся к совместным проектам и технологическим инновациям для повышения эффективности портов и логистики. С другой стороны, геополитические факторы и конкуренция за влияние создают напряженность в их отношениях. Несмотря на исторические и политические разногласия Японии и Китая, осложняющиеся напряженным американо-китайским противостоянием, потенциал для улучшения торговых связей, совместной работы в области развития морской инфраструктуры, логистики и портового хозяйства еще не потерян и не исчерпан.

Основываясь на историческом контексте, автор статьи анализирует текущее состояние и потенциальные направления развития двустороннего сотрудничества между Китаем и Японией в сферах взаимной торговли и модернизации морских портовых инфраструктур как инструмента этого сотрудничества. Исследование включает периодизацию взаимоотношений обеих стран в области морского транспорта и внешней торговли. Особое внимание уделено анализу морских профилей КНР и Японии, выявлению ключевых факторов экономической и геополитической конкуренции между двумя государствами с учетом особенностей экономики, географии и стратегий развития портового хозяйства двух государств. Оцениваются актуальные показатели двусторонней торговли, исследуются региональные и глобальные экономические и стратегические аспекты конкуренции стран в области портовой инфраструктуры, а также проводится оценка текущих политических рисков и возможностей, обусловленных сложной геополитической ситуацией в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Китай, Япония, портовая инфраструктура, морская торговля, торговый баланс, геополитика.

Автор: Семенова Нелли Кимовна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7872-8972.
E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Семенова Н.К. (2025). Конкуренция и сотрудничество в морской торговле: динамика китайско-японских отношений в условиях геополитической напряженности // Японские исследования. 2025. № 3. С. 26—49.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-26-49.

N.K. Semenova

Competition and cooperation in maritime trade:

The dynamics of Sino-Japanese relations in the context of geopolitical tensions

Abstract. Maritime trade is a key component of the economies of China and Japan, the two leading powers in East Asia. In the context of globalization and increasing international trade flows, the ports of these countries play a central role in ensuring efficient logistics and transportation of goods and act as a barometer of foreign trade. The importance of maritime trade for both countries is due to their geographical location, the development of port infrastructure, and the growing needs for international supplies. Sino-Japanese trade relations and interaction in the port and related areas are a complex and multifaceted process, and are also an important aspect of economic and geopolitical interaction in the Asia-Pacific region. On the one hand, the countries seek joint projects and technological innovations to improve the efficiency of ports and logistics. On the other hand, geopolitical factors and competition for influence create tensions in their relations. Despite the historical and political differences between Japan and China, complicated by the tense U.S.-China confrontation, the potential for improving trade ties, joint work in the field of maritime infrastructure development, logistics and port economy has not yet been lost or exhausted.

Based on the historical context, the article analyzes the current state and potential directions for the development of bilateral cooperation between China and Japan in the areas of mutual trade and modernization of seaport infrastructure as a tool for this cooperation. The study includes periodization of the relations of both countries in the field of maritime transport and foreign trade. Particular attention is paid to analyzing the maritime profiles of China and Japan, identifying key factors of economic and geopolitical competition between the two countries while taking into account the peculiarities of the economy, geography, and strategies for the development of port facilities of the two countries. The current indicators of bilateral trade are assessed, regional and global economic and strategic aspects of competition between the countries in the field of port infrastructure are studied, and the current political risks and opportunities caused by the complex geopolitical situation in the Asia-Pacific region are assessed.

Keywords: China, Japan, port infrastructure, maritime trade, trade balance, geopolitics.

Autor: *Semenova Nelli K.*, Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7872-8972. E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Semenova, N.K. (2025). Konkurentsiya i sotrudnichestvo v morskoi torgovle: dinamika kitaisko-yaponskikh otnoshenii v usloviyakh geopoliticheskoi napryazhennosti [Competition and cooperation in maritime trade: The dynamics of Sino-Japanese relations in the context of geopolitical tensions]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 26—49. (In Russian).
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-26-49.

Введение

Морская торговля представляет собой один из наиболее значимых и динамично развивающихся секторов мировой экономики, и в этом контексте Китай и Япония занимают особое место как ведущие державы Восточной Азии. Эти страны не только обладают мощными экономиками, но и располагают стратегически важными портами, которые играют ключевую роль в международной логистике и торговле. В условиях глобализации и резкого увеличения объемов международных торговых потоков порты Китая и Японии становятся важнейшими узловыми точками, обеспечивающими эффективную транспортировку товаров и интеграцию в глобальные цепочки поставок.

Географическое положение Китая и Японии, находящихся на пересечении основных морских торговых путей, создает дополнительные возможности для развития морской торговли. Китай, с его крупнейшими в мире портами, такими как Шанхай и Нинбо, служит отправной точкой для множества товаров, экспортируемых на международные рынки. Япония, обладая высокоразвитыми портовыми инфраструктурами в Токио, Осаке и Кобэ, также активно участвует в международной торговле, особенно в области высоких технологий и потребительских товаров.

Однако, несмотря на взаимные интересы и потенциальные выгоды от сотрудничества, конкуренция стран в портовой сфере и области морских перевозок становится все более ощутимой. Это вызвано не только экономическими факторами, но и геополитическими обстоятельствами, включая напряженные отношения между Китаем и США, а также внутренние политические и экономические вызовы в Японии. В таких условиях важно исследовать не только конкурентные аспекты в морской торговле и смежных сферах, но и их влияние на потенциальную вероятность трансформации сложившейся схемы торгового партнерства и морских перевозок в системе морских перевозок в Восточной Азии.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа динамики китайско-японских отношений в условиях усиления стратегического соперничества между США и Китаем, а также изменений в глобальных торговых потоках. Целью статьи является анализ исторического контекста морского взаимодействия и торговли между Китаем и Японией, выявление ключевых этапов развития сотрудничества в портовой сфере, факторов экономической и геополитической конкуренции, перспектив дальнейшего взаимодействия, а также, оценка возможностей для совместного развития. Для достижения этих целей в статье исследуется роль ключевых портов Японии и Китая в торговых отношениях, динамика этих отношений с учетом современных вызовов, а также проводится прогнозирование будущих тенденций с учетом возможной позиции Японии в условиях напряженных отношений между США и Китаем.

В работе применяются историко-сравнительный и статистический методы, позволяющие проследить эволюцию торговых отношений и оценить их современное состояние.

Проблемы позиционирования Японии и Китая в глобальной экономике [Молодякова др. 2012; Булатов, Сенюк, Ребрей 2019; Тимонина 2023; Дун 2024,

63—73; Морозов 2020, с.80—95] и развитие различных граней экономических отношений между Китаем и Японией [Кистанов 2018; Уразаева 2018, с. 824—830; Шульга 2018; Burns 2000, р. 27—58; Mayers, King 1867], являются предметом активного научного изучения, отражающего значимость данного аспекта в контексте глобальной экономики и международных отношений. Исследования показывают, что морская торговля служит не только важным экономическим инструментом, но и стратегическим элементом внешнеэкономической политики обеих стран. Ученые анализируют влияние исторической памяти и географического положения Китая и Японии на углубление торговых отношений.

Отдельная группа исследований посвящена конкурентным аспектам взаимоотношений Японии и Китая в глобальном и локальном масштабах [Гордеева 2020, с. 53—66; Казанцев 2023, с. 212—223; Nagy 2013, р. 54]. Конкуренция Китая и Японии в сфере морских перевозок, портовой инфраструктуры и смежных вопросах усиливается на фоне растущих экономических амбиций Китая и необходимости Японии маневрировать и адаптироваться к изменяющимся условиям мировой экономики и политики в связи с соперничеством США и Китая [Нелидов, Стрельцов 2025, с. 24—67; Киреева 2025, 67—102].

Отечественная библиография свидетельствует о недостаточной изученности современных аспектов японо-китайского сотрудничества в сфере морской торговли. Отдельного внимания заслуживают вопросы совместного развития логистических систем и портовой инфраструктуры как ключевого инструмента двустороннего партнерства. Актуальность таких исследований обусловлена несколькими факторами. Во-первых, они способствуют пониманию динамики отношений между ведущими восточноазиатскими державами. Во-вторых, позволяют оценить перспективы сотрудничества в условиях обострения геополитической ситуации. Особую значимость эта проблематика приобретает на фоне нарастающей напряженности в американо-китайских отношениях, которая существенно влияет на японо-китайское взаимодействие.

Обзор ключевых этапов развития двусторонних отношений в портовой сфере

Морская торговля представляет собой один из краеугольных камней экономики Китая и Японии, двух ведущих держав Восточной Азии, чьи порты играли ключевую роль в их экономическом развитии на протяжении веков и занимают центральные позиции в современной международной логистике и торговле. Во времена династии Тан (618—907) и династии Сун (960—1279) порты стали центрами международной торговли благодаря морским путям, соединяющим Китай с другими регионами Азии и Европы. В XX в. китайские порты пережили значительные изменения, особенно после экономических реформ конца 1970-х гг., когда началась модернизация портовой инфраструктуры. Китайские порты, такие как Шанхай, Нинбо и Гуанчжоу исторически были важными торговыми узлами.

Японские порты, такие как Токио, Осака и Кобэ, также имеют долгую историю. Они развивались как центры внешней торговли с момента открытия страны для международного общения в середине XIX в. После Второй мировой войны Япония быстро восстановила свою портовую инфраструктуру, что способствовало возникновению ее «экономического чуда» 1960-х гг. Исторические события оказали значительное влияние на современное сотрудничество между Китаем и Японией.

Взаимодействие Китая и Японии в портовой сфере, охватывающее различные этапы развития, от древних торговых путей до современных логистических альянсов, можно разделить на несколько ключевых этапов. Периодизация основана на значимых политических, экономических и технологических событиях, оказавших существенное влияние на развитие двусторонних отношений в этой области, отражает изменения в приоритетах и стратегиях обеих стран, а также реакцию на глобальные и региональные вызовы. Каждый этап характеризуется своими особенностями, достижениями и вызовами (табл. 1).

Таблица 1. Периодизация сотрудничества между Китаем и Японией в портовой сфере

Период	Основные события	Особенности	Достижения
Древний и средневековый период: VII—XIX века	VII—IX века: начало морской торговли между Китаем и Японией. XIII—XIX века: регулярные торговые связи	Первые торговые маршруты и установление дипломатических отношений. Активизация торговли во времена династии Мин (1368—1644) и Эдо в Японии (1603—1868)	Обмен культурными ценностями и товарами, включая шелк, керамику и специи. Формирование первых торговых портов, таких как Нагасаки и Кантон
Эпоха модернизации и колониализма (1868—1945)	1868: реставрация Мэйдзи в Японии. 1895: первая китайско-японская война. 1930-е — 1945: углубление экономических связей на фоне военных конфликтов	Активное развитие портовой инфраструктуры. Япония получила контроль над Тайванем и другими стратегически важными портами (1895)	Установление японского влияния на китайские порты способствовало развитию инфраструктуры, но также вызывало напряженность. Модернизация портов в обеих странах, внедрение новых технологий
Послевоенный период (1945—1972)	1945: окончание Второй мировой войны и начало восстановления экономики в обеих странах	Восстановление портовой инфраструктуры после войны, улучшение условий для международной торговли	Установление новых торговых маршрутов, что способствовало росту объемов перевозок
Восстановление дипотношений (1972—1977)	1972: восстановление дипломатических отношений между Китаем и Японией. 1974: заключение Соглашения о морском транспорте	Возобновление экономического сотрудничества КНР и Японии, включая портовую сферу	Соглашение (КНР—Япония) о морском транспорте установило правовые основы для сотрудничества. Увеличение объемов грузоперевозок между странами

Окончание табл. 1

Период	Основные события	Особенности	Достижения
Период экономической интеграции (1978—1989)	1978: начало экономических реформ в Китае под руководством Дэн Сяопина	Увеличение объемов грузоперевозок между двумя странами. Япония — один из первых иностранных инвесторов в китайские порты (технологии, и фин. поддержка)	Основное внимание — восстановление и развитию базовой портовой инфраструктуры: Шанхай, Тяньцзинь (Китай), Иокогама, Кобе (Япония)
Интенсификация сотрудничества (1990—2000)	1990-е годы: углубление экономического сотрудничества на фоне глобализации	Либерализация китайской экономики и интеграция Китая в мировую торговую систему. Рост японских инвестиций в китайскую инфраструктуру, включая порты. Активное строительство новых терминалов и модернизация существующих портов	Увеличение объемов контейнерных перевозок. Развитие логистических цепочек между портами Китая и Японии. Создание современных контейнерных терминалов в портах Шэньчжэнь и Нинбо. Укрепление торговых связей — рост экономик обеих стран
Технологический прогресс и интеграция (2001—2009)	2001: Вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) — новые возможности для торговли с Японией	Резкое увеличение объемов внешней торговли и необходимости модернизации портовой инфраструктуры в КНР. Интеграция современных технологий в портовое управление, автоматизация процессов. Углубление сотрудничества в области экологии и устойчивого развития портов	Увеличение пропускной способности портов за счет глубоководных терминалов. Развитие мультимодальных транспортных коридоров. Порт Шанхай — один из крупнейших в мире по грузообороту. Совместные проекты по внедрению «умных» технологий в портах Иокогама и Кобе
Устойчивое развитие и цифровизация (2010—2019)	2010: КНР выдвигает программы развития новых стратегических отраслей. 2013: Объявление инициативы «Один пояс, один путь», включающей развитие портовой инфраструктуры	Инициатива Один пояс, один путь стимулирует развитие портовой инфраструктуры как части глобальных транспортных сетей. Усиление внимания к экологическим вопросам и устойчивому развитию. Участие Японии в китайских инфраструктурных проектах	Развитие цифровых платформ для управления грузопотоками. Создание «зеленых» портов в Шанхае и Иокогама. Внедрение блокчейн-технологий для повышения прозрачности грузоперевозок. Внедрение «зеленых» технологий: использование возобновляемых источников энергии и снижение выбросов

Источники: сост. авт. по: [Гордеева 2020, с. 53—66; Казанцев 2023, с. 212—223; Кистанов 2018; Лебедева 2015, с. 386—436; Уразаева 2018, с. 824—830; Шульга 2018; Burns 2000, р. 27—58; Mayers, King 1867].

Исторический анализ показывает, что сотрудничество между Китаем и Японией в новой и новейшей истории в портовой сфере прошло путь от восстановления базовых торговых связей до комплексного взаимодействия, включающего технологический обмен, экологические инициативы и интеграцию в глобальные транспортные сети. Каждый этап внес свой вклад в развитие портовой инфраструктуры и укрепление экономических связей между двумя странами.

Травмы, связанные с японской оккупацией, до сих пор вызывают напряжение в Китае, так же, как и территориальные споры, затрудняют развитие политического диалога и снижают торговый потенциал [Nagy 2013, p. 46—57]. Тем не менее, экономические интересы обеих стран способствуют сближению. Как отмечает Этрин Бернс [Burns 2000, p. 50], несмотря на неровности, мешавшие общей благожелательности в диадических отношениях, «сочетание искусной дипломатии высокого уровня вместе с базовой приверженностью обеих сторон экономическим отношениям смягчило конфликт». Это искусство разделения политики и экономики, известное как «сэйкэй бунри», на протяжении долгого времени позволяло Китаю и Японии сохранять стабильные экономические отношения, минимизируя влияние геополитических разногласий [Nagy 2013, p. 54]¹.

Обострение американо-китайского соперничества в сочетании с китайской экономической экспансией вызывают в Японии серьезные опасения — как относительно масштабов экономической зависимости от Китая, так и относительно давления в вопросах двусторонних отношений. Принципы «сэйкэй бунри» для экономического взаимодействия с Китаем уступают место новой конфронтационной модели «экономической реалистической» дипломатии премьер-министра Японии Фумио Кисиды [Nagy 2023, p. 27—30]. Политические подходы к решению проблем, связанных с влиянием политики на экономическую безопасность Японии, включают выборочную диверсификацию цепочек поставок за пределы Китая, рещоринг, френд-шоринг и национальное технологическое развитие.

При этом, как отмечает ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии Ю.В. Морозов, «стратегическая активность Пекина давно перешагнула национальные границы КНР, которая благодаря интенсивной экономической экспансии стала участником перераспределения сфер мирового влияния в свою пользу, вытесняя соперничающих акторов из тех регионов мира, где они до недавнего времени доминировали» [Морозов 2020, 80—95]. Это обстоятельство вызывает существенное беспокойство в Японии, добавляя, помимо прочих факторов, напряженности в отношениях двух стран.

Китай в настоящее время демонстрирует снижение зависимости от традиционных рыночных сегментов, таких как Европа и США. Согласно официальной статистике, значительная доля торгового оборота КНР приходится на развиваю-

¹ Maeda, H. (2016). Japan-China Relations at a Crossroads: Asia's two biggest economic powers continue to struggle to find common ground // The Diplomat. July 22, 2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/07/japan-china-relations-at-a-crossroads/> (дата обращения: 23.03.2025)

щиеся экономики, среди которых выделяются страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Предварительные данные за 2024 г. показывают, что рынки Латинской Америки, Африки, пяти центральноазиатских республик, а также регионов Центральной и Восточной Европы вносят вклад в прирост внешней торговли Китая, составляющий порядка 60 %, причем доля экспортно-импортных операций КНР с государствами-партнерами инициативы «Один пояс, один путь» впервые преодолела отметку в 50 %¹. Диверсификация партнерской базы в сфере международной торговли способствует повышению устойчивости китайской внешнеэкономической деятельности к экзогенным факторам риска и неопределенности, обеспечивая стабильность дальнейшего роста внешнеторговых показателей.

По мнению китайских исследователей, потенциал сотрудничества Китая и Японии в морской экономике еще не потерян и не исчерпан, несмотря на имеющиеся чувствительные факторы [Wu Chongbo, Yao Yungui 2018, p. 59—68]. Ярким примером этому может служить открытие в 2023 г. высокоскоростного логистического коридора Китай — Япония², морского маршрута, представляющего собой первый высокоскоростной логистический канал между Северным Китаем и Японией, который был создан для обслуживания товарооборота в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства (англ. Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) (Китай—Япония—Южная Корея). Данный маршрут, известный как «Золотой коридор», связывает порты Циндао (Даган) и Осака (Наньган), сокращая время в пути до 36 часов. Ключевыми особенностями маршрута являются: интеграция мультимодальных перевозок, сокращение сроков доставки и оптимизация таможенных процедур. Прогнозируемый грузооборот на первом этапе эксплуатации составляет 13 тыс. TEU³ и 2,5 тыс. импортируемых автомобилей в год, что способствует снижению логистических издержек и стимулированию трансграничной торговли.

Также внушает оптимизм и восстановление взаимной торговли, демонстрировавшей в последнее время тенденцию к снижению, и первая за последние 1 год и 4 месяца встреча министров иностранных дел Республики Корея, Китая и Японии, которая состоялась 22 марта текущего года. Стороны заложили основу для дальнейшего сотрудничества в Восточной Азии и договорились координировать проведение будущих саммитов⁴.

¹ Chūgoku 2024-nen no yushutsunyū sōgaku wa 43-chō en chō, taigai bōeki ni 4-tsu no chūmoku-ten [China's total exports and imports will exceed 43 trillion yuan in 2024: 4 points to look out for in foreign trade] // Nikkei Nikkei BP China. May 05, 2025. URL: <https://project.nikkeibp.co.jp/bpi/atcl/column/19/012700551/> (дата обращения: 15.03.2025). (In Japanese).

² Xin Xiaoli. Zhong-Ri “haishang gaosu” kaitong, quancheng hangshi jin xu 36 ge xiaoshi [China-Japan “sea highway” opened, the entire journey takes only 36 hours] // Qingdao Financial Daily. Jun 30, 2022. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/256563.html> (дата обращения: 23.03.305)

³ Двухфутовый эквивалент (twenty-foot equivalent unit, TEU) — условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств (прим. авт.)

⁴ Чон Ми Сон. В Токио прошла встреча глав МИД Республики Корея, Китая и Японии // Korea.net. 24.03.2025. URL: <https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=268578> (дата обращения: 15.03.2025).

Эволюция лидерства в мировой портовой индустрии: сравнительный анализ развития Китая и Японии

Восточная Азия в настоящее время занимает доминирующее положение в мировой портовой индустрии и морском транспорте. Этот регион располагает основными мировыми контейнерными терминалами, обеспечивающими транснациональные грузопотоки. Судоводная инфраструктура Восточной Азии обеспечивает функционирование самого крупного флота контейнеровозов и концентрирует свыше 97 % мировых мощностей судостроительных верфей¹. 56,5 % мировой грузоподъемности судов приходится на Азию, при этом Китай (310 млн дедвейт) и Япония (242 млн дедвейт) владеют значительными долями².

Исторически лидерство в мировой портовой отрасли последовательно переходило от Западной Европы к Северной Америке, а затем к Восточной Азии. Этому способствовала экспортноориентированная политика индустриализации, реализованная Гонконгом, Тайванем и Южной Кореей, что обеспечило устойчивый рост контейнерных перевозок в регионе.

В 1980-х гг. Китай начал внедрять схожие стратегии, и уже к 1990-м гг. это привело к резкому увеличению грузооборота — сначала в дельте Жемчужной реки, а затем в портах дельты реки Янцзы и Бохайского залива. В это же время контейнерные порты Японии, такие как Кобэ и Иокогама, занимали ведущие позиции среди мировых лидеров, находясь на 12 и 18 местах соответственно в рейтинге крупнейших контейнерных терминалов. С течением времени процесс контейнеризации распространился не только на центральные порты, но и на региональные. Однако порты Японии делали инвестиции в развитие в ответ на спрос, в отличие от агрессивного стратегического развертывания крупномасштабных концентрированных инвестиций, наблюдаемых в соседних странах, таких как Южная Корея и Китай [Семенова 2023]. Увеличение размеров контейнеровозов и формирование стратегических альянсов морских перевозчиков привели к усилению конкуренции между портовыми инфраструктурами.

До середины 1990-х гг. динамичное развитие торговли между Японией и «азиатскими тиграми» (Сингапуром, Гонконгом, Тайванем и Южной Кореей) стимулировало рост региональных портов, особенно в контейнерном сегменте. Глобализационные процессы существенно повлияли на развитие портовой инфраструктуры Китая и Японии. Рост международных торговых операций привел к значительному увеличению объема грузоперевозок через порты этих стран, что потребовало модернизации существующих портовых сооружений и строительства новых контейнерных терминалов. Глобализация также привлекла иностранные инвестиции в портовую инфраструктуру. Японские компании активно участвовали в модернизации китайских портов, внедряя передовые технологии управления и логистики [Шульга 2018].

¹ Ships built by country of building, annualLast updated // UNCTAD. Jun 05, 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ShipBuilding> (дата обращения: 16.03.2025).

² Maritime transport // UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/insights/theme/25> (дата обращения: 16.03.2025).

Однако в дальнейшем мировая производственная база стала смещаться в Китай, который превратился в ключевой драйвер роста глобальных контейнерных перевозок. В результате Восточная Азия еще больше укрепила свои позиции как центр мирового контейнерного трафика.

Прирост доли Азиатского региона в общем объеме мировой торговли обеспечен главным образом Китаем. За период 2000—2023 гг. вклад Китая в торговлю Восточной Азии вырос почти в три раза — с 19,9 % в 2000 г. до 55 % в 2023 г., сменив прежнего торгового лидера региона Японию, сократившую свою «торговую долю» с 36,0 % до 13,9 %¹ (табл. 2).

Таблица 2. Общий объем торговли и темпы роста, 2020, 2023 гг. (млн долл. США)

Экономика	Экспорт			Импорт		
	2000	2023	2000/2023, %	2000	2023	2000/2023, %
Восточная Азия	1 258 590	5 752 052	357	1 124 625	5 027 099	347
Китай	249 203	3 379 255	1256	225 024	2 556 565	1036
Япония	479 296	717 261	50	379 510	785 796	107

Источник: составлено и рассчитано автором по Merchandise: Total trade and share, annual // UNCTAD. October 10, 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal> (дата обращения: 16.03.2025).

Примечание: данные округлены.

Согласно данным UNCTAD, в 2010 г. мировой объем перевалки контейнеров составил примерно 545 млн TEU. К 2023 г. этот показатель вырос до почти 858 млн TEU, что свидетельствует о росте более, чем на 57 %. Контейнерооборот портов КНР достиг 279,8 млн TEU, порты Японии завершили год с показателем 21,5 млн TEU. В то время как общий рост объемов перевозок в мире существенно увеличился, японский портовый сектор оставался относительно стабильным, что указывает на стагнационные процессы в отрасли и приводит к снижению позиций страны в международных рейтингах морских перевозок (табл. 3).

Таблица 3. Динамика грузо потока контейнерных портов, мир, Китай², Япония, 2010—2023 гг. (млн TEU) (данные округлены)

Экономика	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Мир	545,4	591,0	620,8	641,1	672,1	681,9	698,3	743,3	781,1	801,2	792,5	849,5	854,1	858,2
КНР	136,0	151,8	165,9	176,6	187,3	195,5	202,8	218,7	229,1	237,6	240,5	256,9	269,0	279,8
Япония	20,0	20,6	21,5	21,4	21,7	21,1	21,7	22,8	23,4	23,3	21,6	22,4	22,5	21,5

Источник: составлено автором по Container port throughput, annual // UNCTAD. March 24, 2025. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ContPortThroughput> (дата обращения: 24.03.2025).

¹ Merchandise: Total trade and share, annual // UNCTAD. October 10, 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal> (дата обращения: 16.03.2025).

² Без учета показателей Специальных административных районов КНР Гонконга и Макао, и провинции Тайвань (прим. авт.)

По итогам 2023 г. 5 японских портов входят в ТОП-100 контейнерных портов мира: Токио — 46-е место, Иокогама — 68-е, Кобэ — 72-е, Нагоя — 75-е, завершает пятерку порт Осака, занимающий 84-е место в рейтинге (табл. 4).

Таблица 4. Крупнейшие контейнерные порты Японии по версии Lloyd, пропускная способность (млн TEU) и темпы роста (%), 2022—2023 гг.

Место в рейтинге	Порт	Пропускная способность, тыс. ТЕП			Причины повышения/снижения показателей
		2023	2022	2022/2023, %	
46	Токио	4570,00	4430,00	+3,2	Восстановлении экономики после последствий СОУГО
68	Иокогама	3021,01	2979,60	+1,4	Оживление экономики после последствий СОУТВ
72	Кобэ	2835,59	2890,67	-1,9	Причины снижения: уменьшения объемов контейнерных перевозок за рубежом, в том числе замедления темпов роста в Китае
75	Нагоя	2698,12	2680,23	+0,7	Порт, зависящий от автомобильной промышленности, компенсирует спад в Китае высоким спросом на других рынках
84	Осака	2238,67	2391,31	-6,4	Причины снижения: сложная логистика в Японии из-за замедления экономики Китая, роста цен на энергоносители, слабой иены и вызванного этим повышения цен

Источник: составлено автором по Lloyd's List One Hundred Ports 2023 // Lloyd's. 2024. URL: <https://www.lloydslist.com/one-hundred-container-ports-2024> (дата обращения: 16.03.2025).

Примечание: данные округлены.

Китай, обладая береговой линией протяженностью около 18 тыс. км и разветвленной сетью внутренних водных путей, утвердился в качестве значимого морского центра. Портовая инфраструктура страны играет важнейшую роль в ее экономическом развитии, обеспечивая обработку более 30 % всех мировых контейнерных перевозок¹. В настоящее время в Китае расположено больше морских портов, чем в любой другой стране. Всего в КНР насчитывается около 2 тыс. морских и речных портов (150 прибрежных портов), 130 из которых открыты для судов иностранных государств, 36 крупных портов (включая прибрежные порты и внутренние речные порты) с грузооборотом более 100 млн т в материковом Китае (за исключением Гонконга, Макао и Тайваня), 22 из них прибрежные [Семенова, 2023]. По итогам 2023 г. 25 китайских портов² входят в сотню крупнейших контейнерных портов мира, 8 из 10 портов первой десятки — китайские (табл. 5).

¹ China Port List: Gateways to Global Trade and Economic Growth // TRADLINX. February 16, 2025. URL: <https://blogs.tradlinx.com/china-port-list-gateways-to-global-trade-and-economic-growth/> (дата обращения: 18.03.2025).

Таблица 5. Крупнейшие контейнерные порты Китая по версии Lloyd, пропускная способность (млн TEU) и темпы роста (%), 2022—2023 гг.

Место в рейтинге	Порт	Пропускная способность, тыс. ТЕП		
		2023	2022	2022/2023, %
1	Шанхай	49 158,30	47 303,00	+3,9
3	Нинбо-Чжоушань	35 301,00	33 351,00	+5,8
4	Шэньчжэнь	29 880,00	30 036,20	-0,5
5	Циндао	28 770,00	25 670,00	+12,1
6	Гуанчжоу	25 414,40	24 857,60	+2,2
8	Тяньцзинь	22 187,20	21 021,30	+5,5
10	Гонконг	14 401,00	16 685,00	+13,7
13	Сямэнь	12 553,70	12 434,70	+1,0
20	Тайцан	8039,10	8025,86	+0,2
29	Жичжао	6260,40	5804,40	+7,9
30	Циньчжоу	6210,00	5407,00	+14,9
31	Ляньюньган	6140,00	5570,00	+ 10,2
35	Инкоу	5331,00	4995,00	+6,7
38	Далянь	5028,00	4459,00	+12,8
45	Яньтай	4627,70	4117,80	+12,4
50	Дунгуань	3901,50	3410,00	+14,4
55	Фучжоу	3496,20	3293,00	+6,2
56	Нанкин	3461,00	3200,20	+8,1
58	Цзясин	3404,40	2853,90	+19,3
86	Таншань	2093,60	3343,00	-37,4
89	Наньтун	2042,00	2240,00	-8,8
92	Цюаньчжоу	1919,30	2091,40	-8,2
96	Цзиньчжоу	1840,00	1876,00	-1,9
97	Янну	1833,50	1767,00	+3,8
99	Шаньтоу	1758,20	1765,00	-0,4

Источник: составлено автором по Lloyd's List One Hundred Ports 2023 // Lloyd's. 2024.
URL: <https://www.lloydlist.com/one-hundred-container-ports-2024> (дата обращения: 16.03.2025).

Сравнение социально-экономических и морских профилей Китая и Японии за 2023 г. (рис. 1) показывает, что Китай продолжает доминировать в мировой экономике, занимая около 17 % по доле населения и ВВП (16,92 %). Высокая

² Без учета провинции Тайвань (прим. авт.).

доля Китая в мировом экспорте (14,19 %) подтверждает его статус «мировой фабрики», тогда как его доля в мировом импорте (10,54 %) отражает зависимость от сырья. Япония, несмотря на скромную долю населения (1,54 % от мирового), сохраняет значимый ВВП (3,99 % от мирового), но ее доли экспорта и импорта (3,01 % и 3,24 % соответственно) свидетельствуют о снижении роли в глобальной торговле. Экономический рост в Китае обеспечен более дешевой, чем в Японии, рабочей силой, развитой инфраструктурой, государственной политикой стимулирования экспорта и прямых иностранных инвестиций. Стагнация в Японии связана с демографическим кризисом, переносом производств в другие страны Азии и высокой конкуренцией с КНР (рис. 1).

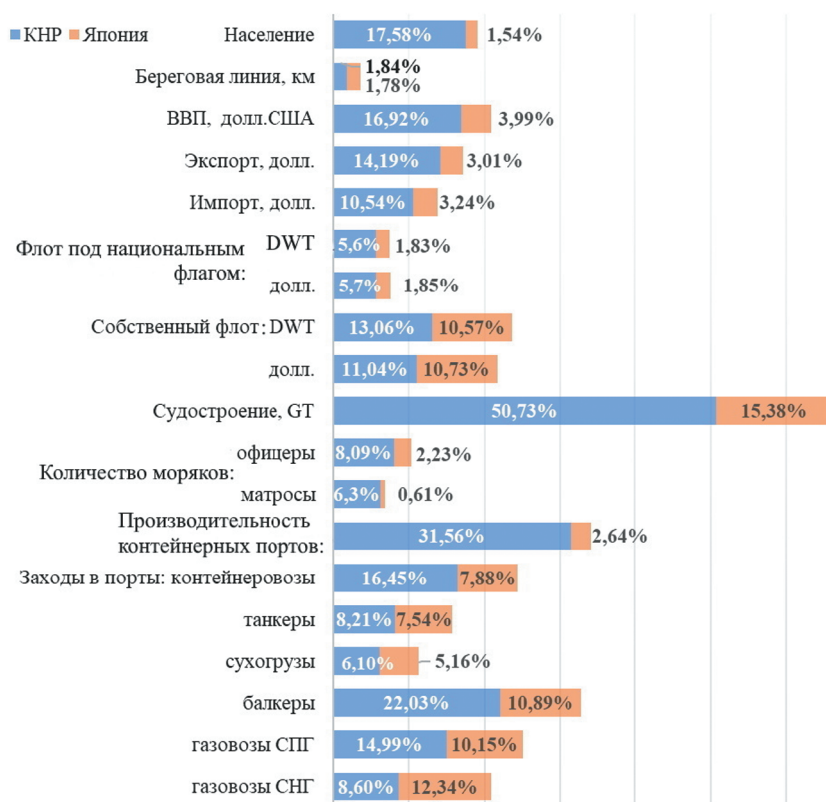

Рис. 1. Социально-экономические и морские профили Китая и Японии, 2023 г. (%)

Источник: составлено автором по Maritime profile: Japan // UNCSTAD. October 11, 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/MaritimeProfile/en-GB/392/index.html> (дата обращения: 22.03.2025); Maritime profile: China // UNCSTAD. October 11, 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/MaritimeProfile/en-GB/156/index.html> (дата обращения: 22.03.2025). *Условные обозначения:* DWT — дедвейт, показатель грузоподъемности грузовых торговых судов; GT — гигатонны; TEU — двадцатифутовый эквивалент — условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств; СПГ — сжиженный природный газ; СНГ — сжиженный нефтяной газ.

Что касается непосредственно морской торговли и судоходства, Китай лидирует в контейнерных перевозках (16,45 % заходов, 31,56 % производительности портов) и судостроении (50,73 % GT), что соответствует его роли главного мирового логистического хаба. Япония уступает по контейнерным перевозкам (7,88 % заходов, 2,64 % производительности), но сохраняет сильные позиции в нишевых сегментах (газовозы СПГ — 10,15 %, танкеры — 7,54 %). Причины такой динамики — в существенном объеме инвестиций Китая в портовую инфраструктуру (Шанхай, Нинбо) и господдержке судостроения. В Японии сокращение судостроительных мощностей происходит из-за высокой стоимости рабочей силы и конкуренции с Кореей и Китаем.

Китай контролирует 22,03 % балкерного рынка и 14,99 % газовозов СПГ, что связано с растущим импортом энергоресурсов (увеличение спроса на уголь и газ для промышленности). Япония, традиционно сильная в газовозах (12,34 % СНГ, 10,15 % СПГ), теряет позиции из-за снижения зависимости от импорта (сокращение потребления СПГ, авария на Фукусиме (2011) и переход к альтернативной энергетике).

Китай играет значительную роль в глобальном судоходстве, обеспечивая 6,3 % мировой численности матросов и 8,09 % офицеров. Однако, несмотря на это, национальный флот, составляющий 13,06 % мирового тоннажа (DWT), в значительной степени зависит от иностранных флагов — лишь 5,6 % судов ходят под китайским флагом. Основная причина такой диспропорции — относительная дешевизна рабочей силы, что делает китайских моряков востребованными на международном рынке. В то же время низкие стандарты оплаты труда снижают престиж профессии, создавая долгосрочные кадровые риски для отрасли. Несмотря на скромную долю в мировом кадровом резерве (0,61 % матросов), Япония сохраняет значительный флот под национальным флагом (1,83 % мирового тоннажа). Эта диспропорция объясняется жестким государственным регулированием, направленным на поддержание отрасли в условиях старения моряков и острой нехватки молодых специалистов. Такая политика отчасти компенсирует демографические вызовы, но может ограничивать конкурентоспособность японского флота в долгосрочной перспективе.

Несмотря на снижение в рейтингах мировой портовой индустрии Япония на текущий момент — одна из крупнейших экономических держав мира, имеет более 1 тыс. портов, расположенных на побережье (около 100 из них имеют статус главных), через которые совершается основной грузооборот. Крупнейшие из них Токио, Иокогама, Нагоя, Осака и Кобэ. По некоторым показателям Япония продолжает занимать лидерские позиции в морских транспортных перевозках мира, что отражено в ведущих мировых рейтингах: в рейтинге крупнейших экономик-судовладельцев¹, в рейтинге экономик по количеству прибытий судов в порты и среднему времени пребывания в порту², в мировом рейтинге лидирую-

¹ Shipping Review and Outlook, Spring 2023 // Clarksons Research. 2024. URL: <https://www.crsi.com/acatalog/shipping-review-and-outlook.html> (дата обращения: 17.03.2025).

² Maritime transport // UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/insights/theme/25> (дата обращения: 16.03.2025).

ших экономик по грузопотоку контейнерных портов¹, в рейтинге экономик — лидеров по Индексу обслуживания линейного судоходства² и др.

Китай и Япония обладают рядом стратегически значимых портов, играющих ключевую роль в двусторонней торговле. Основными логистическими хабами, связывающими китайских экспортеров с мировыми рынками (включая японский), выступают мегапорты Шанхая, Нинбо, Гуанчжоу и Шэньчжэня. В частности, Шанхай — крупнейший в мире контейнерный терминал — играет стратегическую роль в поставках китайских товаров в Японию. Он характеризуется высокой пропускной способностью и современной инфраструктурой, что делает его привлекательным для международных грузоперевозок. Порт Нинбо также занимает высокие позиции в мировом рейтинге и является важным центром для торговли с Японией, особенно в сферах электроники и текстиля. Порты Гуанчжоу и Шэньчжэня, расположенные на юге Китая, играют значительную роль в торговле с Японией. Гуанчжоу особое место занимает в работе с продукцией агропромышленного сектора, автомобильной и промышленной техники. Шэньчжэнь имеет решающее значение для торговли из-за своей близости к Гонконгу и специализируется на электронике и высокотехнологичных товарах.

Среди основных японских портов, обеспечивающих торговлю с Китаем, выделяются Токио, Иокогама, Кобэ и Нагоя. Токийский порт, будучи столичным, играет значительную роль в импорте китайской продукции, включая электронику, текстиль и машины, а также активно участвует в реэкспорте. Порт Иокогамы, один из крупнейших в Японии, обрабатывает широкий спектр грузов — от электроники до скоропортящихся товаров — и обеспечивает их эффективное распределение по промышленным центрам страны. Порт Кобэ, обладающий развитой инженерной инфраструктурой и устойчивостью к стихийным бедствиям, является ключевым логистическим узлом региона Кансай, поддерживая как внутренние, так и международные торговые потоки, особенно в автомобильной промышленности. Порт Нагоя, расположенный в центре японского автомобилестроения, специализируется на перевалке автокомпонентов и сырья, критически важных для локального производства. Все перечисленные порты оснащены современными таможенными системами и надежной логистической инфраструктурой, что обеспечивает бесперебойную доставку грузов от судна до конечных пунктов назначения.

Динамика торгового баланса как индикатор конкурентных позиций Китая и Японии

В настоящее время Китай и Япония являются крупнейшими торговыми партнерами в регионе, несмотря на существенную конкурентную составляющую [Schulze, Blechinger-Talcott 2019, p. 725—747]. Основным торговым партнером

¹ Container port throughput, annual // UNCSTAD. March 24, 2025. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ContPortThroughput> (дата обращения: 24.03.2025).

² Liner shipping connectivity index // UNCSTAD. December 12, 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=92> (дата обращения: 18.03.2025).

Японии на протяжении более полувека вплоть до 2008 г. оставались США. Однако после финансового кризиса конца 2000-х гг. экономика США переживала спад, что привело к снижению спроса. Тем временем, благодаря различным правительственным экономическим мерам, Китай смог сохранить относительно стабильное развитие экономики, демонстрируя высокие темпы роста, и стал главным экспортером для Японии в 2009—2012 гг. Затем лидерство попеременно переходило то к США (2013—2017, 2019, 2023), то к Китаю (2018, 2020—2022). В 2024 г. лидирующую позицию по японскому экспорту вновь заняли США¹.

Что касается импорта, то с момента своего выхода на первое место в рейтинге ведущих торговых партнеров Японии (2002) Поднебесная продолжает удерживать лидерство (рис. 2). Это обусловлено формированием новой экономической и торговой системы, в рамках которой японские компании для усиления международной ценовой конкурентоспособности своей продукции создают производственные мощности в Китае [Urata 2007, р. 114—138], где уровень заработной платы остается ниже, чем в Японии.

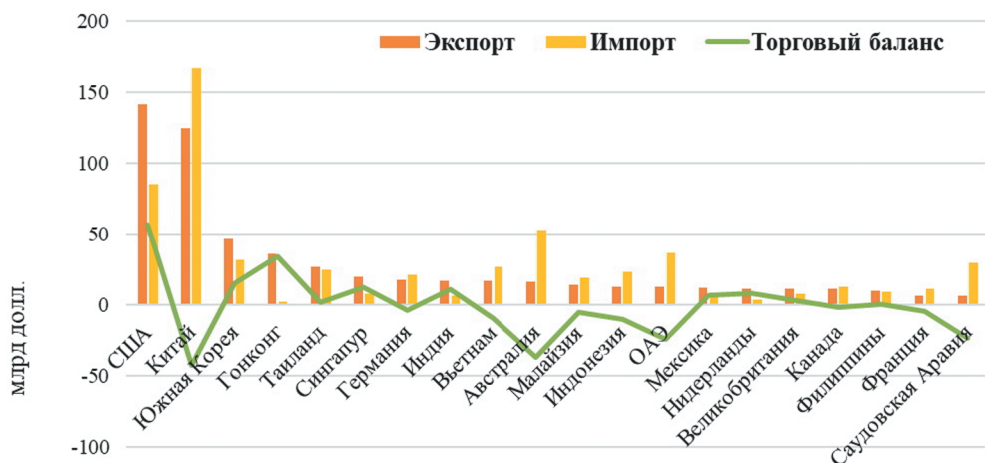

Рис. 2. Показатели внешней торговли Японии по основным торговым партнерам, 2024 г. (млрд долл.).

Источники: составлено автором по Japan Exports By Country // Trading economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/exports-by-country> (дата обращения: 21.03.2025); Japan Imports By Country // Trading economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/imports-by-country> (дата обращения: 21.03.2025).

Для Китая Япония сохраняет статус одного из ключевых торговых партнеров, занимая третье место в рейтинге с общим объемом товарооборота в 308,3 млрд долл. США² (рис. 3). Это положение отражает глубину экономиче-

¹ Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance Japan. January 30, 2025. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/trade-st_e/2024/2024_115e.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

² Trade and Economic Cooperation // National Bureau of Statistics of China, 2024. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm> (дата обращения: 01.09.2025).

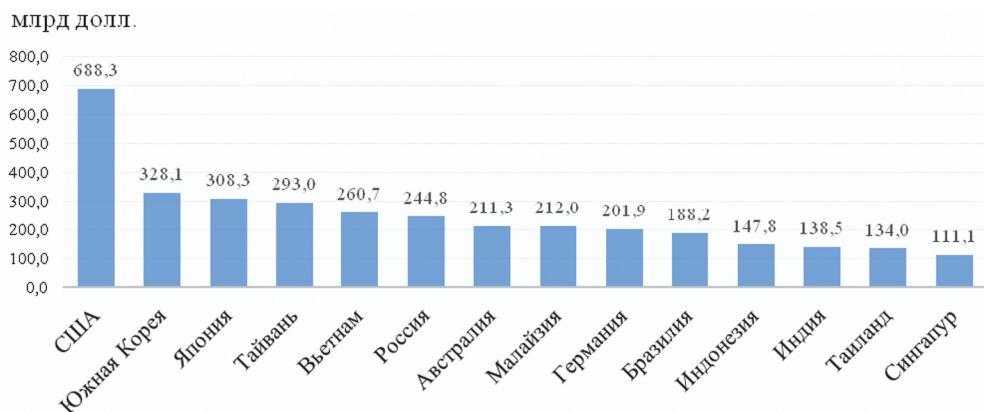

Рис. 3. Крупнейшие торговые партнеры Китая (импорт + экспорт), 2024 г. (млрд долл.).
Источник: составлено автором по International Trade and Economic Cooperation // National Bureau of Statistics of China, 2024. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm> (дата обращения: 01.09.2025).

ской взаимозависимости двух стран, несмотря на периодическое обострение политических разногласий и сохраняющуюся технологическую конкуренцию.

Важно отметить, что Япония, наряду с другими азиатскими партнерами (АСЕАН, Южная Корея, Тайвань), является структурным элементом региональной производственной экосистемы. Совокупный товарооборот Китая с этими соседними экономиками кратно превышает объем торговли с любым другим внерегиональным партнером, включая ЕС и США. Это подтверждает тезис о примате региональной экономической интеграции во внешнеторговой стратегии КНР.

При этом сохранение стабильно высоких объемов торговли происходит на фоне усиления стратегического соперничества и попыток отдельных стран диверсифицировать цепочки поставок, снижая зависимость от Китая. Данные показывают, что, несмотря на эти тенденции, экономическая взаимодополняемость между Китаем и Японией остается настолько глубокой, что ее быстрое разъединение представляется маловероятным.

Что касается динамики японо-китайской торговли, то в начале 2000-х гг. Китай демонстрировал стремительный экономический рост, способствовавший увеличению его экспорта, в том числе в Японию. В балансе взаимной торговли наблюдался устойчивый приоритет Китая. С 1995 по 2024 г. имеются только два эпизода положительного сальдо Японии в торговле с Китаем (рис. 4).

В 2010 г. рост китайской экономики начал замедляться и это повлияло на динамику торговли. Торговый баланс между Японией и Китаем впервые за десятилетия изменился в пользу Японии, что стало важной вехой в экономических отношениях между двумя странами. Это явление представляет собой результат сложного взаимодействия множества факторов, среди которых — восстановление японской экономики в 2010 г. после серьезной рецессии 2008—2009 гг. на фоне глобального финансового кризиса, ослабление юаня по отношению к иене, уси-

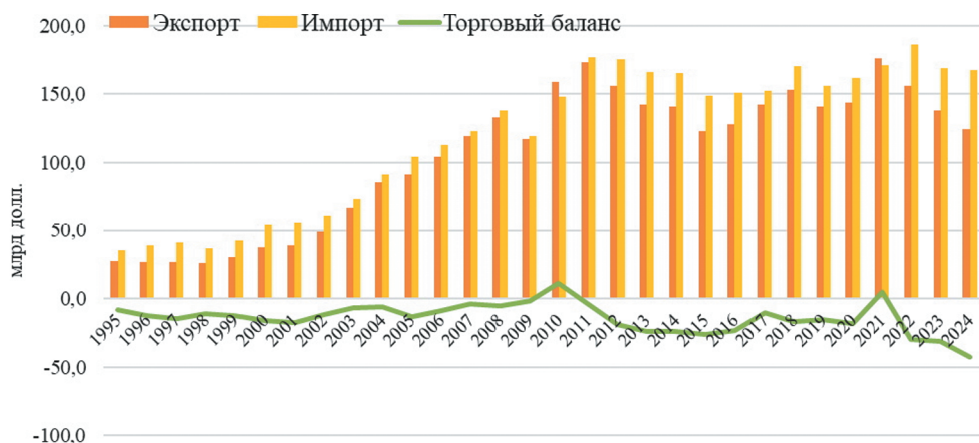

Рис. 4. Показатели внешней торговли Японии с Китаем, 1995—2024 гг. (млрд долл.).

Источники: составлено автором по Japan Exports By Country // Trading economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/exports-by-country> (дата обращения: 21.03.2025); Japan Imports By Country // Trading economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/imports-by-country> (дата обращения: 21.03.2025).

ление конкурентоспособности японских товаров на китайском рынке и др., что способствовало увеличению экспорта из Японии. Также японские корпорации инициировали процесс диверсификации источников снабжения, что обусловило снижение уровня зависимости от продукции китайского происхождения.

Спустя десятилетие, в 2021 г., торговый баланс между Японией и Китаем вновь изменился в пользу Японии. Среди причин этого явления — масштабные экономические изменения в связи с пандемией COVID-19: в глобальных цепочках поставок, во внутренних экономических политиках обеих стран, в условиях на международных рынках.

Японо-китайская торговля в 2024 г. сократилась как по экспорту (-3,5 %), так и по импорту (-2,6 %)¹. При этом было достигнуто рекордное положительное сальдо торгового баланса в пользу Китая в размере 42,5 млрд долл.² Этот результат обусловлен длительными макроэкономическими и геополитическими трендами, такими как укрепление технологического потенциала Китая, снижение конкурентоспособности Японии [Тимонина 2023] и структурные изменения в мировых производственно-сбытовых цепочках (табл. 6). Эти тенденции оказывают значительное влияние на экономики обеих стран, определяя новые направления сотрудничества между ними.

¹ 2024-nen no Chūgoku no bōeki, yushutsunyū tomo ni purasu seichō (Chūgoku) [China's trade, imports and exports to grow positively in 2024 (China)] // Japan External Trade Organization (JETRO). February 4, 2025. URL: <https://www.jetro.go.jp/biznews/2025/02/179af94fc337ee90.html> (дата обращения: 22.03.2025). (In Japanese).

² Japan Exports By Country // Trading economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/exports-by-country> (дата обращения: 21.03.2025); Japan Imports By Country // Trading economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/imports-by-country> (дата обращения: 21.03.2025).

Таблица 6. Основные факторы значительного положительного сальдо Китая в торговле с Японией (2024 г.)

Факторы	Воздействие/следствие
1. Рост китайского экспорта высокотехнологичной продукции	Китай: укрепление позиций в производстве и экспорте высокотехнологичных товаров (электромобили, полупроводники, оборудование для возобновляемой энергетики, потребительская электроника). Япония: растущая конкуренция со стороны китайских компаний, которые предлагают более дешевые аналоги
2. Изменение динамики спроса на японский экспорт в Китае	Китай: замедление экономического роста и усиление внутреннего производства; активные инвестиции в развитие собственных технологий, включая искусственный интеллект, квантовые вычисления и возобновляемую энергетику
3. Изменения в глобальных цепочках поставок	Китай: диверсифицирует свои поставки сырья и компонентов, снижая зависимость от японских производителей. Япония: рост затрат на импорт из-за глобальной инфляции и значительное ослабление иены (2023—2024) по отношению к доллару и юаню
4. Политические и экономические тренды	Китай: усиление торговли с азиатскими партнерами, включая Японию, на фоне торговых ограничений и санкций США и их союзников. Япония: как союзник США, вынуждена соблюдать ограничения, что негативно сказывается на ее экспорте в Китай; рост цен на энергоносители (энергетический кризис), увеличение затрат на производство, девальвация иены = японский импорт более дорогой, а экспорт менее конкурентоспособный
5. Пандемия COVID-19 и ее последствия	Китай: ускорение цифровизации и автоматизации производства в Китае повышает конкурентоспособность китайских товаров. Япония: замедление экономического восстановления ослабило позиции на мировом рынке

Источники: оставлено автором по [Елистратов, Пилоян, 2021, с. 7—13; Тимонина 2023]¹.

Характер торговли имеет ярко выраженную индустриальную направленность, отражающую формирование внутриотраслевого и межотраслевого разделения труда между странами. Япония выступает для Китая критически важным поставщиком высокотехнологичных компонентов, машин и оборудования. Китай поставляет в Японию продукцию общего машиностроения, электромашиностроения, электронику, одежду, мебель, кожгалантерею, продукты питания и др.²

¹ Dōmoto, Kenta; Kitagawa, Ryo; Tanaka, Takahiro (2025). Nihon keizai no genkyō [Japanese Economy] // Mitsubishi Research Institute. February, 2025. URL: https://www.mri.co.jp/knowledge/insight/ecoutlook/2025/i5inlu000001i7vk-att/nr20250218pec_02_japan.pdf (дата обращения: 20.03.2025). (In Japanese).

² Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance Japan. January 30, 2025. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/trade-st_e/2024/2024_115e.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

Китайско-японские торговые отношения носят амбивалентный характер, сочетая в себе элементы острой технологической конкуренции и устойчивой структурной взаимозависимости, и продолжают оставаться важнейшим фактором экономической динамики в Восточной Азии.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о двойственном характере китайско-японских отношений в сфере морской торговли. С одной стороны, историческая взаимозависимость и экономические интересы способствуют развитию сотрудничества, включая технологический обмен и интеграцию в глобальные транспортные сети. С другой стороны, геополитическая конкуренция и стремление обеих стран к усилению собственных позиций в регионе создают напряженность, особенно в условиях торговых ограничений и санкций.

Анализ динамики торгового баланса показывает, что Китай постепенно укрепляет свои позиции за счет экспорта высокотехнологичной продукции, в то время как Япония вынуждена адаптироваться к новым вызовам, включая диверсификацию цепочек поставок и развитие собственных технологий в других странах (таких, как Южная Корея, Вьетнам, Индия, Индонезия и Тайвань). Тем не менее, несмотря на периодические кризисы, морская торговля остается важным стабилизирующим фактором в двусторонних отношениях.

В краткосрочной перспективе экономическая нестабильность и политическая напряженность могут привести и уже приводят к сокращению товарооборота, вероятно еще больший рост конкуренции. Китай продолжит вытеснять японские товары на внутреннем рынке и рынках третьих стран, благодаря более низким ценам и развитию технологий. Обе страны могут вводить ограничения для защиты внутренних производителей. В среднесрочной перспективе Япония будет стремиться снизить зависимость от Китая, усиливая сотрудничество с другими азиатскими странами и США. Китай продолжит инвестировать в высокотехнологичные отрасли, что усилит конкуренцию с Японией в области искусственного интеллекта, робототехники и чипов. Обе страны будут развивать возобновляемую энергетику, что может создать новые точки сотрудничества. В долгосрочной перспективе возможен рост взаимодействия в области зеленых технологий, цифровой экономики и здравоохранения. Сокращение населения в обеих странах может привести к пересмотру моделей экономического роста. Участие в соглашениях о РСЕР и о Сотрудничестве на рынке третьих сторон (Third-Party Market Cooperation, ТРМС) [Zhang 2019, p. 310—329; Zhang 2024, p. 1—20] может смягчить торговые противоречия.

Торговые отношения между двумя странами, играющие ключевую роль для их экономик, в последние годы сталкиваются с вызовами: глобальные кризисы, политическая напряженность и внутренние проблемы создают неопределенность в развитии двустороннего взаимодействия. Дальнейшее сотрудничество во многом определится умением сторон сочетать экономическую целесообразность с геополитическими ограничениями, а также способностью адаптироваться к ме-

няющимся экономическим и политическим условиям. Важными шагами для снижения рисков и укрепления партнерства могут стать совместные инфраструктурные проекты и углубление региональной интеграции.

Библиографический список

Булатов А.С., Ребрей С.М., Сенюк Н.Ю. Перспективы экономической глобализации Японии. *Перспективы экономической глобализации* / под ред. А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2019. С. 511—528.

Гордеева И.В. Инициатива Китая «Один пояс, один путь» и позиция Японии: конфронтация или взаимодействие? / *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 3. С. 53—66. URL: <https://doi.org/10.31857/S013128120010378-6>

Дун В. Эволюция роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2024. № 8(656). С. 63—73. URL: <https://doi.org/10.31857/S2686673024080064>.

Елистратов А.С., Пилюн М. Г. Внешняя торговля Японии: историко-экономический анализ // *Журнал исторических исследований*. 2021. Т. 6. № 2. С. 7—13.

Казанцев А.Е. Проблема Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей в контексте исторической политики Китая в отношении Японии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2023. Т. 3. № 2(59). С. 212—223. URL: <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-212-223>

Киреева А.А. Япония в контексте китайско-американской конфронтации. «Новая холодная война» в Азии. *Глобальное и региональное измерение* // под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс. 2025. С. 67—102.

Кистанов В.О. Китай и Япония: хроника отношений. *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура* 2017—2018 / под ред. С.Г. Лузянина. М.: Форум. 2018. С. 315—321.

Лебедева И.П. Япония в XXI веке: взгляды и оценки российских японоведов. *Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века* / под редакцией Д. В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI. 2015. С. 386—436.

Морозов Ю.В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2020. Т. 25. № 25. С. 80—95. URL: <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10005>.

Нелидов В.В., Стрельцов Д.В. Япония в «новой холодной войне»: путь к «нормальному государству». «Новая холодная война» в Азии. *Глобальное и региональное измерение* / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс. 2025. С. 46—67.

Семенова Н.К. Морские порты Китая: современное состояние и перспективы развития. М.: ИВ РАН. 2023.

Тимонина И.Л. Япония в глобальной экономике: реалии и прогнозы XXI века. *Новые тренды в экономической глобализации* / под ред. А.С. Булатова, Н.В. Галищевой, М.А. Максаковой. М.: Аспект пресс. 2023. С.193—215.

Уразаева Ф.П. Япония и Китай: сотрудничество в Восточной Азии // *Вопросы политологии*. 2018. Т. 8. № 10 (38). С. 824—830.

Шульга Н.Г. Японо-китайское экономическое сотрудничество, влияние Японии на рост экономики Китая. *Наука сегодня: глобальные вызовы и механизмы развития*. Часть 2. Вологда: ООО «Маркер». 2018. С. 124—127.

Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / под. ред. С.Б. Маркарянц Э.В. Молодяковой. М.: АИРО-XXI. 2012.

References

Bulatov, A., Rebrei, S., & Senyuk, N. (2019). Perspektivy ekonomicheskoi globalizatsii Yaponii. [Prospects for Japan's Economic Globalization]. In A. Bulatov (ed.), *Perspektivy ekonomicheskoi globalizatsii* [Prospects for Economic Globalization] (pp. 511—528). Moscow: KNORUS. (In Russian).

Dong, W. (2024). Evolyutsiya roli Kitaya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The Evolution of China's Role in the Asia-Pacific Region]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [US and Canada: Economy, Politics, Culture], 8 (656), 63—73. URL: <https://doi.org/10.31857/S2686673024080064> (In Russian).

Elistratov, A. & Piloyan, M. (2021). Vneshnyaya trgovlya Yaponii: istoriko-ekonomicheskii analiz [Japan's Foreign Trade: Historical and Economic Analysis]. *Zhurnal istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Historical Research], 6 (2), 7—13. (In Russian).

Gordeeva, I. (2020). Initsiativa Kitaya «Odin poyas, odin put'» i pozitsiya Yaponii: konfrontatsiya ili vzaimodeistvie? [China's Belt and Road Initiative and Japan's Position: Confrontation or Cooperation?]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 3, 53—66. URL: <https://doi.org/10.31857/S013128120010378-6> (In Russian).

Kazantsev, A. (2023). Problema Yuzhno-Kitaiskogo i Vostochno-Kitaiskogo morei v kontekste istoricheskoi politiki Kitaya v otnoshenii Yaponii [The Problem of the South China and East China Seas in the Context of China's Historical Policy]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, Vol. 3, Is. 2 (59), 212—223. URL: <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-212-223> (In Russian).

Kireeva, A. (2025). Yaponiya v kontekste kitaisko-amerikanskoi konfrontatsii [Japan in the Context of the Chinese-American Confrontation]. In D. Streltsov (ed.), «Novaya kholodnaya voyna» v Azii. *Global'noe i regional'noe izmerenie* [«New Cold War» in Asia. Global and Regional Dimension] (pp. 67—102). Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Kistanov, V. (2018). Kitai i Yaponiya: khronika otnoshenii [China and Japan: Chronicle of Relations]. In S. Luzyanin (ed.), *Kitaiskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura 2017—2018* [People's Republic of China: Politics, Economy, Culture 2017—2018] (pp.315—321). Moscow: Forum. (In Russian).

Lebedeva, I. (2015). Yaponiya v XXI veke: vzglyady i otsenki rossiiskikh yaponovedov [Japan in the 21st Century: Views and Assessments of Russian Japanologists]. In

D. Streltsov (ed.), *Sovremennoe rossiiskoe yaponovedenie: oglyadyvayas' na put' dlinoyu v chetvert' veka* [Contemporary Russian Japanese Studies: Looking Back at the Quarter-Century-Long Path] (pp. 386—436). Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Morozov, Yu. (2020). Global'nye pozitsii Kitaya i perspektivy ikh razvitiya v XXI veke [Global Positions of China and Prospects for Their Development in the 21st Century]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, 25 (25), 80—95. URL: <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10005> (In Russian).

Nelidov, V. & Streltsov, D. (2025). Yaponiya v «novoi kholodnoi voine»: put' k «normal'nomu gosudarstvu» [Japan in the «New Cold War»: The Path to a «Normal State»]. In D. Streltsov (ed.) «*Novaya kholodnaya voyna*» v Azii. *Global'noe i regional'noe izmerenie* [«New Cold War» in Asia. Global and Regional Dimension] (pp. 46—67). Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Semenova, N.K. (2023). *Morskie porty Kitaya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Seaports of China: Current Status and Development Prospects]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Shulga, N. (2018). Yaponno-kitaiskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo, vliyanie Yaponii na rost ekonomiki Kitaya [Japanese-Chinese Economic Cooperation, Japan's Influence on China's Economic Growth]. In *Nauka segodnya: global'nye vyzovy i mekhanizmy razvitiya* [Science Today: Global Challenges and Development Mechanisms], Part 2 (pp. 124—127). Vologda: OOO «Marker». (In Russian).

Timonina, I. (2023). Yaponiya v global'noi ekonomike: realii i prognozy XXI veka [Japan in the Global Economy: Realities and Forecasts of the 21st Century]. In A. Bulatov, N. Galishcheva, M. Maksakova (eds.), *Novye trendy v ekonomicheskoi globalizatsii* [New Trends in Economic Globalization] (pp. 193—215). Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Urazaeva, F. (2018). Yaponiya i Kitai: sotrudnichestvo v Vostochnoi Azii [Japan and China: Cooperation in East Asia]. *Voprosy politologii*, Vol. 8, Is. 10 (38), 824—830. (In Russian).

Yaponiya: sobytiya 11 marta 2011 goda. Itogi i uroki [Japan: Events of March 11, 2011. Results and Lessons]. (2012). Ed. by S. Markaryants, E. Molodyakova. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

* * *

Burns, K.G. (2000). China and Japan: Economic Partnership to Political Ends. *Stimson Center, Economic Confidence-Building and Regional Security*, 27—58.

Mayers, W.F. & King, C. (1867). The Treaty Ports of China and Japan: A Complete Guide to the Open Ports of Those Countries, Together with Peking, Yedo, Hongkong and Macao. In *Forming a Guide Book & Vade Mecum for Travellers, Merchants, and Residents in General*. London: Trubner and Company.

Nagy, S.R. (2013). Territorial Disputes, Trade and Diplomacy: Examining the repercussions of the Sino-Japanese territorial dispute on bilateral trade. *China Perspectives*, 4, 46—57. URL: <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.6321>

Nagy, S.R. (2023). Re-defining the ASEAN—Japan Relationship. *East Asia Forum Quarterly*, 15 (3), 27—30. URL: <https://doi.org/10.59425/eabc.1697148022>

Schulze, K. & Blechinger-Talcott, V. (2019). Introduction Special Issue: Dimensions of Sino-Japanese Rivalry in a Global Context. *The Pacific Review*, 32, 725—747. URL: <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1569116>

Urata, S. (2007). The Creation of Regional Production Networks in Asia Pacific: The Case of Japanese Multinational Corporations. In Juan J. Palacios (ed.), *Multinational Corporations and the Emerging Network Economy in Asia and the Pacific* (pp. 114—138). London, Routledge.

Wu, Chongbo & Yao, Yungui. (2018). Riben Haiyang Jingji Fazhan yiji yu Zhongguo de Jingzheng Hezuo [The Development of Japan's Marine Economy and the Competition — Cooperation Relations Between Japan and China]. *Contemporary Economy of Japan*, 6 (222), 59—68. URL: <https://doi.org/10.16123/j.cnki.issn.1000-355x.2018.06.006>

Zhang, Muhui. (2024). Sino-Japanese Third-Party Market Cooperation: Asymmetries of Economic Diplomacy and Politico-Economic Gaps. *Japanese Journal of Political Science*, 25 (1), 1—20. URL: <https://doi.org/10.1017/S1468109923000269>

Zhang, Youyi. (2019). Third-Party Market Cooperation Under the Belt and Road Initiative: Progress, Challenges, and Recommendations. *China International Strategy Review*, 1, 310—329. URL: <https://doi.org/10.1007/s42533-019-00026-7>

Поступила в редакцию: 27.03.2025

Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 27 March 2025

Accepted: 21 July 2025

И.С. Тихоцкая

Зеленый урбанизм в Японии: от экотаунов к «городам зеленого будущего»

Аннотация. С давних пор японцам свойственно стремление жить в гармонии с природой, и неудивительно, что столица Японии, город Токио, считается первым экологичным городом в мире. Неслучайно в начале XX в. здесь была реализована и концепция Эбенизера Говарда «Город-сад». В частности, по инициативе Сибусава Эйити, «отца японского капитализма», в имеющем выгодное экономико-географическое положение токийском районе Дэн-эн-тёфу был создан спальный пригород, до сих пор сохраняющий определенный флер эксклюзивности. В 1980-е гг., столкнувшись с пагубными экологическими последствиями быстрого экономического роста на базе преобладающего развития материало- и энергоемких отраслей, обладающих и наиболее высоким загрязняющим эффектом, Япония приступила к экологизации крупных индустриальных центров. И именно в таких городах в первую очередь началась реализация проекта «Экотаун». К исследованию разных аспектов этого проекта, а также отдельных экотаунов обращались как японские, так и зарубежные ученые, в том числе и отечественные. На современном этапе стремление к достижению устойчивого развития на базе управления окружающей средой приобрело особое значение во всем мире. Цель данной статьи — проанализировать развитие в Японии идей зеленого урбанизма, заложенных в проекте «Экотаун», и выявить, какое отражение эволюция экотаунов находит в инновационных городских проектах страны. Анализируя основные идеи зеленого урбанизма, автор показывает воплощение концепции экотауна в принятых в последние десятилетия общенациональных программах развития низкоуглеродных технологий, адаптированных к применению на местном уровне, в создании разного рода новых городов, непременно включающих «зеленый» аспект. Примеры реализуемых проектов городов представлены по данным этих программ и материалам официальных сайтов отдельных городов. Японское общество очень быстро стареет — уже почти 30 % населения составляют лица старше 65 лет, что привело к возникновению сложных социальных проблем, связанных и с социальным обеспечением, и с мобильностью, и, кроме того, к утрате традиционной ценности местных сообществ. В связи с этим в стране появляются все новые инновационные идеи и программы, направленные на оживление местных сообществ и возрождение регионов. По своей сути создаваемые города — это эволюция концепции экотауна и продвижение к низкоуглеродному развитию всей страны при обеспечении высокого качества жизни всем слоям населения.

Ключевые слова: экотауны, зеленый урбанизм, «города зеленого будущего» («*канкё мирай тоси*», Futurecity), Япония.

Автор: Тихоцкая Ирина Сергеевна, доцент Кафедры социально-экономической географии зарубежных стран Географического факультета МГУ им М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-9248-4222. E-mail: iritiro@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тихоцкая И.С. Зеленый урбанизм в Японии: от экотаунов к «городам зеленого будущего» // Японские исследования. 2025. № 3. С. 50—65. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-50-65.

I.S. Tikhotskaya

Green urbanism in Japan: From ecotowns to Futurecity

Abstract. Since ancient times, Japanese people have been striving to live in harmony with nature, and it is not surprising that the capital of Japan, the city of Tokyo, is considered to be the first ecological city in the world. It is no coincidence that, in the early 20th century, the concept of Ebenezer Howard's "Garden City" was realized in the country. In particular, by the initiative of Shibusawa Eiichi, the "father of Japanese capitalism," in the Den-en-chofu district of Tokyo, with its favorable economic and geographical position, a residential suburb, that still retains a certain flair of exclusivity, was created. Faced with the harmful environmental consequences of rapid economic growth in the post-war period and the predominant development of material- and energy-intensive industries with the highest polluting effect, in the 1980s, Japan began to ecologize large industrial centers. And it was in these cities that the Ecotown project was launched first. Both Japanese and foreign scientists, including those from Russia, have studied different aspects of this project and individual ecotowns. The aim of this article is to investigate how the ideas of green urbanism, embedded in the Ecotown project, are evolving in Japan and how the evolution of ecotowns is expressed in innovative urban projects. By analyzing the main ideas of green urbanism, the author shows the embodiment of the ecotown concept in the nationwide low-carbon technology development programs adopted in recent decades, adapted to local applications, in the creation of various new cities that necessarily include a "green" aspect. Examples of implemented city projects are presented according to these programs and official websites of individual cities. Japanese society is aging rapidly, with over 29 % of the population being over 65 years of age, which has led to complex social problems related to social security, mobility, and the devaluation of local communities. In this regard, more and more innovative ideas and programs are emerging across the country to revitalize communities and regions. The cities being created are, in essence, an evolution of the ecotown concept and a move towards countrywide low-carbon development while ensuring a high quality of life for all segments of population.

Keywords: ecotowns, green urbanism, Futurecity (*kankyo mirai toshi*), Japan.

Author: Tikhotskaya Irina S., Associate Professor, Faculty of Geography, M.V. Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-9248-4222. E-mail: iriti-ro@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Tikhotskaya, I.S. (2025). Zelenyi urbanizm v Yaponii: ot ekotaunov k «gorodam zelenogo budushchego» [Green urbanism in Japan: From ecotowns to Futurecity]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 50—65. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-50-65.

Введение

На протяжении многих веков человек в Японии стремился к гармонизации отношений с природой, и в период Эдо там, по сути, естественным образом сформировалось общество замкнутого цикла. Именно то, что намного позже стало целью и Японии, и других стран. По всей видимости, город Эдо был первым экологичным городом в мире.

Начавшееся в середине XIX в., после обновления Мэйдзи, быстрое промышленное развитие Японии преследовало цель встать в один ряд с наиболее развитыми странами. В начале XX в. японцы восприняли разработанную английским социологом-утопистом Эбенизером Говардом концепцию «Город-сад», и, в частности, на окраинах крупных индустриальных городов, среди бушующей зелени были созданы спальные районы¹. Некоторые из них можно видеть и сейчас, и даже став обычными пригородами, они сохраняют определенный флер эксклюзивности, как, например, токийский район Дэн-эн-тёфу, строительство которого началось в 1918 г. Инициатором его создания был крупный японский промышленник и государственный деятель Сибусава Эйити, получивший звание «отца японского капитализма». Привлекательность этого региона отчасти была связана с тем, что его не затронуло Большое землетрясение Канто, и после него именно сюда переселилось много людей из центральных районов Токио. Еще одним благоприятным фактором для развития этого района стало его выгодное расположение вблизи быстро развивающейся пригородной железнодорожной сети, и для нового сообщества была построена еще одна линия. Находящийся в районе Ота, всего в 10 км к югу от центра города, он представляет собой более спокойный, зеленый пригород, район домов, архитектура которых отличается как от традиционных, так и от современных японских построек. Здесь можно встретить как дома в швейцарском стиле или неоклассическом японском, так и с чертами эдвардианского неоклассицизма, популярного в Британской империи в начале XX в. (в этом районе проживает много известных личностей, в том числе бывший премьер-министр²). Уже на железнодорожном вокзале можно почувствовать характерную для этого района западную атмосферу (рис. 1). К западу от железнодорожной станции улицы расходятся веерообразно; на одних — ряды деревьев гинкго, на других преобладает сакура.

Быстрый экономический рост Японии с середины 1950-х до начала 1970-х гг. привел к настоящему экологическому кризису, вследствие чего в стране большое распространение получило общественное движение против экологического загрязнения, и многие муниципалитеты стали проявлять собственную инициативу в решении экологических проблем, в том числе в области обращения с отходами. Можно сказать, что именно так и зародилась сама идея экотаунов в Японии.

¹ В России, в соответствии с этой концепцией построено поселение в поселке Кратово, и поселок художников Сокол в Москве в общем тоже возведен в духе данной концепции.

² TOKYO NEIGHBORHOOD: THE Suburb Garden of Den-en-chofu. URL: <https://lifetoreset.wordpress.com/2013/07/03/tokyo-neighborhood-garden-suburb-of-den-en-chofu/> (дата обращения: 24.11.2024).

Рис. 1. Дэн-эн-тёфу в начале XX в. и в 2024 г.

Источник: URL: <https://news.yahoo.co.jp/expert/articles/ceaed88eab1f629cc0b95c6f9ff4dbe63633e9ab> (дата обращения: 05.07.2025) (слева) и фото В.И. Боратинского. Токио, 30 июля 2024 (справа).

Термин «эко-сити», или «эко-город» впервые появился в 1987 г. в книге одного из известных теоретиков и практиков в области экологического городского проектирования и планирования Ричарда Реджистера (Richard Register) «Беркли: строительство городов для более здорового будущего» (Berkeley: building cities for a healthier future). Под эко-сити автор понимал «экологически здоровый город», т. е. акцент был сделан на противодействие загрязнению окружающей среды за счет использования замкнутых циклов потребления и создания благоприятных условий обитания как людей, так и растительного и животного мира. Именно в то время постепенно возрастало значение усилий по управлению окружающей средой, а после Саммита в Рио-де-Жанейро (1992) началось формирование ориентированной на устойчивое развитие политики. Заметным шагом в этом направлении стало и принятие в Японии проекта «Экотаун», в основу которого легла концепция нулевых отходов. Важной его особенностью стала инициатива местных властей по развитию отраслей рециклирования ресурсов, решению экологических проблем.

Авторами и координаторами проекта были два министерства: Министерство внешней торговли и промышленности (с 2001 г. Министерство экономики, торговли и промышленности) и Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения. Под термином «экотаун» понимают квартал или часть города, которая не/или почти не наносит вред окружающей среде. Согласно замыслу, создание экотаунов должно было способствовать и развитию экологических отраслей.

Первые экотауны стали создавать в крупных промышленных городах, сыгравших большую роль в быстром послевоенном экономическом развитии Японии, — Китакою и Кавасаки, структурная перестройка экономики которых еще в 1980-е гг. сопровождалась экологизацией. Не только первым, но и крупнейшим экотауном Японии стал Китакою, который к 1960-м гг. приобрел репутацию одного из наиболее страдающих от загрязнения окружающей среды городов. Ко-

гда в 2004 г. нам довелось его посетить, это был еще весьма скромный объект. На ограниченной территории находились производственные мощности по утилизации отдельных видов отходов (в том числе и автомобилей) и небольшой экологический центр Хибикинада, где действовал, по сути, прообраз экологичного дома, в котором утилизировались все отходы, использовалась солнечная энергия и восстановленная вода. В небольшом помещении для всех желающих, по предварительной записи, проводились лекции, сопровождавшиеся экскурсиями по разным объектам, и регулярно приезжали группы школьников и пр.

В настоящее время экотаун Китакюсю представляет собой весьма крупный центр и экологического образования, и практического использования новейших технологий, включающий в себя в том числе энергетический парк нового поколения и расположенный в центре города Китакюсю крупный промоутерский центр. В Хибикинада создан грин парк, где сконцентрировано много компаний и исследовательских центров, осуществляющих научные исследования в области защиты окружающей среды от вредного воздействия и в сфере рециклирования ресурсов. При этом число реализуемых проектов постоянно растет. Так, например, на переработку в экотаун Китакюсю поступают городские электросамокаты как из разных регионов Японии, так и из зарубежных стран. На смену ветряной

Рис. 2. 10 ветряных турбин электростанции Хибикинада (вид с моря).

Источник: Kiwa daiarogu 08 kaze-o shiru (Kitakyushu hibikinada furyoku hatsudensho) [Kiwa Dialogue 08 Understanding the Wind: Kitakyushu Hibikinada Wind Farm]. URL: <https://note.com/kiwaproject/n/n66804a910f64> (дата обращения: 05.07.2025).

мельнице пришло 10 ветряных турбин (рис. 2), и вырабатываемой энергии хватает для нужд примерно 10 тыс. домов на протяжении целого года¹.

Анализу отдельных аспектов развития экотаунов в Японии посвящен как целый ряд работ японских и зарубежных авторов, так и исследования международных организаций, в частности Глобального экологического фонда². В российском японоведении данный проект затрагивался в исследованиях И.Л. Тимониной³ и И.С. Тихоцкой⁴. Целью данной статьи является исследование развития заложенных в проекте «Экотаун» идей зеленого урбанизма и отражение эволюции экотаунов в инновационных городских проектах Японии.

Основные идеи зеленого урбанизма и проект «Экотаун»

Прежде чем анализировать эволюцию японских экотаунов, нельзя не упомянуть нескольких всемирно признанных исследователей и авторов в области устойчивого развития города. В первую очередь, Тимоти Битли, в работах которого представлены творческие стратегии по уменьшению экологического следа человека и созданию более пригодных для жизни городов. Именно им был введен термин «зеленый урбанизм» (2000), который в целом определяется как практика создания населенных пунктов, оказывающих менее пагубное воздействие на окружающую среду. «Зеленый урбанизм» предполагает схожий с природой городской дизайн, в котором предусмотрены переработка отходов и приоритет развития местных производств с целью достижения большей самодостаточности, а также создание условий для обеспечения высокого уровня жизни населения.

С целью найти оптимальное решение для достижения устойчивого развития городов Т. Битли изучил 25 инновационных городов в 11 странах Европы [Beatley 2000]. Типичный экологичный город, по Битли, это компактный, удобный для людей город с легкодоступными парками и зеленым насаждениями, с акцентом на устойчивых формах мобильности: велосипедах и экологичном общественном транспорте. В этом его отличие от первоначальных теорий экологичных городов, которые в основном были сосредоточены на корректировке отношений между городом и природой и на создании новых городов, а не на обновлении существ-

¹ Kiwa daiarogu 08 kaze-wo shiru (Kitakyushu hibikinada furyoku hatsudensho) [Kiwa Dialogue 08 Understanding the Wind: Kitakyushu Hibikinada Wind Farm]. URL: <https://note.com/kiwaproject/n/n66804a910f64>; Yin Guanwen (2014) (дата обращения: 24.05.2025).

² Research on Eco-Towns in Japan: Implications and Lessons for Developing Countries and Cities. URL: <https://www.unep.org/resources/report/research-eco-towns-japan-implications-and-lessons-developing-countries-and-cities> (дата обращения: 05.07.2025).

³ Тимонина И.Л. 2002. *Япония: региональная экономика и политика*. Москва: Институт востоковедения РАН. [Timonina, I. (2002) Japan: regional economy and politics. Moscow: Institute of Oriental Studies RAN] (In Russian).

⁴ Тихоцкая И.С. 2009. Японская концепция общества с устойчивым материальным циклом. *Территориальная структура экономики и общества зарубежного мира*. Под ред. И.С. Ивановой, И.М. Кузиной, А.С. Фетисова. Москва — Смоленск: Ойкумена. С. 215—227. [Tikhotskaya, I. (2009) The Japanese concept of Sound Material Cycle Society. In I. Ivanova, I. Kuzina, A. Fetisov (Eds.), *The territorial structure of the economy and society in the foreign world* (pp. 215—227). Moscow-Smolensk: Oikumena] (In Russian).

вующих. Иными словами, Тимоти Битли (наряду со Штеффеном Леманном [Steffen Lehmann (2011)]) как раз использовал теорию «зеленого урбанизма» для преобразования существующих городов: от фрагментации к уплотнению.

Помимо Битли и Леманна, большой вклад в идею зеленого урбанизма внес и Питер Ньюман. У каждого из этих трех теоретиков в определение «зеленого урбанизма» заложены разные принципы и свое понимание того, какого качества городское пространство должно достичь, чтобы соответствовать зеленому урбанизму. Однако в целом все эти принципы основаны на понимании того, что именно урбанизация является ключевым фактором выбросов углекислого газа, истощения ресурсов и ухудшения состояния окружающей среды, и на понимании того, что следует отказаться от использования энергии ископаемого топлива, добиться нулевых отходов и нулевых выбросов в атмосферу, особенно углерода.

Так, по мнению Битли, город является примером зеленого урбанизма, если отвечает шести критериям:

(1) стремится жить в своих экологических пределах, т. е. сокращает свой экологический след;

(2) спроектирован так, чтобы функционировать аналогично природе, и помогая, а не противореча ей;

(3) стремится достичь кругового, а не линейного метаболизма, т. е. стремится к созданию экономики замкнутого цикла;

(4) ориентируется на местную и региональную самодостаточность, обеспечивая себя едой, водой и энергией;

(5) способствует более устойчивому образу жизни путем обеспечения мобильной устойчивости (хождение пешком, езда на велосипеде и общественном, а не на личном, транспорте);

(6) создает благоприятные условия для обеспечения высокого качества жизни.

Штеффен Леманн в свою концептуальную модель закладывает 15 принципов (в том числе, прежде всего, учет климатических особенностей местности, достижение нулевых выбросов углекислого газа на базе использования возобновляемых источников энергии, рациональное использование воды, стремление к предотвращению образования отходов и надлежащее управление ими, а также экологичный транспорт, зеленые, компактные и полицентричные города, обеспечивающие комфорт для жителей и т. д.) и выделяет три взаимодействующих столпа зеленого урбанизма: энергия и материалы; вода и биоразнообразие; городское планирование и транспорт. В работе *What is Green Urbanism? Holistic Principles to Transform Cities for Sustainability* [Lehmann, 2011] Ш. Леманн подчеркивает: выделенные им принципы частично универсальны, что, однако, не означает существование единой формулы, которая будет работать всегда, а для создания устойчивых городов дизайнерам городской среды необходимо не только понимать основные принципы «зеленого урбанизма», но и уметь применять их «системно и адаптированно». Иначе говоря, для каждого проекта необходимо разрабатывать особый подход, исходя из контекста участка, климатических и социальных условий, доступности технологий, масштабов и задач проекта и т. д.

Питер Ньюман принципы «зеленого урбанизма» описывает посредством семи архетипов городов, каждый из которых представляет один из аспектов «зеленого урбанизма» [Newman 2010]:

- (1) базирующийся на возобновляемых источниках энергии;
- (2) углеродно-нейтральный;
- (3) с децентрализованной системой энерго- и водоснабжения;
- (4) биофильный (предполагающий использование принципов «зеленой» инфраструктуры в целях борьбы с выбросами углекислого газа, создание большего количества зеленых насаждений и деревьев для улавливания загрязняющих веществ и развитие городского сельского хозяйства для снижения углеродного следа в городе);
- (5) экологически эффективный (за счет сокращения углеродного следа);
- (6) локально-ориентированный (предполагающий развитие местной экономики и создание рабочих мест для сокращения выбросов углекислого газа за счет отсутствия нужды в использовании транспорта);
- (7) базирующийся на устойчивой транспортной системе (что предполагает как экологически чистый транспорт, так и удобство передвижения пешком и на велосипеде благодаря компактности города).

П. Ньюман полагает, что «зеленый урбанизм» можно использовать для создания более устойчивого общества, способного бороться с экологическими последствиями изменения климата. Он акцентирует важность возобновляемых источников энергии, экономики замкнутого цикла и инфраструктуры устойчивого развития.

Возвращаясь к японскому проекту «Экотаун», важно подчеркнуть, что, по сути, он так или иначе предвосхитил основные идеи «зеленого урбанизма». В проект вошло 26 представленных на карте экотаунов разного муниципального уровня (рис. 3) с тем, чтобы впоследствии можно было распространить этот опыт по всей стране. В особенности важную роль данный проект сыграл в управлении отходами — собственно, это и составляло его главную идею в ходе решения задачи улучшения экологической ситуации в наиболее страдающих от загрязнения окружающей среды городов. Несмотря на то, что степень рециклирования отходов в Японии остановилась на уровне 20 % и более 72 % бытовых отходов до сих пор сжигается, степень рециклирования алюминиевых консервных банок составляет 97,5 %, а пластиковых бутылок и пластмасс превышает 85 %¹. Кроме того, отходящее тепло 729 из 1028 (71 %) мусоросжигательных заводов используется для отопления и горячего водоснабжения как внутри, так и за пределами этих предприятий, в том числе в бассейнах, а также для теплоснабжения локальных территорий, а почти на 40 % — вырабатывается электроэнергия². Во многом

¹ Recycling rate of the total waste generated in Japan from fiscal year 2013 to 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1127509/japan-recycling-rate-waste/> (дата обращения: 24.05.2025).

² Ippan haikibutsu-no haishutsu oyobi shori jokyo nado (reiwa 3 nendo) ni tsuite (General waste disposal, treatment, and removal, etc. (FY 2021)). URL: https://www.env.go.jp/press/press_01383.html (дата обращения: 24.05.2025). (In Japanese); Ippan haikibutsu shori jigyo jijitsu jittai kekka (reiwa 3 nendo) ni tsuite (General Waste Disposal Business Facts, Actual Conditions, and Results (FY 2021)). URL: <https://www.env.go.jp/content/000212738.pdf> (дата обращения: 24.05.2025).

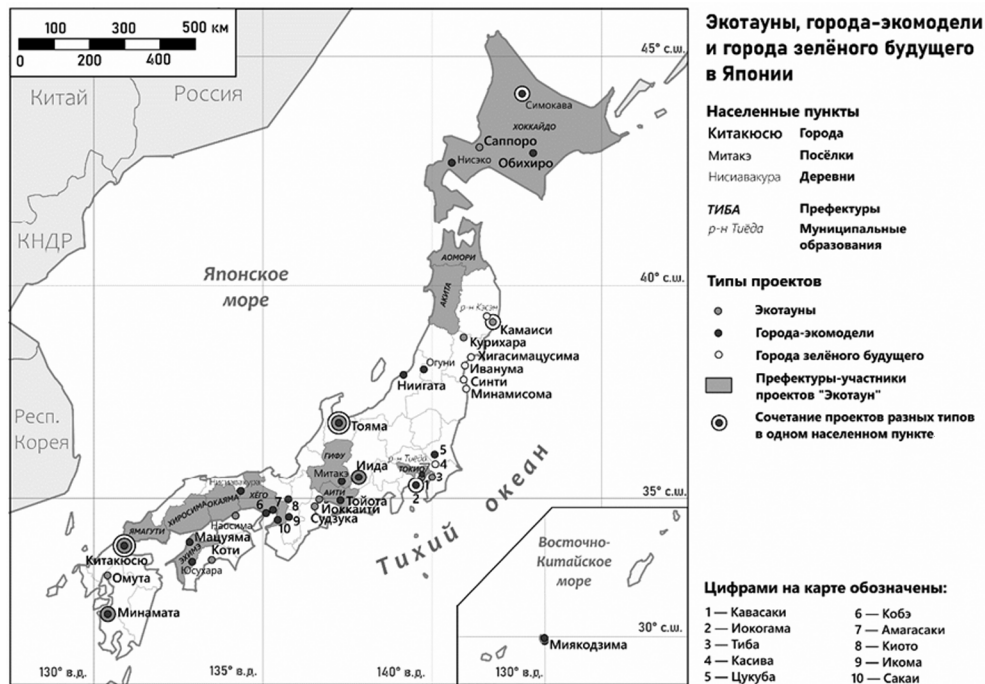

Рис. 3. Экотауны, города-экомодели и города зеленого будущего в Японии.

Выполнено: Д. Лупетой по материалам автора статьи.

низкий по сравнению с наиболее передовыми странами в области рециклирования отходов уровень этого показателя¹ объясняется теплым и влажным климатом Японии, требующим быстрой утилизации отходов.

Успех проекта, обеспеченный в том числе и активной ролью местных университетов, граждан и НПО, внес несомненный вклад в разработку инновационной концепции общества с устойчивым материальным циклом² и способствовал принятию и реализации в стране четырех планов по претворению ее в жизнь.

Кроме того, 2001 г. был ознаменован в Японии принятием амбициозных планов создания индустриальных и интеллектуальных кластеров, одной из главных целей которых, так же, как и в случае проекта «Экотаун», было развитие локальных и региональных инноваций в области экологических технологий и создания передовых предприятий. В 2008 г. проект «Экотаун» получил дальнейшее развитие в виде проекта «Города-экомодели», который, по сути, представляет

¹ В Европе в целом степень рециклирования сырья постепенно растет и в 2022 году достигла 44 %, при этом в 9 странах он составляет не менее 50 %, а в Германии — 69 %. Waste recycling in Europe. Published 20 Dec 2024. URL: [\(https://www.eea.europa.eu/en/analysis/indicators/waste-recycling-in-europe#:~:text=The%20overall%20recycling%20rate%2C%20i.e.,e%2Dwaste%20\(32%25\)\)](https://www.eea.europa.eu/en/analysis/indicators/waste-recycling-in-europe#:~:text=The%20overall%20recycling%20rate%2C%20i.e.,e%2Dwaste%20(32%25)) (дата обращения: 05.07.2025).

² Термин «общество с устойчивым материальным циклом» в русскоязычной литературе был впервые предложен И.С.Тихоцкой в качестве смыслового перевода термина «джонкангата сякай» [Тихоцкая 2008].

национальную программу низкоуглеродного развития путем создания образцовых экологических городов, максимально ориентированных на использование местных ресурсов [Тихоцкая 2024].

Таким образом, уже в начале XXI в. при сохранении важности природоохранных мер, надлежащего управления отходами при планировании эко-городов в Японии основным нарративом стала их способность обеспечивать себя энергией. Одновременно первостепенной задачей является предоставить жителям комфортное существование: безопасное жилье, чистую воду и воздух, хорошо развитую систему общественного транспорта, безопасность для пешеходов — соблюдение принципа «город для людей, а не для машин». Это подразумевает максимально рациональное использование и получение энергии из отходов, отказ от ископаемого топлива за счет внедрения возобновляемых источников энергии.

Развитие идеи экотаунов в проекте «Города зеленого будущего»

В 2010 г. в Японии была принята национальная стратегия XXI века «Стратегия нового роста», в которой в русле концепции общества с устойчивым материальным циклом представлена концепция «города зеленого будущего» [Kankyō mirai toshi]. И в 2011 г. принимается еще одна национальная программа низкоуглеродного развития, также адаптированная к местным условиям, широко рекламируемая как FutureCity. Поскольку на японском языке она называется «*Канкё мирай тоси*», то по-русски скорее это «Города зеленого будущего». Эта программа, с акцентом на три интегрированные ценности — окружающая среда, общество и экономика, — в целом преследовала те же цели, что и предыдущая, но с учетом распространения передового японского опыта в области декарбонизации за рубежом. В наступившем веке особенно заметно, насколько большое значение в Японии придают стимулированию как внутригородского и национального, так и международного сотрудничества и обмена опытом. Иными словами, задача эко-городов на современном этапе, помимо обеспечения здорового образа и высокого качества жизни на локальном уровне, состоит в том, чтобы содействовать этому и на региональном, страновом и планетарном уровне.

Кроме того, вследствие самого страшного в истории Японии землетрясения в Восточной Японии 2011 г., унесшего жизни множества людей и уничтожившего целые поселения, а также вызвавшего угрозу ядерной катастрофы в результате аварии на АЭС «Фукусима-дайти», еще более возросло значение устойчивости японских городов к стихийным бедствиям. В 2013 г. проект «Города-экомодели» стал составной частью программы создания городов зеленого будущего, а акцент с общества рециклирования еще больше сместился на построение низкоуглеродного общества вследствие остановки в стране всех ядерных реакторов. Показательно, что из 11 отобранных в проект городов 6, как это видно на рис. 1, находятся именно в наиболее пострадавшем в 2011 г. регионе Тохоку. Города зеленого будущего наделены более широкими полномочиями, чем города-экомодели. Как было заявлено на официальных сайтах японского правительства, они «воз-

главляют работу по решению проблем, общих для всего человечества, таких как глобальная экологическая проблема и старение населения»¹ и «будут разрабатывать новаторские проекты для реализации мечты о сообществе, которое постоянно создает экологические, социальные и экономические ценности; сообществе, в котором каждый хочет жить, и сообществе, где каждый может реализовать свои возможности»². Создание этих городов связывается с возрождением местных сообществ посредством реализации идей предотвращения антропогенно обусловленных климатических изменений и исчерпания ресурсов и ответа на текущие вызовы.

Так, в вошедшем в проект «Канкё мирай тоси» одном из наиболее пострадавших от землетрясения 2011 г. городе Синти³ формируется инновационная модель региональной мобильности, отвечающая потребностям «суперстареющего» японского общества. В ее рамках предполагается предоставление жителям возможности выбирать средства передвижения в зависимости от их потребностей. Для повышения качества жизни людей преклонного возраста, кроме того, увеличена доступность различных информационных услуг региона. В соответствии с планом реконструкции города идет и формирование умной гибридной системы энергоснабжения, включающей разные виды возобновляемых источников энергии с учетом региональных особенностей, а также создание новых отраслей. Разрабатываются и планы строительства терминала сжиженного природного газа в Соме, порту города Синти, с целью создания города, в котором будет налажено потребление энергии местного производства, и содействия развитию связанных с энергетикой отраслей.

Обращает на себя внимание и другой из числа наиболее пострадавших во время землетрясения 2011 г. город — Иванума, расположенный в устье реки Абукума, протекающей через равнину Сэндай. Этот крупный транспортный узел, через который проходят национальные трассы и железнодорожные линии, планируется превратить в компактный город. Там создан медицинский кластер, включающий научные, производственные и практикующие организации, и построена солнечная электростанция. Цунами, вызванное землетрясением 2011 г., затопило около 48 % территории города, что является самым высоким показателем среди прибрежных городов и поселков. Сельскохозяйственные угодья пострадали от обломков и морской соли, два промышленных парка были почти

¹ Introduction of Selected Cities, Cabinet Secretariat — цит. по: Saraff, Emma. Local Decarbonization in Japan. Municipalities, regions and clusters on the road to carbon neutrality. — Minerva, November 2021. 147 pp. URL: <https://www.eu-japan.eu/publications/local-decarbonisation-japan-municipalities-regions-and-clusters-road-to-carbon-neutrality> (дата обращения: 05.07.2025).

² Concept Of “FutureCity” Initiative. URL: <https://future-city.go.jp/en/about/>; Kankyo mirai toshi koso (“FutureCity” Initiative). URL: https://future-city.go.jp/doc/pdf/reference/Pamphlet_H24futurecity_Council_jp.pdf (in Japanese); Chiho sosei.2.0. (Regional revitalization. 2.0.). URL: <https://www.chisou.go.jp/tiiki/kankyo/kankyomiraitoshi.html> (In Japanese) (дата обращения: 05.07.2025).

³ Реализуемые в рамках государственной программы проекты «городов зеленого будущего» представлены по данным программы и материалам официальных сайтов городов, например Sentei toshi no go-shōkai (Introducing the selected cities). URL: <https://future-city.go.jp/torikumi/> (In Japanese) (дата обращения: 05.07.2025).

Рис. 4. Мемориал Millennium Hope Hills.

Источник: Southern Miyagi Prefecture [Natori City, Iwanuma City, Watari Town and Yamamoto Town]. URL: <https://www.pref.miyagi.jp/site/miyagifukkounotabi/en/area/kennan.html> (дата обращения: 05.07.2025).

полностью разрушены, а аэропорт Сэндай затоплен — все это нанесло значительный ущерб местной экономике и промышленности. В память об этой трагедии в Иванаума возведен мемориал Millennium Hope Hills, который представляет собой часть многослойной системы защиты от цунами. Поскольку при возникновении опасности необходимо уйти вглубь суши на возвышенность, после противоволновой дамбы на базе мусора, оставшегося после стихийного бедствия, возвели искусственные холмы. С 2013 г. волонтерами было высажено там почти 400 тысяч деревьев 21 вида, что в случае необходимости может послужить временным пристанищем при эвакуации¹.

В этой же префектуре, в 30 км от города Сэндай, создается и город зеленого будущего Хигасимацусима, представляющий первое в Японии микросетевое сообщество под названием «Умный эко-город Хигасимацусима, подготовленный к стихийным бедствиям». Это один из немногих в стране муниципалитетов, переживших за 50 лет, в период с 1961 г. по 2011 г., 3 крупных землетрясения, благодаря чему накопил социальный капитал. В частности, на уровне местных организаций и административных округов города там созданы добровольные ассоциации по предотвращению стихийных бедствий. Они проводят ежегодные учения

¹ Sky and ocean—sea breezes and a feeling of happiness from the hilltops. Southern Miyagi Prefecture [Natori City, Iwanuma City, Watari Town and Yamamoto Town]. URL: <https://www.pref.miyagi.jp/site/miyagifukkounotabi/en/area/kennan.html> (дата обращения: 05.07.2025).

Рис. 5. Хигасимацусима.

Источник: URL: <https://www.istockphoto.com/jp/search/2/image-film?phrase=東松島市> (дата обращения: 25.03.2025)

по ликвидации последствий стихийных бедствий, а после землетрясения 2011 г. ими были оперативно организованы эвакуационные центры, оказывалась помощь местным жителям, пострадавшим от стихии и т. д. Слоган этого города — 松島いつしん (мацусима иссин) [Kankyo mirai toshi] — символизирует его непоколебимость и стремление стать еще более устойчивым к стихийным бедствиям городом. Хигасимацусима расположена между двумя коммерческими районами префектуры Мияги, городами Сэндай и Исиномаки, и является их спальным городом. В 2011 г. цунами было затоплено более 60 % территории, разрушено 2/3 зданий. В соответствии с планом реконструкции там развивается распределенная энергетика с фокусом на солнечной энергии и энергии биомассы, строятся здания с меньшими выбросами углерода, расширяется использование электромобилей. А ввиду прогрессирующего старения населения предусмотрено и строительство жилья с медицинскими услугами.

В северо-западной части города Касива, префектура Тиба, на базе сотрудничества государственных, частных и академических кругов реализуется проект «Городской кампус Касиваноха», в рамках которого предлагается новый подход к решению таких проблем, как энергетическая и медицинское обслуживание. В соответствии с планом реконструкции, там также развивается распределенная энергетика с фокусом на солнечной энергии и энергии биомассы. По замыслу, этот город должен стать «городом здорового будущего» и «городом инновационной промышленности». В частности, начато создание системы территориального энергоменеджмента, позволяющей экономить энергию и гарантировать обеспечение электроэнергией в чрезвычайных ситуациях, а также системы поддержки венчурного бизнеса; ведется формирование доступной базы медицин-

ской информации и т. д. Касиваноха стал одним из крупнейших в Японии энергохабов по числу литий-ионных аккумуляторов, солнечных панелей и аварийных генераторов, работающих на газе, что в случае необходимости позволит городу автономно функционировать на протяжении трех дней. В рамках проекта «Промышленный инновационный город» с целью поддержки предприятий создан специальный фонд Gap Fund, назначение которого — восполнить пробел между фундаментальными исследованиями в университетах и бизнесом.

В городе Камаиси, префектура Иватэ, одном из лидеров в осуществлении промышленной революции в Японии, родине современной металлургии (1857), проект Futurecity прежде всего нацелен на создание общества рециклирования (концептуально это означает низкоуглеродность, энергосбережение и экономию ресурсов) и версии «умного сообщества», предлагающего универсальные услуги в области здравоохранения. В городе разработан план предоставления комплексных услуг государственными службами помощи на дому и создан контактный центр для лечения пациентов на дому при сотрудничестве с врачами, фармацевтами, медсестрами, менеджерами по уходу и т. д. Иными словами, Камаиси стремится стать городом, в котором люди преклонного возраста, несмотря на проблемы со здоровьем, могут вести полноценную жизнь, находясь в привычной обстановке.

А город Симокава на острове Хоккайдо, с населением менее 3,5 тыс. человек, около 90 % площади которого (более 60 тыс. га) покрыто лесами, в качестве города зеленого будущего позиционируется как модель «Лесной город будущего» — «город лесов будущего, где люди сияют»¹. Эту модель в виде бизнес-пакетов планируют поставлять и в мелкие муниципалитеты азиатских стран. В основном в Симокава развивается лесная отрасль и сельское хозяйство. Это первый город в регионе Хоккайдо, где начали получать энергию за счет биомассы, используя отходы древесины. Город должен быть полностью самодостаточен за счет использования возобновляемых источников (лесной биомассы) и поставлять топливо на другие территории. Ставится и цель консолидации местного сообщества — чтобы нуждающиеся в уходе люди (дети, пожилые люди и инвалиды) жили в комфортных условиях при взаимной поддержке и сотрудничестве и «могли учиться у леса и наслаждаться жизнью в добром здравии». С этой целью создается модель коллективного жилья — биодеревня Итинохаси. Помимо возрождения сообщества она должна представлять и образцовую зону энергетической самодостаточности. В этом районе города действует мелкомасштабная децентрализованная система возобновляемой энергии. Кроме того, в городе введена система совместных автобусных поездок на основе бронирования, позволяющая пользоваться ей людям, испытывающим трудности с совершением покупок, а также пожилым людям для выездов на природу. Иными словами, путем повышения уровня комфортности проживания предпринимаются разного рода попытки противодействовать обезлюдению, что характерно для целого ряда регионов Японии.

¹ Kankyo mirai toshi hyōka kekka shito 5 (FutureCity Evaluation Results. Sheet 5). URL: https://www.chisou.go.jp/tiiki/kankyo/teian/mirairresult28/futurecity_01_shimokawa_h28hyoka.pdf (дата обращения: 25.03.2025). (In Japanese).

Заключение

Благодаря синергетическому эффекту, получаемому в результате переработки отходов, энергоэффективности и сохранения окружающей среды, созданные в Японии экотауны внесли большой вклад в оживление местной экономики. Они стимулировали экономический рост в важнейших индустриальных центрах Японии, переживавших трудные времена ввиду перехода на постиндустриальный этап развития, одновременно превратив их в экологически чистые города.

Реализуемые сейчас проекты городов зеленого будущего, при всем их разнообразии, помимо целей, стоявших перед экотаунами, — рециклирование ресурсов и улучшение состояния окружающей среды, преследуют и глобальную цель — сокращение выбросов углекислого газа. Города зеленого будущего — это образцовые экологичные города, в которых на базе местных ресурсов создается самодостаточная социально-экономическая система. Во главу угла в них поставлена самобытность, и именно на базе использования своих сравнительных преимуществ они стремятся к повышению самодостаточности.

Сегодня японское общество очень быстро стареет — уже более 29 % населения составляют лица старше 65 лет. Это привело к возникновению сложных социальных проблем, связанных и с социальным обеспечением, и мобильностью, и, кроме того, к утрате местными сообществами своей значимости. И это находит отражение в новых инновационных идеях и программах, направленных на оживление местных сообществ, возрождение регионов путем решения проблем быстро стареющего японского общества. По своей сути города зеленого будущего нацелены на продвижение к низкоуглеродному развитию всей страны при обеспечении высокого качества жизни всем слоям населения.

Согласно прогнозам, в будущем Япония столкнется с беспрецедентным сокращением населения. При этом высокая концентрация населения в Токийской агломерации сохраняется, что вызывает в стране опасения по поводу снижения регионального разнообразия. По прогнозам, к 2050 г. примерно 20 % ныне населенных территорий Японии могут стать необитаемыми. Этот процент особенно высок в регионах Хоккайдо, Тюоку и Сикоку. Можно ожидать, что в этих регионах начнется более активная реализация инновационных проектов создания зеленых городов будущего как гарантия их жизнестойкости. Это расширит географию, приведет к еще большему разнообразию и уникальности городов зеленого будущего и станет новым фактором экономической устойчивости Японии.

Библиографический список

Тихоцкая И.С. От экотаунов к супергородам: низкоуглеродные города в Японии // *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С.32—40.

Тихоцкая И.С. Эволюция подхода к проблеме отходов: к обществу с устойчивым материальным циклом. Япония: свет и тени. М.: Восточная литература. 2008. С. 127—144.

References

Tikhotskaya, I. (2008). Evolyutsiya podkhoda k probleme otkhodov: k obshchestvu s ustoychivym material'nym tsiklom [The Evolution of the Approach to Waste Management: Towards a Sound Material Cycle Society]. In I. Lebedeva, S. Markarian (eds.), *Yaponiya: svet i teni* [Japan: Light and Shadows] (pp. 127–144). Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Tikhotskaya, I. (2024). Ot ekotaunov k supergorodam: nizkouglerodnye goroda v Yaponii [From Ecotowns to Supercities: Low-Carbon Cities in Japan]. *Aziya i Afrika Segodnya*, 2, 32–40. (In Russian).

* * *

Beatley, T. (2000). *Green Urbanism: Learning From European Cities*. Washington DC: Island Press. Retrieved 2025, May 19, from URL: https://www.academia.edu/10399646/Green_Urbanism_Learning_From_European_Cities-Making_Process_A_Case_Study_of_Eco-Town_Project_Kitakyushu_City

«Kankyo mirai toshi» koso [“FutureCity” Initiative]. Retrieved 2025, May 19, from URL: https://future-city.go.jp/doc/pdf/reference/Pamphlet_H24futurecity_Council_jp.pdf (In Japanese).

Lehmann, S. (2011). What Is Green Urbanism? Holistic Principles to Transform Cities for Sustainability. In *Climate Change — Research and Technology for Adaptation and Mitigation*. Retrieved 2025, May 19, from URL: https://www.researchgate.net/publication/221915598_What_is_Green_Urbanism_Holistic_Principles_to_Transform_Cities_for_Sustainability

Newman, P. (2010). Green Urbanism and Its Application to Singapore. *Environment and Urbanization ASIA*, 1 (2). Retrieved 2025, May 19, URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/097542531000100204>

Saraff, E. (2021, November). Local Decarbonization in Japan. Municipalities, Regions and Clusters on the Road to Carbon Neutrality. *Minerva*. Retrieved 2025, July 27, from URL: <https://www.eu-japan.eu/publications/local-decarbonisation-japan-municipalities-regions-and-clusters-road-to-carbon-neutrality>

Yin, G. (2014). The Strategy of ‘Scale’ in Policy-Making Process: A Case Study of Eco-Town Project. Kitakyushu City. *Geographical Review of Japan Series B*, 87 (1), 15–26. Retrieved 2025, May 19, from URL: https://www.researchgate.net/publication/285557936_The_Strategy_of_8216Scale8217_in_Policy

Поступила в редакцию: 29.05.2025
Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 29 May 2025
Accepted: 21 July 2025

Д.А. Романенко

Роль японских политических акторов в создании фундамента новой системы образования в Японии в период оккупации

Аннотация. Реформы периода оккупации Японии значительно изменили систему образования в стране. При этом основные принципы и идейный фундамент новой образовательной политики были заложены в 1946—1947 гг., когда были разработаны и обнародованы Основной закон об образовании, Закон о школьном образовании и поправки в Конституцию Японии. В то же время актуальными являются споры о том, были ли эти реформы в основном навязаны американским Штабом оккупационных войск (ШОВ), или же японские политики, ученые и педагоги имели достаточно возможностей для продвижения своих инициатив. Настоящая статья посвящена оценке роли японских политических акторов, участвовавших в реформах образования в 1946—1947 гг.

В ходе работы было установлено, что ШОВ, обладавший огромными возможностями и полномочиями влиять на ход реформ, в сфере образования применял имевшуюся власть на практике по большей части только по наиболее важным для оккупационной администрации вопросам. ШОВ влиял на выборы, позволив леволиберальным политическим деятелям прийти к власти; строго следил за предотвращением распространения националистических и милитаристских идей через систему образования. Однако по другим вопросам японские политические акторы были более свободны в действиях. Создание Основного закона об образовании и Закона о школьном образовании, которые стали фундаментом новой системы образования, было результатом дебатов и компромиссов между различными японскими политиками и педагогами. Анализ, представленный в этой статье, приводит к выводу, что японские деятели сыграли огромную роль в формировании новой системы образования. Хотя большинство результатов реформ можно назвать победой либеральных акторов, консерваторам также удалось добиться частичных побед, таких как принятие Резолюции о воспитании религиозных чувств. Более того, законы, заложившие основные принципы политики образования, не были избыточно подробными. Эта особенность, оформившаяся также по инициативе японских политических игроков, позволила более гибко выстраивать образовательную политику в будущем.

Ключевые слова: образование, система образования, Япония, оккупация, реформы, политика, Основной закон об образовании, Закон о школьном образовании.

Автор: Романенко Даниил Алексеевич, младший научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0001-9063-9788.
E-mail: dromanenko2000@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Романенко Д.А. Роль японских политических акторов в создании фундамента новой системы образования в Японии в период оккупации // Японские исследования. 2025. № 3. С. 66—84.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-66-84.

D.A. Romanenko

The Role of Japanese political actors in the establishment of the basis of a new education system in Japan during the occupation period

Abstract. The reforms of the occupation period in Japan significantly changed the education system in the country. Meanwhile, the main principles and ideological foundation of the new educational policy were laid in 1946—1947, when the Basic Act on Education, the School Education Law, and amendments to the Constitution of Japan were created and promulgated. At the same time, there are still debates about whether these reforms were mainly imposed by the SCAP (Supreme Commander for the Allied Powers), or whether Japanese politicians, academics, and educators had sufficient opportunities to promote their initiatives. This article is devoted to assessing the role of Japanese political actors involved in the education reforms of 1946—1947.

In the work, it was found that SCAP, having enormous opportunities and powers to influence the course of reforms, in practice used its power in education policy for the most part only on issues of key importance to the occupation administration. SCAP influenced elections, allowing left-liberal politicians to come to power; it strictly supervised the prevention of the spread of nationalistic and militaristic ideas through the education system. However, on other issues, Japanese political actors were freer to act. The creation of the Basic Act on Education and the School Education Law, which became the basis of the new education system, resulted from debates and compromises between various Japanese politicians and educators. The analysis presented in this article leads to the conclusion that Japanese actors played a huge role in shaping the education system. Although most of the results of the changes can be considered victories of liberal actors, conservatives also managed to achieve partial victories, such as the adoption of the Resolution on Religious Sentiment Education. Moreover, the laws that laid down the basic principles of educational policy were not excessively detailed. This feature, also established at the initiative of Japanese actors, made it possible to develop educational policy more flexibly in the future.

Keywords: education, education system, Japan, occupation, reforms, politics, Basic Act on Education, School Education Law.

Author: *Romanenko Daniil A.*, Junior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9063-9788. E-mail: dromanenko2000@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Romanenko, D.A. (2025). Rol' yaponskikh politicheskikh aktorov v sozdanii fundamenta novoi sistemy obrazovaniya v Yaponii v period okkupatsii [The Role of Japanese political actors in the establishment of the basis of a new education system in Japan during the occupation period]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 66—84. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-66-84.

Введение

Реформы образования в Японии в период оккупации сформировали фундаментальные принципы современной системы образования страны. Идеалы этой системы были сформулированы и узаконены в 1945—1947 гг., когда были составлены и обнародованы Основной закон об образовании и Закон о школьном обра-

зовании. Они оказали большое влияние на последующие реформы периода оккупации, которые проводились с опорой на их положения. Реформы образования в период оккупации, в отличие от преобразований политической системы или экономики, представляли собой не столько борьбу между влиятельными политическими игроками, стремящимися сохранить свою власть, а скорее дебаты между различными политическими деятелями и педагогами об идеальной системе образования. Хотя Штаб оккупационных войск контролировал процесс реформ и влиял на них, мы считаем, что японские политические акторы также внесли огромный вклад в эти преобразования, что проведено они были во многом по результатам их инициативы и что результаты реформ стали компромиссом между группами японских деятелей с различными идеалами. В этой статье мы предпримем попытку охарактеризовать особенности взаимодействия между акторами, стоявшими за созданием новой системы образования в Японии в сентябре 1945 — марте 1947 г., и попытаемся дать оценку их вкладу в преобразования.

Проблема реформ образования в период оккупации часто поднималась исследователями. Однако в этих работах в основном рассматриваются сами преобразования и то, как они изменили страну (например, в монографии А.Н. Панова «Революция Сёва. Модернизация Японии в послевоенный период (1945—1952 гг.)» [Панов 2010, с. 137—146], но подробностей о конкретных участниках реформ приводится немного. Или же в исследованиях рассматривается деятельность конкретных политических игроков в формате детального кейс-стади, как, например, в статьях Коно Хироаки, посвященных создателям Основного закона об образовании [Kono 1982; Kono 1986; Kono 1993; Kono 1998], или работах Гарри Рэй, которые анализируют деятельность сотрудников отдела гражданской информации и образования ШОВ или членов миссии США по вопросам образования [Wray 1996; Wray 2001]. Однако автором было обнаружено крайне мало материалов, в которых подобные кейс-стади совмещались в единую картину. Наиболее приближенной к нашему исследованию по подходу является монография Ниси Тосио *Unconditional Democracy: Education and Politics in Occupied Japan, 1945—1952* [Nishi 2013]. Однако несмотря на изложение множества деталей, посвященных преобразованиям и их участникам, автор не вдается в детали законотворческого процесса ряда законов (таких как Основной закон об образовании), а также недостаточно подробно рассматривает взаимодействие различных японских акторов с миссией США по вопросам образования, которая по результатам своей работы предложила ряд реформ. В том числе поэтому Т. Ниси приходит к выводу о том, что реформы образования были навязаны Японии США, и на ход их реформаторских «экспериментов» японцы могли влиять незначительно. Однако мы не согласны с этой позицией, и результаты нашей работы демонстрируют, что, наоборот, японские акторы оказали значительное влияние на создание фундаментальных принципов новой системы образования.

В настоящей работе будет предпринята попытка представить более общий взгляд на процессы взаимодействий между группами интересов, участвовавших в создании базовых принципов образования в 1945—1947 гг. Для этого мы критически проанализировали узконаправленные исследования, посвященные акторам, участвовавшим в реформах образования, и провели анализ ряда первоис-

точников, среди которых — протоколы японского парламента, отчеты различных групп, законодательные акты.

Результаты исследования позволят ответить на вопрос об ответственности за реформы, заложившие фундамент современной системы образования Японии. Кроме того, анализ инициатив основных политических игроков, стоявших за изменениями в стране, и их влияния на результаты преобразований позволит нам понять причины хода изменений во второй половине периода оккупации, а также успешного проведения контрреформ в сфере образования в 1950-х гг.

Сентябрь 1945 — март 1946 г.: период неопределенности в отношении образовательной политики

Японское довоенное образование находилось под сильным влиянием идеологий милитаризма, национализма и государственного синто. Императорский Манифест о воспитании (教育ニ関スル勅語, ИМВ) предписывал японскому народу в случае опасности мужественно отдать все ради защиты императора, и дети воспитывались на этих идеалах [Прасол 2004, с. 396—399]. Школьники пели песни военного содержания [Прасол 2004, с. 409], а жизнь будущих школьных учителей была во многом организована по военному образцу [Прасол 2004, с. 442—444]. Основной целью реформ образования союзнический Штаб оккупационных войск (ШОВ) изначально ставил борьбу как раз с подобными проявлениями милитаризма, национализма и государственного синто в учебных заведениях.

Однако до мая 1946 г. специалисты отдела гражданской информации и образования (Civil Information and Education Division, ОГИО) ШОВ, отвечавшие за политику в области образования, не получали подробных официальных инструкций относительно образовательной политики и реформ от Вашингтона или союзников [Wray 1996, p. 5—6]. В результате этого Министерству образования (МО) удавалось обходиться полумерами и избегать крупных реформ системы образования. Как утверждает исследователь Нодзаки Ёсико, намерением МО было скорее замаскировать милитаризм в образовании, нежели избавиться от него, и ряд должностных лиц прямо говорили о главной цели мер министерства — создать благоприятное впечатление на оккупационную администрацию [Nozaki 2008, p. 3]. Уже с октября МО начало терять доверие ШОВ. Это становится очевидным из принятых директив. Например, SCAPIN-178 от 22 октября 1945 г. предписывала МО пересмотреть содержание образования, чтобы оно соответствовало целям оккупации¹; в SCAPIN-612, выпущенной 17 января 1946 г., говорилось, что все планируемые МО к публикации учебники должны быть предоставлены в ШОВ для утверждения². 12 декабря была введена директива ШОВ об

¹ SCAPIN-178: Administration of the Educational System of Japan. Collection of Directives for Japan 1945/10/22. GHQ SCAP, 22.10.1945. Supreme Commander for the Allied Powers Directives to the Japanese Government. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/988524> (дата обращения: 13.07.2024).

² SCAPIN-612: Application of SCAP Directive AG 350 (22 Oct 45) CIE, on Administration of the Educational System of Japan. 17.01.1946. Collection of Directives for Japan. URL: <https://ndlsearch.ndl.go.jp/books/R100000002-I000006847717> (дата обращения: 13.07.2024).

отмене государственной поддержки, контроля и распространения государственного синто¹.

Однако о конкретных реформах системы образования все еще речи не шло. Ситуация изменилась после визита в Японию в марте-апреле 1946 г. миссии США по вопросам образования (МСВО). Ее целью ставилось исследование японской системы образования и подготовка предложений соответствующих реформ. Директива SCAPIN-571 приказала МО сформировать комитет японских педагогов (日本側教育家委員会, КЯП) для поддержки МСВО. SCAPIN-571 указала, что КЯП должен состоять из педагогов, специализирующихся в областях, соответствующих подкомитетам миссии; список кандидатов должен был быть представлен в ОГИО (т. е. отдел контролировал отбор кандидатов)².

Были отобраны известные педагоги с различными специализацией и взглядами. Например, Какиnuma Ко:саку, профессор Токийского императорского университета, выступал за систему, при которой студенты изучали бы не только одну узкую область, но и получали бы более общее образование [Tsuchimochi 2000, p. 83]. Аmano Тэйю:, философ и профессор Первой повышенной средней школы, утверждал, что МО навязало милитаризованное содержание довоенного морального воспитания учебным заведениям; в соответствии с его идеями, истинный нравственный рост должен культивироваться через взаимоотношения между людьми и анализ этих взаимодействий самими учащимися [Kikuchi 2018, p. 43]. Намбара Сигэру, декан юридического факультета Токийского императорского университета, выступал против элитарности в системе образования и настаивал на том, чтобы система образования воспитывала не послушных слуг, а личностей, способных критически мыслить [Murai 2018, p. 92—93]. Другим членом был Танака Ко:таро:, директор по вопросам образования МО (а с мая 1946 г. — министр образования), умеренный консерватор, который поддерживал идеалы ИМВ и традиционные отношения между учителями и учениками, но ратовал за отказ от милитаризма. Мутай Рисаку, президент Токийского университета литературы и науки, поддерживал ИВР и его содержание, но заявлял, что рескрипт использовали неверно (в частности, выступал против принудительного навязывания ИВР в школах). Он поддерживал принцип уважения достоинства личности, но утверждал, что именно государство должно реализовывать эти принципы (государство же рассматривалось им как этническое сообщество людей с определенным национальным духом, общим образом чувств, мышления и действий) [Kanai 2018, p. 1—4].

МСВО работала в течение одного месяца, с марта по апрель. Ее члены тесно сотрудничали с КЯП, и влияние его членов на миссию было огромным. Один из ярких случаев, который демонстрирует это, связан с генезисом системы 6—3—3³.

¹ SCAPIN-448: Abolition of Governmental Sponsorship, Support, Perpetuation, Control and Dissemination of State Shinto (Kokka Shinto, Jinja Shinto) 1945/12/15. GHQ SCAP, 15.12.1945. Supreme Commander for the Allied Powers Directives to the Japanese Government. Collection of Directives for Japan. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/9885515/1/1> (дата обращения: 13.07.2024).

² SCAPIN-571: Committee of Japanese Educators 1946/01/09. GHQ SCAP, 09.01.1946. Supreme Commander for the Allied Powers Directives to the Japanese Government. Collection of Directives for Japan. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/9885641/1/1> (дата обращения: 13.07.2024).

³ 6 лет начальной школы, 3 года средней школы, и 3 года высшей ступени средней школы.

Изначально члены МСВО не планировали менять действовавшую сильно разветвленную систему 6—5¹ на 6—3—3. Так, Перл А. Уонамейкер, член 3-го подкомитета, документировала, что члены миссии в первую очередь обсуждали меры по демократизации образования, а то, как долго должны учиться школьники, не считалось важным вопросом. 23 марта был опубликован отчет 3-го подкомитета МСВО, в котором была предложена измененная версия системы 6—5. Отличие от довоенной системы заключалось в том, что 5 лет обучения в средних школах предлагалось разделить на обязательные 3 класса и необязательные 2 класса. Однако 21 марта С. Намбара провел секретное совещание с председателем миссии Джорджем Стоддардом (часть этого совещания была записана) и предложил ввести систему единого трека обучения 6—3—3. Он утверждал, что такая система будет способствовать демократизации японского образования и созданию равных возможностей для всех учащихся. Кроме того, он заявил, что некоторые сотрудники МО также поддерживают эту идею, но не решаются ее предложить. На заключительном заседании МСВО с КЯП 25 марта С. Намбара и Ямагива Такэтоши официально повторили эту позицию; позже в тот же день С. Намбара и Такаги Ясака встретились с Робертом Холлом из ОГИО и представили отчет, в котором было заявлено, что реформы, представленные КЯП, активно обсуждались многими лидерами образования и бизнеса ранее, 10 лет назад [Tsuchimochi 1990, р. 70—72]. В итоге, как можно увидеть из заключительного отчета миссии², идея системы единого трека 6—3—3 была поддержана МСВО.

Работа МСВО не ограничивалась взаимодействием с КЯП и ОГИО. Члены миссии также общались с Ассоциацией либеральных педагогов региона Кансай, которая выступала за упразднение МО, чтобы положить конец бюрократическому контролю над образованием; они встречались со многими педагогами из Союза учителей Японии, которые поддерживали введение системы 6—3—3 [Wray 2001, р. 26, 32]. Идея реформы по упрощению письменности также была вдохновлена ответами разных японских респондентов. В отчете открыто говорится: «Практически все информированные лица согласны с тем, что заучивание *кандзи*, из которых, в основном, состоит письменный японский язык, возлагает на учеников чрезмерное бремя»³.

МСВО по результатам своей работы предложило следующее: ввести систему единого трека 6—3—3; пересмотреть содержание школьных курсов морали, истории и географии; прекратить церемониальное использование ИМВ об образовании; провести реформу по упрощению письменности. Важно также подчеркнуть,

¹ 6 лет начальной и 5 лет средней школы, после которых система имеет множество профессиональных и академических треков, отличавшихся в зависимости от специальности подготовки и пола учащихся.

² United States Education Mission to Japan. (1946). Report of the United States education mission to Japan. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=mYMWAAAAIAAJ&oi=fnd&pg=PA2&dq=Report+of+the+United+States+Education+Mission+to+Japan&ots=lsHVqLIT--&sig=ByhOoylzlX9u8ul6-qcHyuT8MEo&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 13.07.2024).

³ United States Education Mission to Japan. (1946). Report of the United States education mission to Japan. P. 20. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=mYMWAAAAIAAJ&oi=fnd&pg=PA2&dq=Report+of+the+United+States+Education+Mission+to+Japan&ots=lsHVqLIT--&sig=ByhOoylzlX9u8ul6-qcHyuT8MEo&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 13.07.2024).

что не было предложено в отчете миссии: не говорилось о полном упразднении ИМВ; не говорилось о полной отмене преподавания религий и политики. Было отмечено лишь, что нельзя позволять религиозную индоктринацию со стороны государства, равно как и преподавание в угоду идеалам какой-либо партии, однако беспристрастное изучение религий и политологии как части гражданского образования возможны¹. Таким образом, во-первых, на часть решений МСВО (таких как создание системы 6—3—3 или реформа письменности), повлияли сами японские деятели; во-вторых, в ряде вопросов, таких как судьба ИМВ и то, где должны излагаться фундаментальные принципы образовательной политики, а также то, как организовать (и нужно ли) религиозное образование и обучение политике, — в этих вопросах японские реформаторы обладали свободой действий.

ОГИО рассматривал отчет МСВО как подробную инструкцию к действию (отдел отверг ряд предложений из отчета, например, полный отказ от *кандзи* [Wray 1996, p. 19], но большинство других предложений он поддержал) и потребовал от японского правительства разрабатывать и исполнять реформы в соответствии с этим планом. Это инициировало процесс конкретных преобразований, участники которого являются предметом настоящего исследования. Однако еще раз важно отметить, что на результат работы МСВО значительно повлияли японские деятели, и уже на этом этапе можно наблюдать, что у них (или, во всяком случае, у тех из них, кто американцам казался либералом) были возможности влиять на процесс изменений в системе образования. Кроме того, отчет МСВО все еще предполагал свободу законотворчества для японских акторов.

Важно также упомянуть, что вскоре после того, как американская миссия покинула Японию, КЯП представил МО собственный план реформ. Рассмотреть предложения комитета важно, так как большинство его членов приняло участие в реформах образования, о которых пойдет речь далее. КЯП выступал за полное упразднение централизованного управления школами; в качестве альтернативы предлагалось создавать местные комитеты по вопросам образования, которые бы возглавляли президенты императорских университетов; они должны были сами разрабатывать образовательную политику в зависимости от условий на местах. КЯП предложил ограничить количество обязательных для изучения и использования *кандзи* примерно до 1300 и распространить использование *ромадзи*. Молодежные школы (青年学校; обязательные училища для тех, кто не пошел в иные учебные заведения после окончания начальной школы; в годы войны они готовили японскую молодежь к военной службе) рекомендовалось переквалифицировать в профессиональные училища. Рекомендовалось предоставить университетам больше автономии². Более того, было предложено введение системы 6—3—3, где первые 9 лет обучения будут представлять обязательное образование. Гово-

¹ United States Education Mission to Japan. (1946). Report of the United States education mission to Japan. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=mYMWAAAAIAAJ&oi=fnd&pg=PA2&dq=Report+of+the+United+States+Education+Mission+to+Japan&ots=lsHVqLlT--&sig=ByhOoYlzlX9u8ul6-qcHyyT8MEo&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 13.07.2024).

² Education. GHQ/SCAP Records, Civil Affairs Section, section: Kinki Civil Affairs Region, series: Education File, 1946-49, box No. 2976, folder No. 6. P. 55—56. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/11904753/1/55> (дата обращения: 13.07.2024).

рилось об упразднении существовавших педагогических училищ. Было также предложено ввести поправки в ИВР, новый рескрипт должен был постулировать идеалы о построении мирного государства¹. Хотя члены КЯП не соглашались по многим вопросам, этот план, во многих деталях похожий на отчет МСВО, был создан в качестве компромисса между членами комитета, а многие представленные в нем идеи удалось реализовать.

Реформа Конституции Японии в контексте образовательной политики

Апрель 1946 г. — май 1947 г. был периодом, когда были разработаны и обнародованы законы, определившие базовые принципы новой системы образования. Этими актами стали пересмотренная Конституция; Основной закон об образовании (教育基本法; ОЗО), который изложил ключевые принципы новой образовательной политики, за что его часто называют «Конституцией образования»; и Закон о школьном образовании (学校教育法; ЗШО), который детально обозначил структуру образовательной системы.

10 апреля 1946 г. состоялись первые выборы в Палату представителей в соответствии с новым избирательным законом. ШОВ значительно повлиял на выборы, проведя чистки политиков, которых он считал неподходящими по идеологическим причинам. 82 % бывших парламентариев были подвергнуты чисткам; 89 депутатам удалось сохранить свои места, остальные 377 депутатов являлись впервые избранными [Reed 1988, p. 315]. В результате выборов консервативная Либеральная партия Японии (ЛПЯ, состояла из традиционалистов, выступавших против милитаристского режима и готовых к умеренным реформам) и Прогрессивная партия Японии (ее члены стремились сохранить старый порядок) получили 139 и 93 места соответственно; леволиберальная Социалистическая партия Японии (СПЯ) заняла 92 места; Японская кооперативная партия (центристская партия, члены которой поддерживали кооперативизм) — 14; а Японская коммунистическая партия — 5 [Koseki 2018, p. 132—133]. Первостепенными задачами 90-й сессии парламента было предоставление правок к проекту Конституции, разработку которого форсировал ШОВ еще с февраля и который был опубликован должностными лицами японского Законодательного бюро 6 марта [Koseki 2018, p. 129], и обнародование этого закона после одобрения ШОВ предложенных правок.

Однако перед тем, как перейти к рассмотрению обсуждений проекта Конституции, стоит коснуться важного события, произошедшего на пленарном заседании парламента 24 июня. На заседании возник спор между К. Танака, министром образования, и Морито Тацуо, представителем СПЯ и членом Общества по изучению Конституции (憲法研究会), которое по большей части состояло из левых интеллектуалов. Дебаты затронули вопрос, где должны быть изложены основополагающие принципы образования и каково будет их содержание. Т. Морито зая-

¹ Education. GHQ/SCAP Records, Civil Affairs Section, section: Kinki Civil Affairs Region, series: Education File, 1946-49, box No. 2976, folder No. 6. P. 57. The Mainichi, 03.04.1946. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/11904753/1/57> (дата обращения: 13.07.2024).

вил, что основные принципы новой системы образования стоит изложить в Конституции, а вместо указов и рескриптов об образовании следует издавать законы (т. е. власть над системой образования должна перейти от императора к парламенту). Более того, он отмечал, что ИМВ является важным кодексом, написанным в духе Имперской конституции. Однако, поскольку Конституция пересматривалась, по мнению Т. Морито, было важно также пересмотреть и существующие идеалы системы образования, что подразумевало пересмотр ИМВ¹.

У К. Танака было другое мнение по этому вопросу. Хотя он критиковал довоенное моральное воспитание, он поддержал ИМВ, назвав его великим моральным руководством, которое неправильно использовалось милитаристским правительством. ИМВ по-прежнему следует рассматривать в качестве фундаментального руководства по воспитанию и образованию, но от религиозно-сакрального ореола, которым обладал Рескрипт, необходимо избавиться. В то же время он согласился, что основные идеи политики в области образования должны быть изложены в законах, одобренных парламентом, и заверил, что МО работает над проектами таких актов². Как будет описано нами далее, дебаты по этому вопросу продолжались в дальнейшем, и они значительно повлияли на создание фундаментальных законов об образовании: в результате сам К. Танака представит в сентябре 1946 г. проект ОЗО как раз в формате акта, описывавшего фундаментальные положения об образовании.

С 28 июня по 21 августа в парламенте работал комитет по реформе Конституции Японской империи (КРКЯИ), с 23 июля по 20 августа при нем функционировал подкомитет по реформе Конституции Японской империи (ПРКЯИ). Именно во время работы этих комитетов обсуждались правки к проекту Конституции. Рассмотрим те из них, которые касались вопросов образования.

Для начала проанализируем предложения, озвученные СПЯ на заседаниях КРКЯИ и ПРКЯИ. Одно из них касалось внесения в Конституцию более подробной информации об основных принципах образования. Оно было высказано 3 июля Сугимото Кацудзи и позже было поднято другими членами СПЯ. К. Танака частично согласился с К. Сугимото, однако заявил, что МО разрабатывает «Базовый закон об образовании» (教育根本法), который будет включать в себя основные принципы новой образовательной политики³. К. Танака часто упоминал этот «Базовый закон об образовании», и можно предположить, что этот закон являлся прототипом ОЗО, принятого в марте 1947 г. Однако исследователь Коно Хироаки предполагает, что концепция этого закона была сформулирована лишь

¹ 第90回帝国議会 衆議院 本会議 第7号 昭和21年6月27日 [90 сессия Имперского парламента, нижняя палата, пленарное заседание № 7, 27 июня 1946 г.]. URL: <https://teikokugikai-i.ndl.go.jp/#/detail?minId=009013242X00719460627¤t=369> (дата обращения: 17.02.2025).

² 第90回帝国議会 衆議院 本会議 第7号 昭和21年6月27日 [90 сессия Имперского парламента, нижняя палата, пленарное заседание № 7, 27 июня 1946 г.]. URL: <https://teikokugikai-i.ndl.go.jp/#/detail?minId=009013242X00719460627¤t=369> (дата обращения: 17.02.2025).

³ 第90回帝国議会 衆議院 帝国憲法改正案委員会 第4号 昭和21年7月3 [90 сессия Имперского парламента, нижняя палата, комитет по реформе Конституции Японской империи, заседание № 4, 3 июля 1946 г.]. URL: <https://teikokugikai-i.ndl.go.jp/#/detail?minId=009012529X00419460703¤t=357> (дата обращения: 17.02.2025).

к концу августа — сентябрю 1946 г., а упомянутый К. Танака «Базовый закон об образовании» был скорее черновым вариантом другого, принятого в марте 1947 г. акта — ЗШО, старая версия которого не только описывала структуру новой системы образования, но и должна была включать, по задумке К. Танака, фундаментальные принципы новой системы образования [Коно 1993, р. 45—47].

Другую важную поправку от СПЯ выдвинул Курода Хисао на заседании 2 июля: он предложил внести в Конституцию положение о том, что талантливые студенты должны получать финансовую поддержку от правительства, в частности, для получения высшего образования. Это предложение было встречено без энтузиазма большинством заседавших, им оно показалось слишком конкретным для закона такого фундаментального уровня¹. Аналогичное предложение было снова выдвинуто Ямадзаки Ивао (СПЯ) 5 июля. К. Танака ответил, что уже существовала Великая японская стипендиальная ассоциация (大日本育英会), которая оказывала поддержку студентам; однако он согласился, что эту систему поддержки стоит масштабировать². Тем не менее, большинство членов комитета не продемонстрировали поддержку включения положений, касавшихся стипендий, в Конституцию.

Хотя предложения СПЯ были отклонены, то, что они были вынесены на открытое обсуждение, повлияло на дальнейшие реформы. Идея подробного описания основополагающих принципов политики образования в виде закона была реализована в ОЗО. В этом же акте было указано, что государство обязано поддерживать талантливых студентов, которые не могут позволить себе платить за обучение, что можно назвать частичным воплощением второго предложения СПЯ.

Говоря о других вопросах, поднятых на обсуждение в КРКЯИ и ПРКЯИ, стоит отметить предложение О:сима Тадзо: из Синко: курабу³. Он говорил о необходимости заменить в 24-й статье (в которой говорилось об обязанности попечителей обеспечить своих детей обязательным образованием) слово «дети» (児童, дзидо:) на термин, не связанный с конкретным возрастом. О:сима беспокоился об учениках молодежных школ, интересы которых он представлял в парламенте. В молодежных школах учащиеся подвергались идеологической обработке и проходили базовую военную подготовку; при этом после войны им, уже не «детям», могли не позволить получить обязательное образование в новых демократических школах из-за проблемы с формулировкой. После долгих дебатов по поводу «детей» было решено заменить «дзидо:» на «сидзё» (子女, букв. сыновья и дочери) [Сёити 2018, с. 186—188]. Этот термин позже использовался в других актах об образовании, в том числе в ОЗО и ЗШО. Хотя молодежные школы были упразднены

¹ 第90回帝国議会 衆議院 帝国憲法改正案委員会 第3号 昭和21年7月2日 [90 сессия Имперского парламента, нижняя палата, комитет по реформе Конституции Японской империи, заседание № 3, 2 июля 1946 г.]. URL: <https://teikokugikai-i.ndl.go.jp/#/detail?minId=009012529X00319460702¤t=359> (дата обращения: 17.02.2025).

² 第90回帝国議会 衆議院 帝国憲法改正案委員会 第6号 昭和21年7月5日 [90 сессия Имперского парламента, нижняя палата, комитет по реформе Конституции Японской империи, заседание № 6, 5 июля 1946 г.]. URL: <https://teikokugikai-i.ndl.go.jp/#/detail?minId=009012529X00619460705¤t=351> (дата обращения: 17.02.2025).

³ 新光クラブ; малая партия, состоявшая из педагогов.

ны в результате реформ периода оккупации, приведенный нами эпизод демонстрирует, что при подготовке реформ мнения японских учителей учитывались, и в парламенте были люди, которые их представляли.

Еще одна поднятая проблема касалась образования для женщин. Като: Сидзуэ, одна из женщин-депутатов, выступала против распространения идеи воспитания женщин в качестве «хороших жен и мудрых матерей» (良妻賢母), что выражалось в поощрении женщин получать образование лишь для того и только в той степени, чтобы стать хорошей матерью для своих детей. К. Танака поддержал С. Като:, заявив, что принцип «хорошая жена, мудрая мать» изначально не был плохим, но был искажен государственной пропагандой. Он признал, что женскому образованию не уделялось должного внимания, и подчеркнул, что это необходимо исправить, ориентируясь на другие страны¹. Идея сделать образование доступным для всех активно продвигалась МСВО и ОГИО, однако этот вопрос нуждался в лоббировании и обсуждении в парламенте. Усилиями таких депутатов, как С. Като:, этой теме было уделено много внимания, и равенство мужчин и женщин в возможности получения образования в дальнейшем нашло отражение в основополагающих законах.

Другим вопросом было религиозное образование. В проекте Конституции было указано, что государство и его институты не должны заниматься религиозным образованием или любой другой религиозной деятельностью. Это подразумевало, что в школах, финансируемых из государственных средств, любое религиозное образование должно быть запрещено. На заседании ПРКЯИ 29 июля Хаяси Хэйма (КДП) предложил изменить обозначенное положение с запрета преподавать религию в любой форме на запрет государственным органам быть «предвзятыми в отношении какой-либо конкретной религии или секты». Однако это предложение встретило сопротивление. Кита Рэйкити (ЛПЯ) заявил: подобное решение может привести к крайне поверхностному преподаванию религии, в чем депутат не видел смысла; кроме того, он отметил, что преподавание религии часто приводило к разобщенности, в качестве примера подобной тенденции он привел образование в Японии в период Мэйдзи до принятия ИМВ. Т. Морито отметил, что реализовать беспристрастное преподавание религий на практике крайне трудно; кроме того, он обратил внимание на то, что проект Конституции не запрещал практиковать религиозное обучение в частных школах². В конечном итоге предложение Х. Хаяси было отозвано.

Несмотря на то, что идеи Х. Хаяси не были отражены в Конституции, они имели поддержку среди многих депутатов, и потому их удалось воплотить в иной форме. На пленарном заседании Палаты представителей 15 августа была представлена

¹ 第90回帝国議会 衆議院 帝国憲法改正案委員会 第7号 昭和21年7月6日 [90 сессия Имперского парламента, нижняя палата, комитет по реформе Конституции Японской империи, заседание № 7, 6 июля 1946 г.]. URL: <https://teikokugikai-i.ndl.go.jp/#/detail?minId=009012529X00719460706¤t=348> (дата обращения: 18.02.2025).

² 第90回帝国議会 衆議院 帝国憲法改正案委員小委員会 第4号 昭和21年7月29日 [90 сессия Имперского парламента, нижняя палата, подкомитет по реформе Конституции Японской империи, заседание № 4, 29 июля 1946 г.]. URL: <https://teikokugikai-i.ndl.go.jp/#/detail?minId=009012530X00419460729¤t=289> (дата обращения: 18.02.2025).

Резолюция о воспитании религиозных чувств (宗教的情操教育に関する決議). Резолюция провозгласила решимость японского народа навсегда отказаться от войны, признавала, что «война — это грех», а также поддерживала идею развития всемирного движения за мир. Заявлялось, что для исполнения всего вышеописанного важно распространять принципы всеобщего братства, любви к ближним и служения обществу, основанному на религиозном самосознании, культивировать религиозные чувства, укреплять нравственность. Некоторые депутаты выразили свои сомнения относительно Резолюции. Для Канэмицу Хососако (независимый депутат) этот документ означал принуждение педагогов проповедовать в классах; он выразил сомнения относительно возможности реализации на практике беспристрастного религиозного образования. Однако другие ораторы, такие как Тидзаки Усабуро: (член одной из малых партий) и Инаба До:й (ЛПЯ) возражали, отметив, что «воспитание религиозных чувств» заключается не в навязывании учащимся определенных вероучений и доктрин, а в воспитании гуманности и универсальных моральных идеалов, а также духа и нравственных ценностей религиозных учений. Депутаты аргументировали, что религии оказали влияние на японскую культуру, и это влияние можно увидеть в ритуалах повседневной жизни. В результате резолюция была одобрена в парламенте¹.

Обнародованный значительно позднее ОЗО не запрещал религиозное образование: отмечалось только, что государственные школы должны воздерживаться от поддержки конкретных религиозных учений². Из этого мы можем сделать вывод, что политики, которые поддерживали религиозное образование, представляли религиозные группы или стремились продвигать нравственное воспитание в школах через религию, действительно преуспели в своих начинаниях. И хотя в долгосрочной перспективе религиозное воспитание оказалось слабо представлено в государственных школах, принятие этого акта во время оккупации было воспринято как победа японских политиков, поддерживавших распространение религиозного и нравственного воспитания.

В окончательном тексте Конституции представлены следующие положения об образовании: «Государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо религиозной деятельности... Гарантируется академическая свобода... Все люди имеют равное право на образование в соответствии со своими способностями в порядке, предусмотренном законом. Все люди должны, в соответствии с законом, обеспечить прохождение обязательного обучения мальчикам и девочкам, находящимся на их попечении. Обязательное обучение осуществляется бесплатно»³. Как можно видеть, в Конституции были изложены определенные положения об идеалах системы образования,

¹ 第90回帝国議会 衆議院 本会議 第29号 昭和21年8月15日 [90 сессия Имперского парламента, нижняя палата, пленарное заседание № 29, 15 августа 1946 г.]. URL: <https://teikokugikai-i.ndl.go.jp/#/detail?minId=009013242X02919460815¤t=209> (дата обращения: 18.02.2025).

² 教育基本法昭和二十二年法律第二十五号 [Основной закон об образовании 1947 г. № 25]. URL: <https://www.digital.archives.go.jp/img/681071> (дата обращения: 18.02.2025).

³ Constitution of Japan. Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (дата обращения: 27.07.2024).

но в то же время посвященные им отрывки не были детальными, и поэтому у специалистов, ответственных за реформы образования, все еще было огромное пространство для законотворчества.

В целом, обсуждения в парламенте, КРКЯИ и ПРКЯИ касались многих аспектов будущих образовательных реформ. Эти дебаты и принятые решения сформировали ключевые проблемы, которые будут в дальнейшем рассмотрены Комитетом по реформе образования (教育刷新委員会; КРО), работу которого мы в деталях обсудим далее.

Работа комитета по реформе образования

9 августа 1946 г. был издан императорский указ «Положение о комитете по реформе образования». Он предписывал Кабинету министров создать КРО. Комитет был подотчетен только премьер-министру. В указе отмечалось, что члены КРО должны выбираться из людей с академическим образованием. Предполагалось, что они представят разные профессиональные группы: учителей, профессоров, религиозных деятелей, политиков и представителей бизнеса. Отбор должен был проводиться Кабинетом министров с одобрения премьер-министра и императора¹. Начал работу комитет 7 сентября.

Между изданием указа 9 августа и началом работы КРО в начале сентября между МО и ОГИО произошел конфликт, который определил (во всяком случае, формально) характер взаимодействий между ними и комитетом. 26 августа газета «Йомиури Симбун» опубликовала сенсационный обзор плана реформы управления образовательными учреждениями, который разрабатывало МО. В документе предлагалась децентрализация управления на уровне регионов. Он отличался от плана, предложенного МСВО, который предусматривал более сильную децентрализацию — на уровне префектур и населенных пунктов. Однако важнее всего то, что работа над этим планом не была согласована с ОГИО, и его публикация в СМИ не обсуждалась с этим отделом ШОВ. ОГИО отреагировал на этот сенсационный обзор, потребовав встречи с министром образования. На заседаниях 27 и 29 августа Дональд Нуджент и Марк Опп из ОГИО раскритиковали МО за несоблюдение плана, подготовленного МСВО. Это одна из причин, по которой КРО был по итогу сформирован как комитет с обширной свободой действий. КРО должен был выбирать и изучать проблемы, которые сами его члены считали важными, а также те, которые запрашивал премьер-министр, и разработать законопроекты для решения этих проблем. МО должен был планировать и проводить реформы, предложенные КРО, и предоставлять информацию, запрашиваемую КРО и ОГИО. Последний должен был направлять и контролировать ход разработки образовательных реформ и утверждать предлагавшиеся законопроекты [Kono 1986, p. 2—5].

¹ 教育刷新委員会官制昭和二十一年勅令第三七三号 [Положение о комитете по реформе образования, 1946 г., имперский указ № 373]. URL: <https://www.digital.archives.go.jp/img/147834> (дата обращения: 18.02.2025).

Хотя официально влияние МО и ОГИО на КРО должно было быть ограниченным, на практике ситуация была сложнее. Сотрудники КРО консультировались как с ОГИО, так и с МО, а среди членов КРО были те педагоги, которые имели связи или симпатизировали МО или ОГИО, что будет отмечено далее в настоящей статье.

КРО изначально состоял из 38 членов, 19 из которых были бывшими членами КЯП [Kugachi 2005, p. 152]. Более того, хотя председателем КРО был Абэ Ёсисиге, исследователь Х. Коно отмечает, что глава комитета часто не мог присутствовать на заседаниях [Коно 1982, p. 58]. Вероятно, это давало его заместителю и бывшему председателю КЯП С. Намбара (который, как мы отмечали, значительно повлиял на МСВО) больше шансов вести дискуссии в том ключе, в котором он считал необходимым. Все вышеизложенное дает основания говорить о наличии преемственности между КЯП и КРО.

В рассматриваемый нами период КРО разработал ЗШО и ОЗО. ЗШО определил структуру новой системы образования. В частности, он ввел систему 6—3—3, концепция которой, как мы упоминали, была разработана во время визита МСВО; определил типы образовательных учреждений и их задачи, а также установил ряд деталей, таких как процедуры создания образовательных учреждений, вопросы, связанные с персоналом школ, и т. д.¹ Большое количество обсуждений КРО касалось идеалов новой системы образования.

На втором общем собрании КРО 13 сентября К. Танака описал свое видение идеалов будущей образовательной политики. Это были совершенствование характера, воспитание граждан, здоровых умом и телом, стремящихся к истине, развивающихся через взаимопомощь, способных выполнять свои обязанности в качестве членов демократической и культурной нации и общества [Коно 1982, p. 47—48]. Министр по-прежнему говорил о важной роли морального воспитания и ИМВ. Его позиция и взгляды его оппонентов были детально высказаны на 3-м общем собрании 20 сентября. К. Танака заявил, что ИМВ не следует воспринимать как сакральное писание, но, тем не менее, его нужно рассматривать как один из ценных источников этического воспитания. По его мнению, этот Рескрипт не следует бездумно декламировать, его нужно анализировать и интерпретировать. Министр образования смог заручиться поддержкой нескольких консервативных членов КРО, таких как Аmano Тэйю: и Хатани Рётай (профессор, монах секты Дзёдо-синсю) [Коно 1982, p. 51, 56]. Из этого можно предположить, что именно К. Танака объединил консервативную группу в КРО и сформулировал идеалы, которые они в дальнейшем лоббировали. Более того, МО подготовило несколько версий проектов ОЗО 14, 18 и 21 сентября, после чего черновой вариант закона К. Танака представил КРО 27 сентября. Чуть ранее, 20 сентября, во время 3-го общего собрания, министр объяснил основные идеи этого акта [Коно 1986, p. 9—15]. Все это показывает, что МО в определенной степени влияло на КРО и как минимум частично направляло процесс реформ.

¹ 学校教育法昭和二十二年法律第二十六号 [Закон о школьном образовании 1947 г. № 26]. URL: <https://www.digital.archives.go.jp/img/681454> (дата обращения: 18.02.2025).

Важно также сказать о 3-м заседании КРО, во время которого многие члены комитета высказали свои мнения об идеологии образования. Т. Морито утверждал, что ИМВ нес в себе феодальный дух, а новые акты должны продвигать идеалы социальной и политической природы нового общества с «кооперативной жизнью» (共同生活), основанной на народном, а не императорском суверенитете. Т. Морито считал важным конкретизировать новую политику в вопросах образования, а не продвигать лишь абстрактные идеи, такие как важность стремления к истине или необходимости уважения индивидуальности. Р. Мутай согласился с Т. Морито, добавив, что такие черты довоенного образования, как утилитаризм и карьеризм, а также навязывание лояльности императору и патриотизма сверху, должны быть устранены. Необходимо, чтобы образование осуществлялось не только на благо страны или общества здесь и сейчас, но с предвидением того, к какой нации и к какому обществу должны стремиться реформаторы в будущем.

Кидо Мантаро: (педагог) и Сэкигути Тай (журналист) также критиковали довоенную политику в области образования, но выражали мнения, отличные от идей Т. Морито и Р. Мутай. В частности, Т. Сэкигути выразил серьезные сомнения относительно излишне подробного изложения идеалов и целей для будущих реформ в ОЗО, так как это ограничит реформаторов будущего. М. Кидо согласился с Т. Сэкигути и, развивая эту позицию, заявил, что идеалы воспитания не должны представлять собой подробное изложение важных моральных ценностей или детальным изложением курса образовательной политики; для него идеалом системы образования являлось создание людей будущего, которые смогут сами определять идеи и курс будущей образовательной политики [Коно 1982, р. 52—54]. В итоговом тексте ОЗО можно увидеть, что эта идея была поддержана.

Дебаты членов КРО привели к многочисленным поправкам в проект ОЗО, которые вносились несколько раз вплоть до марта 1947 г., когда законопроект был представлен Имперскому парламенту и Тайному совету и получил их одобрение. ОЗО содержал положения, определяющие основные принципы демократического образования, такие как бесплатное обязательное образование и равные возможности в получении образования для всех граждан. В нем говорилось, что образование не должно быть предметом ненадлежащего контроля, идеологическая обработка в школах запрещалась. Эти детали соответствуют идеям Т. Морито и Р. Мутай. Содержание акта не было особенно подробным¹, что позволяло по-разному трактовать будущую политику в области образования в рамках базовых демократических идей, изложенных в ОЗО. Эта особенность позволила японским политикам в будущем более свободно формировать собственную политику в области образования, не внося изменений в «Конституцию образования».

В сентябрьских проектах ОЗО есть несколько важных отличий от окончательного текста акта от 31 марта. Одним из них стало включение в статью об управлении образованием тезиса о том, что образование не подлежит ненадлежащему контролю (со стороны в первую очередь государства), что предполагает из-

¹ 教育基本法昭和二十二年法律第二五号 [Основной закон об образовании 1947 г. № 25].

бежание ситуации, схожей с довоенным положением дел. Кроме того, в тексте от 31 марта 1947 г. не было положений об уважении традиций и важной роли в формировании религиозных чувств, которые присутствовали в ранних проектах [Романенко 2024, с. 284—285]. Исследователь Ибука Ю:дзи поясняет, что эти принципы не были одобрены ОГИО, так как могли ассоциироваться с довоенным режимом [Ibuka, 2015, p. 3]. Однако не все члены КРО поддерживали идеалы образования, основанные на морали, поэтому изменения могли быть реализованы и по инициативе КРО. Исследование Х. Коно приводит больше доказательств в поддержку этого мнения, поскольку он утверждает, что многие из этих поправок были сделаны в результате критики С. Намбара [Kono 1998, p. 221]. Однако это, в частности, показывает, что К. Танака и другие консерваторы из МО продолжали, хоть и безуспешно, продвигать свои идеи, в частности — о важной роли религии для воспитания и необходимости почитать традиции.

Провозглашение ОЗО стало важным символическим событием для прогрессивных японцев, поскольку этот закон установил новые основополагающие принципы образования именно в форме закона, а не божественного предписания, каким являлся ИМВ. Также важно отметить, что концепция этого акта не была предложена представителями американской стороны. Закон был создан в результате дискуссий между японскими реформаторами в парламенте и КРО, и активное обсуждение японскими педагогами и политиками проекта ОЗО демонстрирует его значимость для них. Из окончательного текста закона видно, что его содержание стало компромиссом между сторонниками различных взглядов на идеальную систему образования. И хотя этот закон отражал в большей степени идеи либералов, нежели консерваторов, последним удалось ограничить своих оппонентов в ряде вопросов, таких как, например, провозглашение бесплатного образования на всех уровнях системы обучения. Это удалось отразить и в другом важном законе, ЗШО, который предусматривал, что бесплатное обязательное образование будет охватывать только 9 лет начальной и средней школы, в то время как средние школы старшего звена и университеты будут платными (при этом предполагалась возможность поддержки талантливых студентов)¹. Вероятно, консерваторы более реалистично смотрели на состояние экономики страны того времени и не рассчитывали, что страна сможет обеспечить утопическое образование, предлагаемое членами СПЯ.

Обсуждение

Нельзя отрицать, что ШОВ обладал широкими возможностями и полномочиями для влияния на реформы. Оккупационная администрация действительно повлияла на выборы, позволив леволиберальным политическим деятелям прийти к власти. ШОВ был особенно строг в отношении ряда вопросов, в частности — предотвращения распространения националистических и милитаристских идей через систему образования. Однако в остальном японские деятели были на-

¹ 学校教育法昭和二十二年法律第二十六号 [Закон о школьном образовании 1947 г. № 26].

много меньше скованы в действиях. Создание ОЗО и ЗШО, которые стали базисом для новой системы образования, произошло в результате дебатов и компромиссов между японскими политиками и педагогами с отличными друг от друга взглядами. Анализ, представленный в настоящей статье, демонстрирует, что японские деятели сыграли огромную роль в формировании базиса системы образования. Хотя результаты таких изменений были в основном в пользу либеральных акторов, а большинство инициатив МО пресекались ШОВ, консерваторам удалось добиться частичных побед, таких как принятие Резолюции о воспитании религиозных чувств и ограничение в законотворчестве амбиций своих соперников. Более того, ОЗО, определивший основные принципы образования, не был подробен в своих формулировках, что предоставляло больше свобод для будущих реформ; ими консервативные политики воспользовались в 1950-х гг., чтобы реализовать ряд консервативных контрреформ.

Библиографический список

Панов А.Н. Революция Сёва. Модернизация Японии в послевоенный период (1945—1952 гг.). М.: Восток—Запад, 2010.

Прасол А.Ф. Генезис и развитие японского образования: VIII — начало XX вв. Дис. д.и.н. Владивосток. 2004.

Романенко Д.А. История создания Основного закона об образовании 1947 года и его значение в реформах просвещения // *Сборник материалов XIII Конференции молодых японоведов «Новый взгляд»*. М.: Адвансед солюшнз, 2024. С. 279—290.

References

Panov, A.N. (2010). *Revolutsiya Seva. Modernizatsiya Yaponii v poslevoennyy period (1945—1952 gg.)* [The Shōwa Revolution. Modernization of Japan in the Post-War Period (1945—1952)]. Moscow: Vostok-Zapad. (In Russian).

Prasol, A.F. (2004). *Genезis i razvitie yaponskogo obrazovaniya: VIII — nachalo XX vv.* [Genesis and Development of Japanese Education: 8th — Early 20th Cent.]. Dissertation for the Doctor of History degree. Vladivostok. (In Russian).

Romanenko, D.A. (2024). *Istoriya sozdaniya Osnovnogo zakona ob obrazovanii 1947 goda i ego znachenie v reformakh prosveshcheniya* [The History of Establishment of The Basic Act on Education, 1947 and Its Significance in Postwar Educational Reforms in Japan]. In *Sbornik materialov XIII Konferencii molodykh yaponovedov “Novyi vzglyad”* [Collection of Materials from the 13th Conference of Young Japanologists “New View”] (pp. 279—290). Moscow: Advanced Solutions. (In Russian).

* * *

Ibuka, Yūji. (2015). *Kyōiku kihon hō to rikkenshugi — shinkyū kyōiku kihon hō no rekishiteki honshitsu* [Basic Act on Education and Constitutionalism: The Historical

Essence of the Old and New Basic Acts on Education]. *Nara kyōiku daigaku kiyō, jinbun shakai kagaku*, 64 (1), 1—12. (In Japanese).

Kanai, Tōru. (2018). Sengo ni okeru Mutai Risaku no kyōiku rinen no tenkai — minzoku kyōdōtai to iu kokka kan ni chakumokushite [Education Principle of Risaku Mutai After World War II Focusing on the Concept of National/Ethnic Community]. *Tōhoku kyōiku gakkai*, 21, 1—14. (In Japanese).

Kikuchi, Makiko. (2018). Amano Teiyū no dōtoku kyōiku-ron no tenkai to kadai [Development and Problems of Teiyū Amano's Moral Education Theory]. *Hakuō daigaku kyōiku gakubu ronshū*, 11 (4), 41—60. (In Japanese).

Kono, Hiroaki. (1982). Kyōiku rinen no keisei to kyōiku sasshin iinkai daisankai sōkai [Education Reform Committee Third General Meeting and Formation of Educational Philosophy]. *Hokkaidō kyōiku daigaku kiyō. Daiichibu. C, kyōiku kagaku-hen*, 32 (2), 47—61. (In Japanese).

Kono, Hiroaki. (1986). Kyōiku sasshin iinkai no hōsoku to kyōiku kihon-hō no ritsuan kaishi: Shōwa 21-nen hachigatsumatsu ~ kugatsu no kyōiku rippō katei gaikyō [Establishment of the Educational Reform Committee and the Beginning of Drafting the Basic Act on Education: Overview of the Educational Legislative Process from the end of August to September 1945]. *Hokkaidō kyōiku daigaku kiyō. Daiichibu. C, kyōiku kagaku-hen*, 36 (2), 1—16. (In Japanese).

Kono, Hiroaki. (1993). Kyōiku kihon hō seiritsu no shigen [The Origin of the Establishment of the Basic Act on Education]. *Hokkaidō kyōiku daigaku kiyō. Daiichibu. C, kyōiku kagaku-hen*, 43 (2), 41—56. (In Japanese).

Kono, Hiroaki. (1998). Kyōiku kihon hō seiritsushi saikō [Reconsidering the History of the Establishment of the Basic Act on Education]. *Kyōikugaku kenkyū*, 65 (3), 214—222. (In Japanese).

Koseki, Shōichi. (2018). *The Birth of Japan's Postwar Constitution*. Routledge.

Kurachi, Norihiro. (2005). Kyōiku sasshin iinkai dai 7 tokubetsu iinkai no kiso-teki kenkyū: Sono seiritsu katei no sobyō [Study of the 7th Subcommittee of the Japanese Education Reform Committee: Description of Its Process of Organizing]. *Kyōto daigaku shōgai kyōikugaku toshokan jōhōgaku kenkyū*, 4, 151—159. (In Japanese).

Murai, Hiroshi. (2018). Nanbara Shigeru no kyōiku shisō: Kiki to kyōiku [Examining Shigeru Nanbara's Thoughts on Education: Education in Crisis]. *Sōgō seisaku ronsō*, 36, 87—99. (In Japanese).

Nishi, Toshio. (2013). *Unconditional Democracy: Education and Politics in Occupied Japan, 1945—1952*. Hoover Press.

Nozaki, Y. (2002). *War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan: The Japanese History Textbook Controversy and Ienaga Saburo's Court Challenges*. Routledge.

Reed, S.R. (1988). The People Spoke: The Influence of Elections on Japanese Politics, 1949—1955. *Journal of Japanese Studies*, 14 (2), 309—339.

Tsuchimochi, G.H. (1990). Education Reform under the American Occupation (1): Report of the United States Education Mission to Japan and the Reform of the School System. *Toyo Eiwa Journal of the Humanities and Social Sciences*, 1, 65—80.

Tsuchimochi, G.H. (2000). The Introduction of “General Education” in Postwar Japanese Universities. *Nanzan Review of American Studies: A Journal of Center for American Studies*, 22, 81—98.

Wray, H. (1996). Education Policy Formation for the Allied Occupation of Japan. *Nanzan Review of American Studies: A Journal of Center for American Studies*, 1—25.

Wray, H. (2001). The First United States Education Mission to Japan, Part II: The Tokyo Phase. *Nanzan Review of American Studies: A Journal of Center for American Studies*, 23, 7—63.

Поступила в редакцию: 03.09.2024

Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 03 September 2024

Accepted: 21 July 2025

Я.П. Фокин

Эволюция репрезентации Токийского трибунала в исторических нарративах правоконсервативных негосударственных организаций Японии

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям эволюции памяти о Токийском трибунале в исторических нарративах, отстаиваемых японскими правоконсервативными негосударственными организациями, а также влиянию, которое они оказывали на историческую память в стране. Среди организаций рассматриваются Ассоциация синтоистских храмов, Японская ассоциация семей погибших на войне, Ассоциация памяти о героях войны, Общество создания нового учебника истории, Японская конференция. В качестве теоретической рамки исследования используется подход О. Ю. Малиновой, рассматривающий политику памяти как вариацию символической политики, борьбу различных акторов за доминирование их исторических нарративов в публичном пространстве.

Исследование прослеживает эволюцию восприятия Токийского трибунала в рамках трех периодов: 1945—1960 гг., 1960—1985 гг. и 1985 г. — н.в. В первый период правоконсервативные организации избегали прямой критики Токийского процесса, одновременно выстраивая политику памяти, имплицитно противоречащую основам общественного порядка, установленного трибуналом и оккупационными реформами. Деятельность данных групп, в первую очередь синтоистских объединений и ассоциаций семей ветеранов и погибших на войне, была направлена на достижение определенных «специальных интересов»: восстановление государственного финансирования и повышение собственного общественного статуса.

Во второй период критика трибунала стала носить более откровенный характер. Вследствие необходимости утвердить собственные идеологические и исторические представления среди молодого поколения, а также на фоне роста национальной гордости, связанного с экономическими успехами, правоконсервативные силы консолидировали усилия вокруг продвижения культа *эйрэй* — погибших героев войны, который был ритуализирован в храме Ясукуни. В этот же период в данном святилище происходит канонизация 14 лиц, признанных Токийским трибуналом военными преступниками класса «А».

Третий период характеризуется открытым выражением ревизионистских суждений, критикой «взгляда на историю с позиции Токийского трибунала». Появляются новые влиятельные правые организации, продвигающие реформирование школьных учебников и образовательных стандартов в «патриотическом духе». В последние десятилетия набрала силу новая тенденция: на фоне заката некогда могущественной Ассоциации семей погибших на войне, связанного со старением ее членов, фокус правоконсервативных организаций постепенно смещается на борьбу за пересмотр антивоенных статей Конституции, а проблематика Токийского трибунала отходит на второй план.

Ключевые слова: политика памяти, Япония, Вторая мировая война, негосударственные организации, Дзиндзя хонтё, Идзокукай, Цукурукай, Ниппон кайги.

Автор: Фокин Ярослав Павлович, аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва 125009, ул. Моховая, 11, стр. 1); научный сотрудник МГИМО-Университет МИД России (Москва 119454, просп. Вернадского, 76). E-mail: phokin.yaroslav@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фокин Я.П. Эволюция репрезентации Токийского трибунала в исторических нарративах правоконсервативных негосударственных организаций Японии // Японские исследования. 2025. № 3. С. 85—105.

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-85-105.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109 «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии»).

I.P. Fokin

Evolution of the Tokyo Tribunal's representation in the historical narratives of right-wing conservative non-state organizations in Japan

Abstract. The article focuses on examining the evolution of the memory of the Tokyo Tribunal in historical narratives championed by conservative non-governmental organizations in Japan and the impact these organizations had on historical memory in the country. Among the organizations examined are the Association of Shinto Shrines, the Japan Association of War-Bereaved Families, the Association to Answer the Departed War Heroes, the Society for History Textbook Reform, and the Japan Conference. As a theoretical framework, the research applies the approach of O. Malinova, who considers the politics of memory as a variation of symbolic politics, a struggle between various actors for the dominance of their historical narratives in the public sphere.

The study traces the evolution of perceptions of the Tokyo Tribunal within three periods: 1945—1960, 1960—1985, and 1985—present. In the early stages, right-wing conservative organizations avoided direct criticism of the Tokyo Trials, while developing a policy of remembrance that implicitly contradicted the foundations of the order established by the tribunal and the occupation reforms. The efforts of these groups, primarily Shinto associations and veterans' and war-bereaved families' associations, were aimed at achieving certain “special interests”: restoring state funding and raising their social status.

In the second period, criticism of the tribunal became more overt. Due to the need to establish their ideological and historical views among the younger generation, and amidst growing national pride due to economic success, right-wing conservatives consolidated around propelling the cult of fallen war heroes (*irei*), which was ritualized at the Yasukuni Shrine. During the same period, 14 individuals recognized by the Tokyo Tribunal as Class A war criminals were enshrined there.

The third period is characterized by the open expression of revisionist views, criticism of the “Tokyo Tribunal's view of history.” New influential right-wing organizations emerged, promoting the reform of school textbooks and educational standards along “patriotic lines.” In recent decades, a new trend has gained momentum: against the backdrop of the decline of the once powerful Association of War-Bereaved Families, owing to the ageing of its members, the efforts of right-wing conservative organizations are increasingly focused on the revision of anti-war articles in the Constitution, while the issues of the Tokyo Tribunal are taking a back seat.

Keywords: politics of memory, Japan, Second World War, non-state organizations, *Jinja Honchō*, *Izokukai*, *Tsukurukai*, *Nippon Kaigi*.

Author: Fokin Iaroslav P., PhD student in the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (11/1, Mokhovaya Street, Moscow, 125009, Russian Federation); researcher in Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation).
E-mail: phokin.yaroslav@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Fokin, I.P. (2025). Evolyutsiya reprezentatsii Tokiiskogo tribunala v istoricheskikh narrativakh pravokonservativnykh negosudarstvennykh organizatsii Yaponii [Evolution of the Tokyo Tribunal's representation in the historical narratives of right-wing conservative non-state organizations in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 85—105. (In Russian).
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-85-105.

Acknowledgements. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant № 23-18-00109 “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”.

Введение

Вопросы исторической памяти в контексте внутренней и внешней политики Японии обладают непреходящей актуальностью. На внутривнутриполитической арене правительство правящей партии уже продолжительное время стремится к утверждению консервативных нарративов о прошлом. В то же время важным фактором в отношениях Токио с соседними государствами являются проблемы исторических обид, связанные с агрессивной политикой Японии в первой половине XX в., а также особенностями ее восприятия внутри страны. Ключевым противоречием является вопрос исторической ответственности Японии, в центре которого стоят различные оценки Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ, Токийский трибунал) и его наследия.

Важную роль в процессе формирования и трансформации исторической памяти внутри Японии играют различные негосударственные организации. Большая часть японских негосударственных организаций фактически функционируют в качестве «групп давления» (*ацурёку дантай*). Деятельность данных групп направлена на продвижение «специальных интересов» в политической сфере: они осуществляют лоббирование в бюрократических структурах, поддерживают или выступают против кандидатов на выборах, а также организуют широкие общественные компании [Rempel 1989, p. 27—28]. Если говорить о деятельности групп давления в области политики памяти, определенные интерпретации прошлого выступают для них в качестве объекта специального интереса, который может быть связан с материальными, статусными или иными целями [Seraphim 2006, p. 8].

В свете консервативного поворота в исторической политике японского правительства особую актуальность имеет исследование нарративов, продвигаемых правоконсервативными негосударственными организациями в сфере памяти об

историческом прошлом, а также анализ их трансформации в течение послевоенного периода. Целью настоящего исследования является выявление особенностей эволюции памяти о Токийском трибунале в исторических нарративах, отстаиваемых правоконсервативными негосударственными организациями Японии, а также изучение влияния, которое данные организации оказывают на историческую память в стране. В настоящей работе будут рассмотрены такие организации, как Ассоциация синтоистских храмов (*Дзиндзя хонтё*), Японская ассоциация семей погибших на войне (*Ниппон идзокукай*, далее *Идзокукай*), Ассоциация памяти о героях войны (*Эйрэй ни котаэру кай*), Общество создания нового учебника истории (*Атарасий рэжиси кёкасё о цукуру кай*), Японская конференция (*Ниппон кайги*). Отбор объектов исследования осуществлялся на основании их политического влияния на каждом из этапов послевоенной истории Японии.

В качестве теоретической рамки исследования в настоящей работе выбран подход О.Ю. Малиновой, который рассматривает политику памяти как вид символической политики. Последнюю автор определяет как «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова 2018, с. 30]. Важной для настоящего исследования особенностью данной модели выступает тот факт, что она не ограничивает круг субъектов политики памяти элитой и государственными органами, но включает в анализ субъекты гражданского общества и негосударственные организации, также имеющие значительные возможности для производства и продвижения альтернативных исторических нарративов [Малинова 2018, с. 30]. Исторический нарратив (нарратив о прошлом) определяется как «сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий» [Малинова 2018, с. 37].

Политика памяти с 1945 по 1960 г.: основание *Дзиндзя хонтё* и *Ниппон идзокукай*

Двумя наиболее влиятельными правоконсервативными негосударственными организациями, участвовавшими в политике памяти в период первых послевоенных десятилетий, являются Ассоциация синтоистских храмов и Японская ассоциация семей погибших на войне. Обе организации объединял ряд особенностей. Они уходят своими корнями в довоенный и военный периоды, когда были прочно связаны с милитаристской политикой японского правительства. После поражения в войне вследствие усилий оккупационных властей по ликвидации учреждений, признанных милитаристскими, обе организации были вынуждены адаптироваться к новому институциональному ландшафту, чтобы иметь возможность отстаивать свои интересы. Проводимая данными организациями политика памяти была продуктом их послевоенного положения и вытекающих из него потребностей.

Ассоциация синтоистских храмов сформировалась в ответ на проведение оккупационной администрацией политики отделения синтоизма, рассматривавше-

гося как движущая сила милитаризма, от государства, которая выразилась в закрытии управлений государственного синтоизма, лишении синтоистских лидеров официальных должностей, запрете на публичное поклонение императору как божеству. Будучи, однако, народной религией, синто пользовался защитой директивы Д. Макартура от 4 октября 1945 г., декларирующей свободу вероисповедания как одного из основных прав гражданина [Glossary, web]. Ассоциация была основана в феврале 1946 г. в качестве частной религиозной организации посредством слияния трех связанных со святилищами учреждений — *Котэн ко-кюсё*, *Дайнихон дзингикай* и *Дзингу хосайкай* [Jinja Honchō, web]. Новый статус позволил войти в состав организации высокопоставленным синтоистским лидерам, ранее подвергшимся преследованию за связь с милитаристами, в числе которых были и основатели Ассоциации Ёсида Сигэру¹ и Миядзи Наокадзу [Seraphim 2006, p. 43].

По соглашению с представителями оккупационных сил Ассоциация должна была стать негосударственным учреждением, нацеленным на развитие сотрудничества между синтоистскими храмами и общинами. Постепенно, однако, организация сосредотачивала деятельность на стремлении вернуть синто его довоенное место в качестве столпа общественной жизни. Ассоциация отстаивала «исконную» миссию синтоизма по воспитанию уникального «духа» японского народа, обеспечивающего национальное единство через ритуалы (сама вера заявлялась как личное дело человека) и необходимого для восстановления страны из руин, в противоположность «привнесенным извне» американским ценностям [Seraphim 2006, p. 48].

Дополнительную поддержку синтоистам оказало решение оккупационной администрации сохранить императорскую систему и освободить от ответственности императора. Хотя Хирохито пришлось издать Декларацию о человеческом происхождении (*нингэн-сэнгэн*)², император оставался центральной фигурой для синтоизма. Несмотря на тот факт, что Ассоциация негативно оценивала «неправомерное присвоение» синтоизма бюрократией для достижения милитаристских целей во время войны, ключевой идеей для нее в сфере исторической памяти стал принцип преемственности между довоенной и послевоенной Японией, в центре которой находился духовный союз императора и японского народа [Teeuwen 1996, p. 186].

Необходимо отметить, что изначально организация старательно избегала прямой критики Токийского процесса. При освещении финального вердикта трибунала основной печатный орган Ассоциации газета *Дзиндзя синпо*: ограничилась перепечатками заметок других газет и следующей характеристикой принятия вердикта японцами: «тихая покорность перед абстрактной силой закона» [Seraphim 2006, p. 51]. В целом номера данной газеты отличались серьезной самоцензурой, в особенности в годы оккупации. Хотя Ассоциация включала ряд крайне правых членов, в том числе Иноуэ Такамаро и Асидзу Удзухико, имевших

¹ Не имеет отношения к полному тезке — премьер-министру Японии Ёсида Сигэру.

² Divinity of the Emperor // BBC. URL: https://www.bbc.co.uk/religion/religions/shinto/history/emperor_1.shtml (дата обращения: 16.05.2025).

откровенно ревизионистские позиции, их взгляды не находили отражения в официальной печати организации, распространяясь через подпольные тиражи для внутреннего пользования. Самоцензура продолжилась и после окончания оккупации как часть сделки с правительством, опасавшимся негативной огласки как внутри страны, так и в Вашингтоне, в обмен на неформальную государственную поддержку [Seraphim 2006, p. 52—53].

Тем не менее, поскольку оккупационные реформы ограничили центральный статус синтоизма, фактически Ассоциация выступала за их ревизию. Так, организация использовала широкие связи своих лидеров в японском истеблишменте, сохранившееся с военных времен, чтобы отстаивать необходимость восстановления довоенных синтоистских праздников, в первую очередь, Дня основания империи (*Кигэнсэцу*). Наиболее эффективными же в этот период оказались лоббистские усилия, направленные на придание официального статуса ритуалам поминовения погибших на войне, в том числе в храме Ясукуни, не входившего, однако, в структуру организации. В 1951 г. Ассоциация добилась разрешения официальным лицам префектур посещать церемонии поминовения. Также была формально прописана процедура зачисления имен в храмовые списки (канонизация) на ежегодных осенних и весенних фестивалях, включавшая подношение «цветов и благовоний». В 1952 г. не в последнюю очередь стараниями Ассоциации состоялся первый с конца войны визит императора в храм Ясукуни [Creemers 1968, p. 83—84].

Организация также отстаивала необходимость конституционной реформы: она выражала недовольство ограниченным статусом императора, отсутствием упоминания синто, 9-й статьей. Однако корневым объектом критики стал весь феномен оккупационной политики, так как последняя привела к навязыванию извне решений, «чуждых японскому духу», и потере «духовной независимости» [Seraphim 2006, p. 51, 57]. Консервативные позиции выражались также в вопросах оценки прошедшей войны: Ассоциация утверждала, что хотя японская политика «привела к страданиям» азиатских народов, она проводилась с благами намерениями [Seraphim 2006, p. 59]. Наихудшим же последствием войны она считала даже не столько само поражение, сколько духовное наследие оккупации.

История учреждения Ассоциации семей погибших на войне перекликается с историей создания *Дзиндзя хонтё*. В довоенное и в особенности военное время семьи японских солдат, погибших на войне (*идзоку*), составляли привилегированную группу. Помимо выплаты значительной официальной пенсии, которая нередко становилась основным источником дохода для семей, они пользовались высоким статусом в рамках государственной идеологии, выражавшейся среди прочего в процедуре возведения «духов павших солдат в ранг божеств» в храме Ясукуни и его ответвлениях (*гококу дзиндзя*) [Dian 2017, p. 42]. После окончания войны решения оккупационных властей существенно подорвали положение этой группы: 1 февраля 1946 г. правительство отменило пенсионное обеспечение семей погибших солдат, а в рамках директивы от 15 декабря 1945 г. было упразднено государственное ведомство, которое организовывало публичные синтоистские церемонии, посвященные погибшим героям войны [Tanaka 1995, p. 83—84]. Храм Ясукуни, как и другие государственные храмы *гококу дзиндзя*, был изъят

из-под государственной юрисдикции, образовав частную религиозную организацию. Поскольку поступление информации о погибших солдатах, направлявшейся ранее соответствующими ведомствами, прекратилось, церемонии были приостановлены.

Решение об отмене пенсионного обеспечения привело к самоорганизации семей погибших солдат, в основном на местном уровне, для взаимопомощи и лоббирования государственных мер социальной поддержки. Самоорганизация шла по двум конкурирующим направлениям: ассоциации ветеранов и семей *идзоку*, деятельность которых направлялась потерявшими сыновей отцами, и группы солдатских вдов, нередко формировавшиеся в рамках женского движения. Хотя позиции вдов отличались в зависимости от статуса их мужей и обстоятельств их отправки на фронт, они часто отстаивали представление о погибших как о невинных жертвах войны, отличное от того, что продвигалось группами *идзоку*, которые проповедовали идею героизации гибели на войне [Kitagawa 2000, p. 144—147]. В ответ на рост самоорганизации конкурирующих движений в ноябре 1947 г. усилиями главы храма Ясукуни Отани Фудзиносукэ была основана Японская лига за благосостояние семей погибших на войне (далее Лига), нацеленная на «восстановление чести» и «прославление погибших героев войны» и их родственников [Tanaka 1995, p. 41—45]. Первым председателем был избран бывший член палаты пэров и глава группы семей *идзоку* из Фукуоки Нагасима Гиндзо.

Одновременно из соображений расширения поддержки, а также под давлением штаба оккупационных сил группы *идзоку* и Лига стали активно привлекать в свои ряды солдатских вдов, создавая специальные «женские отделения» (*фудзинбу*) [Kitagawa 2000, p. 182—183]. В обмен на поддержку со стороны последних, Лига, имевшая широкие связи в политической элите, взяла на себя заботы по лоббированию мер социального обеспечения. Вскоре забота о женах погибших военных и их детях стали важной частью деятельности организации. Лоббистские усилия под флагом их «особых нужд» оказались крайне эффективными, а ранее независимые группы солдатских вдов были успешно инкорпорированы в *идзоку* [Kitagawa 2000, p. 182—183].

Крайне быстро Лига превратилась во влиятельную группу давления. Хотя оккупационная администрация поставила условием функционирования организации запрет на занятие ее членами официальных должностей, вскоре этот запрет был преодолен: в 1950 г. Нагасима одержал уверенную победу на парламентских выборах. С этого момента организация постоянно имела представительство в парламенте, смогла наладить тесные отношения с рядом высокопоставленных функционеров правящей ЛДП, которым обеспечивала стабильные голоса на выборах, а также чиновниками из министерства здравоохранения и социального обеспечения [Tanaka 1995, p. 194—204].

На начальных этапах организация сконцентрировала усилия на лоббировании возобновления пенсионных выплат для ветеранов и семей погибших солдат, поддержке мер по обеспечению постоянного трудоустройства для вдов и получению образования их детьми. Важнейшим достижением стало принятие в апреле 1952 г. Закона о поддержке солдат, получивших ранения, и семей погибших на войне, предусматривающего единоразовую компенсацию, а также ежегодные

выплаты. Его продвижение сопровождалось широким комплексом мер, проводившихся Лигой — от политического лоббирования в парламенте до общественных кампаний и протестов перед резиденцией премьер-министра [Nihon izokukai 1962, p. 135]. В 1953 г. был принят Закон о военных пенсиях, восстанавливавший содержание ветеранов и семей погибших солдат. В 1955 г. действие данного закона было распространено на семьи лиц, осужденных военными трибуналами; среди прочего данный фактор стал основанием для занесения их имен в храмовые списки Ясукуни. В целом усилиями Лиги, а позднее — ее приемника, организации *Идзокукай*, до конца XX в. законы 1952 и 1953 г. неоднократно расширялись и пересматривались [Seraphim 2006, p. 79].

В 1953 г. Лига была переучреждена в качестве фонда со статусом юридического лица (*дзайдан ходзин*) и получила наименование Японской ассоциации семей погибших на войне. Ключевой целью организации, помимо поддержки благосостояния семей *идзоку*, теперь открыто декларировалось «прославление духов погибших героев войны» (*эйрэй но кэнсё*), под которым подразумевалось «причисление к сонму божеств, покоящихся в храме Ясукуни, и осуществление в нем государственных мемориальных служб» [Tanaka 1995, p. 63—64]. Инкорпорирование групп солдатских вдов в Лигу логически привело к консенсусу о необходимости восстановления героического образа ушедших военных. Организация, таким образом, стала все активнее требовать восстановления государственного культа погибших солдат и запустила кампании за возвращение храма Ясукуни под управление государства.

Данное направление деятельности подразумевало особенную интерпретацию событий войны, на продвижении которой сосредоточилась *Идзокукай*. В рассматриваемый период организация, аналогично Ассоциации синтоистских храмов, избегала прямой критики Токийского трибунала, не стремилась опровергнуть факты совершения военных преступлений или интерпретацию прошедшей войны как агрессии. Тем не менее, обе организации предлагали прославлять патриотизм японских военных, которые в «тяжелых условиях жертвовали собой ради мира и безопасности своей родины», и утверждали, что в основе патриотического чувства японцев должна быть «благодарность их героизму» [Seraphim 2006, p. 83]. Данная интерпретация выносила вопросы ответственности за войну и преступления «за скобки»: в публикациях «Нихон Идзоку Цу:син», главного печатного органа *Идзокукай*, отмечалось, что ответственность за поддержку политиков, втянувших Японию в войну, бывшие военные и их семьи несут не в большей степени, чем остальные японцы [Seraphim 2006, p. 77]. В то же время абстрактное участие в военных действиях от имени нации рассматривалось как нечто достойное восхваления. Однако в силу определенной искусственности такого разделения постепенно открывалась дорога для переоценки в будущем в позитивном ключе и самих военных действий.

Таким образом, в первый рассматриваемый период Ассоциация синтоистских храмов и Японская ассоциация семей погибших на войне, с одной стороны, воздерживались от прямой критики Токийского трибунала, с другой — выстраивали политику памяти, косвенно отрицающую важные постулаты общественного порядка, установленного Токийским процессом и реформами оккупационного

периода, которые воспринимались в общественном сознании японцев как нечто неотделимое от трибунала. Данная политика памяти, в свою очередь, была во многом основана на определенных «специальных интересах», которые имели как материальное измерение, выражаясь в усилиях по восстановлению государственного финансирования, так и духовное — стремление повысить собственный общественный статус.

Политика памяти с 1960 по 1985 г.:

борьба за межпоколенческий транзит памяти и культ *эйрэй*

Данный период характеризуется серьезными изменениями в японской политике памяти. Японская ассоциация семей погибших на войне и Ассоциация синтоистских храмов столкнулись в серьезными вызовами, которые имели демографическую природу. К концу 1950-х гг. в активную общественную жизнь вступило поколение, заставшее войну в детском возрасте и не имевшее о ней устойчивых воспоминаний. Если ранее активные члены организаций были объединены так называемой коммуникативной памятью — общей поколенческой памятью о своем положении в военное и довоенное время, определявшей устойчивый набор коммеморативных символов [Ассман 2004, с. 51] (таких, как культ погибших героев войны в храме Ясукуни или император как духовная основа нации), то теперь с особой остротой встал вопрос о транзите памяти.

Наиболее показательным примером в связи с этим была ситуация в *Идзокукай*. Кризис в организации возник на фоне развернувшейся в обществе борьбы вокруг подписания договора по безопасности с США 1960 г., спровоцировавшего масштабные протесты. Хотя сама ассоциация не спешила занимать позицию по вопросу о договоре, протестные настроения затронули ее молодежное крыло, состоявшее из солдатских сирот. Молодежь стремилась независимо переосмыслить понятия «патриотизма» и «мира». В 1959 г. больше сотни активистов собрались на конвент, итогом которого стало открытое письмо вице-председателю ассоциации Аидзава Хироси. В нем молодые люди заявляли, что целью их группы должен быть мир, в связи с чем необходимо переформулировать понятие патриотизма, так как «современный патриотизм — это не патриотизм “Великой японской империи”» [Seraphim 2006, p. 180].

Данные тенденции привели руководство *Идзокукай* к пониманию необходимости тщательнее артикулировать идеолого-историческое основание организации — культ погибших героев войны, — и принимать меры к его утверждению. Важным направлением деятельности созданной в 1960 г. Молодежной секции организации стал поиск останков погибших солдат на Окинаве и проведение коммеморативных мероприятий для создания эмоциональной связи между нынешним поколением и поколением павших воинов. Активную роль в выстраивании идеологии *Идзокукай* сыграл Кая Окинори, председатель организации в 1962—1977 гг. В 1962 г. организацией в просветительских целях была выпущена пятнадцатилетняя история *Идзокукай* и сборник личных воспоминаний ее членов о военном и послевоенном времени под заголовком «Фундамент» (*исидзуэ*).

Лейтмотивом последнего была нерушимая связь между погибшими на войне, их семьями и их потомками, которых объединяли узы самопожертвования и благодарности за эту жертву. Акценты делались на описании «трудностей, выпавших на долю семей», их «верности стране и погибшим героям войны», а также их «социальному и эмоциональному возрождению» [Nihon izokukai 1963]. Руководство организации также официально определило «патриотизм» как индивидуальное самопожертвование ради безопасности и мира в стране, сопровождающееся ответной благодарностью народа, выраженной в «этике почитания погибших героев войны» через ритуалы [Nihon izokukai 1962, p. 207—209].

Другой важной характеристикой рассматриваемого периода стал общий рост национальной гордости японцев, связанный с экономическими успехами страны. Важный символический рубеж ознаменовала летняя Олимпиада в Токио 1964 г. Демонстрируя достижения страны, она была призвана подвести черту под периодом послевоенных трудностей [Igarashi 2000, p. 145]. Исследователи относят к этому периоду рост правых настроений в интеллектуальной среде, примером чего служат работы Хаяси Фусао, ставшие частью разразившихся дебатов о национальной и исторической идентичности [Barshay 1998, p. 329—337]. Значимую роль в дискуссии сыграло государство: в официальном дискурсе реставрация Мэйдзи, открывшая стране путь к модернизации, все больше представлялась как ключевое событие японской истории. Политику государства активно поддерживала Ассоциация синтоистских храмов, пропагандировавшая идею общественной значимости императорских институтов и ритуалов и отстаивавшая их историческую преемственность. Значимым событием стало восстановление в 1967 г. праздника *кигэнсэцу* в качестве Дня основания государства (*кэнкоку кинэн но хи*). В следующем году правительство профинансировало пышные празднования по случаю столетия реставрации Мэйдзи, одну из центральных ролей в которых сыграли синтоистские ритуалы.

Важной чертой политики памяти данного периода стала активная координация действий между влиятельными консервативными группами, в первую очередь Ассоциацией синтоистских храмов и *Идзокукай*, в поддержку требования передачи храма Ясукуни под управление государства. Данная мера была призвана вернуть храму статус символа и официального места коммеморации погибших военных, упраздненный оккупационной администрацией, а также обеспечить ему государственное финансирование. Объединение усилий было обусловлено совпадением интересов организаций: для синтоистов храм Ясукуни ассоциировался с ритуалом, важнейшим для довоенной и военной эпохи и олицетворявшем историческую преемственность, а для *Идзокукай* он был прямым выражением культа погибших героев войны.

Одним из активных проводников данной кампании стал упомянутый председатель Ассоциации *идзоку* Кая Окинори. Под его патронажем в июне 1969 г. в парламент был внесен «законопроект о храме Ясукуни», который был объектом лоббирования еще с 1956 г. Законопроект определял назначение храма как место «проведения ритуалов и церемоний» «в знак почтения душ погибших на войне», отмечая «нерелигиозный характер» святилища (последнее положение было попыткой вписать закон в конституционные рамки) [Hardacre 1989, p. 146]. Проект

предполагал восстановление государственного финансирования, а также публичное участие официальных лиц, императора и военных в коммеморативных ритуалах [Powles 1976, p. 491]. Инициатива вызвала, однако, широкие протесты со стороны левых, христианских и ряда буддистских организаций, которые увидели в ней попытку восстановить государственный синтоизм. Оппозиция собрала более 3 млн подписей против законопроекта. В результате с 1969 по 1974 г. пять попыток принять его закончились неудачей [Hardacre 1989, p. 147]. Тем не менее, инициатива послужила основой для формирования альянса правых групп вокруг культа «духов героев» (*эйрэй*). Так, в 1976 г. была основана Ассоциация памяти о героях войны (*Эйрэй ни котазэру кай*), в состав которой, помимо Ассоциации синтоистских храмов и *Идзокукай*, вошли ряд синтоистских и буддистских организаций, ряд ассоциаций ветеранов, а также образовательные группы. Ее целью была мобилизация и манифестация общественной поддержки культа героев войны в масштабах всей страны.

Кроме того, взамен инициативы по государственному управлению Ясукуни к середине 1970-х гг. Ассоциацией синтоистских храмов и *Идзокукай* было выработано негласное соглашение с ЛДП, согласно которому по случаю 15 августа премьер-министры должны посещать храм Ясукуни — до этого визиты первых лиц приходились на весенние и осенние церемонии. Более того в результате соглашения между служителями Ясукуни, *Идзокукай* и Министерством здравоохранения и социального обеспечения на осенней церемонии 1978 г. в тайном порядке были канонизированы 14 лиц, признанных Токийским трибуналом военными преступниками класса «А» [Seraphim 2006, p. 244—245]. Хотя само по себе включение военных преступников класса «А» в храмовые списки Ясукуни не означало официального отрицания итогов Токийского трибунала, оно стало важным шагом на пути к открытому отрицанию итогов процесса консервативными группами. Так, в редакторской колонке *Дзиндзя симпо*: по этому поводу отмечалось, что отказ от канонизации осужденных означал бы «согласие с односторонним вердиктом Токийского трибунала, вынесенного руками иностранцев» [Seraphim 2006].

В этот же период наблюдается рост популярности среди консерваторов фигуры Радхабинода Пала, судьи Токийского трибунала от Индии, который выступил на Токийском трибунале против признания подсудимых виновными, согласившись с большинством аргументов стороны защиты, а также поставил под сомнение легитимность самого трибунала по причине ретроспективного применения категорий «преступлений против мира» и «преступлений против человечности» для обвинения военных преступников. Более того, Пал в некотором роде оправдал военную экспансию Японии в Китай, отметив, что в тот период последний представлял собой государство, «безнадежно погрязшее в анархии» [Nakazato 2016, p. 41].

В 1964 г. Кая Окинори, занимавший параллельно должности председателя *Идзокукай* и министра юстиции в кабинете Икэда Хаято, а ранее признанный Токийским трибуналом преступником класса «А», но освобожденный после окончания оккупации, издал постановление о создании рабочей группы, призванной оценить соответствие Устава МВТДВ нормам международного права,

а также квалификацию его судей. Он также предложил привлечь адвоката Х. Тодзё на процессе Киёсэ Итиро для формирования состава группы и выработки методов исследования [Nakazato 2016, p. 138]. Одним из результатов работы группы, проводившейся до 1974 г., стала публикация документа под названием «Совместное исследование судебного решения Р. Пала». В документе высоко оценивалось особое мнение индийского судьи и содержалась острая критика трибунала. Вступительное эссе профессора Киотского университета Таока Рёити начиналось с тезиса о том, что особое мнение Пала представляет собой «“книгу истины”, которая навсегда останется в истории человечества» [Tōkyō saiban kenkyūkai 1984, vol. 1, p. 3]. В тот же период, в 1966 г., состоялся визит самого Р. Пала в Японию, организованный Киёсэ Итиро и Киси Нобусукэ и поддержанный правыми группировками. Прием оказался исключительно радушным и был насыщен многочисленными мероприятиями. В рамках визита гость провел серию публичных выступлений, встретился с семьями военных преступников и рядом консервативных политиков, в том числе Кая Окинори. Также Р. Пал был удостоен государственного Ордена священного сокровища I степени [Nakazato 2016, p. 144—146].

Таким образом, в период с 1960 по 1985 г. наблюдался качественный сдвиг в сторону открытого неприятия японскими правыми группами Токийского трибунала. С одной стороны, критика трибунала не пользовалась большой общественной поддержкой в силу поколенческого разрыва, вынудившего лидеров правых организаций более тщательно и активно артикулировать исторические нарративы и символы, с другой — в пользу этого работал рост национальной гордости японцев на фоне экономических успехов страны. Наконец, данный процесс происходил на фоне распространения культа *эйрэй* — погибших героев войны, который был ритуализирован в храме Ясукуни.

Культ *эйрэй*, который имел большое идеологическое значение для правых сил — как для *идзоку*, так и для синтоистов, стал основой для их идейно-политической консолидации. Во многом именно культ Ясукуни стал основным носителем исторических нарративов, направленных на подрыв легитимности Токийского трибунала. Важно отметить, что данные нарративы представляли не в «текстовой», а в перформативной форме [Nelson 2003]. Проявляясь как ритуальная практика, культ *эйрэй* в первые послевоенные десятилетия стал носителем исторических представлений, противоречащих Токийскому процессу и оккупационным реформам, притом что группы, поддерживающие этот культ, могли не критиковать трибунал напрямую. Кульминации данный процесс достиг с внесением в храмовые списки Ясукуни военных преступников класса «А». Одновременно МВТДВ стал подвергаться все более открытой критике.

Символической точкой, завершающий период, стал 1985 г., ознаменовавшийся выходом проблемы Ясукуни на международный уровень, когда официальный визит в храм Я. Накасонэ 15 августа привел не только к внутренним протестам, но и к дипломатическому скандалу. Незадолго до этого на форуме ЛДП в Каруидзава 27 июля Накасонэ подверг критике Токийский трибунал, который, по его мнению, «распространил самоуничижительное убеждение, что во всем виновата Япония» [He 2009, p. 209].

Политика памяти с 1985 г. по настоящее время: открытые ревизионистские позиции правых групп

В конце 1980-х и особенно в 1990-е гг. на авансцену политики памяти в Японии вышла открытая критика Токийского трибунала. Одновременно на данный период пришелся резкий рост поляризации между консерваторами и прогрессистскими силами, вступавшими с требованиями о том, чтобы Япония переняла «немецкую модель покаяния» за военные преступления. Смерть императора в 1989 г. послужила одним из спусковых крючков острых публичных споров. Похороны Хирохито и интронизация нового императора Акихито стали для консерваторов, и в первую очередь для Ассоциации синтоистских храмов, уникальной возможностью утвердить свою корневую идею — о преемственности с довоенным временем, об основополагающем положении императорской системы для японской государственности и о возрождении государственных синтоистских ритуалов. Члены ассоциации с особой пышностью воспроизводили церемонии в соответствии с нормативами эпохи Мэйдзи, призванные подтвердить актуальность вековых традиций, и утверждали, что «всеобщая скорбь» по императору демонстрирует единство японского народа и роль синто как его культурной основы [Dian 2017, p. 83]. Японцы, однако, были далеки от единства: смерть Хирохито сломала «хризантемовое табу» — негласный запрет на обсуждение ответственности покойного императора за военные преступления. Многие прогрессистские организации и интеллектуалы стали рассматривать его фигуру не только как анахронизм, но и как источник «японского фашизма» [Dian 2017, p. 84].

Одновременно произошел поворот в официальной исторической политике Токио. Давление западных стран¹, международных² и транснациональных общественных³ организаций, а также экономические интересы сотрудничества с Китаем и Южной Кореей, обусловили попытки сначала умеренных консерваторов из ЛДП, а затем коалиционных кабинетов внести коррективы в официальную риторику. В течение нескольких лет Токио неоднократно приносил извинения — от лица как императора Акихито, так и ряда премьер-министров. Можно отметить заявление Ё. Коно 1993 г., который признал участие японских военных властей в насильственной мобилизации «женщин для утешения» для нужд японской императорской армии⁴, а также заявление премьер-министра от СПЯ Т. Мураяма 15 августа 1995 г., выразившего глубокое раскаяние за колониальное правление и агрессию⁵.

¹ К примеру, критика со стороны Конгресса США: H.Res.121 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bills/110th-congress/house-resolution/121/text> (дата обращения: 10.05.2024).

² Критика со стороны Комитета ООН по правам человека: 1996 UN Human Rights Report by Special Rapporteur Radhika Coomaraswamy // University of Minnesota. Human Rights Library. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/commission/country52/53-add1.htm> (дата обращения: 16.05.2025).

³ В первую очередь, женских правозащитных организаций: The Korean Council, Violence Against Women in War-Network Japan.

⁴ Statement by the Chief Cabinet Secretary. August 4, 1993. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page25e_000343.html (дата обращения: 16.05.2025).

⁵ Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama. August 15, 1995. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (дата обращения: 16.05.2025).

Правые силы отреагировали на данную тенденцию острой критикой. Вслед за заявлением 1993 г. премьер-министра М. Хосокава, характеризовавшим японскую политику на материке как «агрессию», *Идзокукай* приняла резолюцию о том, что война являлась «самообороной для защиты жизни и благосостояния государства и народа», а Ассоциация памяти о героях войны организовала кампанию протеста с аналогичными заявлениями в «*Санкэй симбун*» [Tanaka 1995, p. 79]. В 1994 г. в ответ на предложенный кабинетом Мураяма проект парламентской резолюции к предстоящей годовщине окончания войны, подтверждавшей «стремление к миру на основе уроков истории», *Идзокукай*, Ассоциация синтоистских храмов и ряд других организаций развернули ожесточенную кампанию, направленную против какого-либо выражения извинений, «односторонне обвиняющих» Японию, так как они оскверняют честь павших героев войны и подрывают национальную гордость молодежи [Mukaе 1996, p. 1020]. К кампании были привлечены представители бизнес-кругов и часть парламентариев ЛДП. Член нижней палаты парламента от ЛДП и официальный представитель кампании Окуно Сэйсукэ, помимо всего прочего, утверждал, что война была способом защитить себя и освободить Азию от западного колониализма [Mukaе 1996, p. 1015]. Принятая в итоге парламентская резолюция была существенно смягчена и содержала крайне сдержанные формулировки.

В целом либеральный поворот 1989—1995 гг. обусловил новую консолидацию правоконсервативных сил — на этот раз вокруг идей, уже открыто направленных против трактовки войны, зафиксированной Токийским процессом. Одновременно во второй половине 1990-х гг. начали активно появляться новые влиятельные консервативные группы, более дерзко отстаивающие ревизионистские нарративы.

Одной из таких организаций стало Общество создания нового учебника истории (*Атарасий рэкиси кё:касё о цукурукай*, далее *Цукурукай*), основанное в 1996 г. консервативными учеными и активистами во главе с Фудзиока Нобукацу и Нисино Кандзи. Его целью стала борьба с т. н. мазохистским видением истории, или «взглядом на историю с позиции Токийского трибунала», а также создание в данной связи нового учебника истории [Nakazato 2016, p. 165]. В своей первой программной публикации авторы критиковали существующее историческое образование, которое уделяет слишком много внимания прошедшей войне и рассматривает ее с позиций обвинения, представленного Токийским трибуналом [Saaler 2005, p. 41].

К 2000 г. *Цукурукай* был подготовлен «Новый учебник истории» (Атарасий рэкиси кё:касё), отстаивающий альтернативный нарратив. Он представляет японцев как народ, поддерживающий с доисторических времен непрерывную культурную традицию, в центре которой стоит император; экспансию на материк в 1930-е — 1940-е гг. рассматривает как оборону против проникновения в Восточную Азию стран Запада; целью «Великой восточноазиатской войны» называет освобождение азиатских народов от белого колониализма. При этом политика японского колониализма, сопротивление оккупированных народов, а также совершенные японской армией военные преступления игнорируются [Saaler 2005, p. 52]. В части, посвященной Токийскому трибуналу, доминирует

описание рассмотренного выше особого мнения судьи Р. Пала и других аргументов, призванных доказать незаконность и проблемность процесса [Bukh 2007, p. 639]. Учебник был одобрен Министерством образования в 2001 г. После этого он начал использоваться в ряде государственных и частных школ и несколько раз переиздавался¹. К 2005 г. на данный учебник приходилось около 0,5 % всех учебников истории, используемых в школах Японии². К 2021 г. данный показатель составлял 1,1 %, а в 2025 г. опять снизился до 0,5 %. По данным на 2025 г. учебник был одобрен в 3 префектурах (Мияги, Сайтама и Ямагути) и 4 муниципалитетах для соответствующих школ³. Хотя в итоге он был принят лишь ограниченным количеством учебных организаций, деятельность *Цукурукай* вызвала большой общественный резонанс.

Цукурукай проявил себя в качестве влиятельной группы давления, имеющей связи с политическими кругами страны. Всего через несколько месяцев после основания ее численность достигала 7 тыс. человек, включая крупнейших бизнесменов, политиков, чиновников, профессоров и писателей. Так, в нее входил Матимура Нобутака, занимавший в разное время посты министра образования и иностранных дел. Помимо всего прочего, *Цукурукай* занимался производством исторических фильмов и манга, а также организовал параллельную группу, лоббировавшую принятие нового закона об образовании [Nakazato 2016, p. 165—166].

В этот же период активизируются усилия храма Ясукуни по делегитимизации Токийского трибунала. С этой целью активно используется образ Р. Пала. В кооперации с группой консервативных бизнесменов *До:дай кэйдзай конвакай* в 1997 г. на территории синтоистского храма *Гококу дзиндзя* в Киото, а в 2005 г. — и в самом святилище Ясукуни был установлен мемориал в честь индийского судьи, содержащий описание его заслуг и заключительную фразу его особого решения [Nakazato 2016, p. 172]. В 2002 г. на территории храма открылся обновленный музей Юсюкан, упраздненный еще при оккупации. Экспозиция музея отражает основные постулаты ревизионистского понимания довоенной истории Японии, включая такую интерпретацию войн, которые вела Япония, в соответствии с которой она вела самооборону и преследовала цель освобождения Азии от западного колониализма. В экспозиции содержится чествование воинов, отдавших жизнь в «справедливой войне» за «императора, нацию и свои семьи», и де-факто отрицаются совершенные императорской армией военные преступления [Saaler

¹ 「つくる会」の歩み [История Цукурукай] // 新しい歴史教科書をつくる会 [Общество создания нового учебника истории]. URL: <https://tsukurukai.com/aboutus/ayumi.html> (дата обращения: 06.06.2025).

² 「つくる会」教科書 採択率 0.5% [Уровень внедрения учебников «Цукурукай»: 0,5 %] // しんぶん赤旗 [Симбун Акахата]. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik4/2005-08-20/2005082014_01_2.html (дата обращения: 06.06.2025).

³ 今年度から育鵬社歴史教科採択した都道府県立学校は4県、公民教科書採択は2県のみ [С этого года учебники по истории «Икухося» приняты в четырех префектурах, а учебники по обществоведению — только в двух префектурах] // 日本共産党山口県議会議員藤本かずのり [Кадзунори Фудзимото, префектурное собрание Японской коммунистической партии в Ямагути]. URL: <https://ikki.wajcp.net/2025/05/04/071203#:~:text=%E4%BB%8A%E5%B9%B4%E5%BA%A6%E3%81%8B%E3%82%89%E4%B8%AD%E5%AD%A6%E6%A0%A1%E3%81%A7,%E4%BB%A5%E4%B8%8B%E3%81%AB%E3%81%AA%E3%82%8A%E3%81%BE%E3%81%97%E3%81%9F%E3%80%82> (дата обращения: 06.06.2025).

2005, р. 97—98]. В части экспозиции, посвященной Токийскому трибуналу, в основном экспонируются выдержки из особого мнения Р. Пала, а также из его речи, произнесенной во время визита 1952 г. в Японию, в которой он призывает отказаться от «ложного чувства вины». Также представлены экспонаты, связанные с казненными или совершившими самоубийство военными преступниками класса «А», и табличка, утверждающая, что Ясукуни рассматривает их как «мучеников» эпохи Сёва [Nakazato 2016, р. 177].

Еще одной влиятельной правой организацией, которая была основана в этот период стала Японская конференция (*Ниппон кайги*). Она была образована в 1997 г. в результате слияния Национальной конференции в защиту Японии (*Ниппон о мамору кокумин кайги*), состоявшей из правых интеллектуалов и бывших военных императорской армии, которые ранее выступали за принятие закона 1979 г. о японском летоисчислении, с Обществом защиты Японии (*Нихон о мамору кай*), включавшим правые религиозные организации. Важными фигурами в *Ниппон кайги* стали общественный активист Кабасима Юдзо, бизнесмен Цукамото Коити, юрист и бывший судья Верховного суда Японии Миёси Тору, политолог и общественный деятель Такубо Тадаэ. За относительно небольшой промежуток времени организация приобрела огромное влияние. К 2016 г. количество ее членов достигло 38 тыс. человек, среди которых было 280 парламентариев и 1700 членов местных собраний, а представительства имелись во всех префектурах [Hardacre 2021, р. 175]. В организацию входили или входят многие бывшие и действующие парламентарии и члены кабинета министров, в том числе премьеры С. Исиба, С. Абэ, Т. Асо, Ё. Суга и Ф. Кисида¹. Влияние организации осуществляется также через экспертизу, которую организация периодически проводит по поручению властей по специальным вопросам. Так, рабочая группа, назначенная правительством для обсуждения возможности отречения императора в 2016 г., на 37 % состояла из членов организации [Hardacre 2021, р. 185].

Ниппон кайги является примером организации так называемого нового гражданского активизма: она горизонтально организована и состоит из различных идеологических фракций, аффилированных с самыми разными организациями. По этой причине у *Ниппон кайги* отсутствует ярко выраженное центральное руководство, а также систематизированная идеология — она в основном работает совместно с «дружественными организациями» над конкретными вопросами широкой консервативной повестки [Ueda 2021, р. 128]. Так, имея налаженные связи с Ассоциацией синтоистских храмов, организация отстаивает центральное положение культа императора и синтоистских ритуалов для «традиционного японского духа», выступает за придание этим ритуалам государственного статуса, в том числе через их закрепление в конституции страны. Характерно пересечение членства двух организаций: так, Танака Цунэкиё являлся одновременно главой Ассоциации и вице-председателем *Ниппон кайги*. Такое сотрудничество позволяет Японской конференции получать финансирование от богатых святы-

¹ Abe's reshuffle promotes right-wingers // Korea Joongang Daily. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2994558> (дата обращения: 16.05.2025).

лиц и мобилизовывать людей через местные храмы для проведения массовых кампаний [Hardacre 2021, p. 177, 185].

Кроме того, *Nippon kaiji* в тесном сотрудничестве с Ассоциацией памяти о героях войны занимается лоббированием практики посещения храма Ясукуни высокопоставленными чиновниками и министрами. Близкие связи организация имеет и с самим храмом Ясукуни и *гококу дзиндзя*, организуя совместные мероприятия в память о погибших героях войны, публичные лекции и общественные кампании во время фестивалей и по случаю Дня окончания войны, который отмечается 15 августа [Hardacre 2021, p. 186]. *Nippon kaiji* также активно сотрудничает с *Цукурукай* по вопросу продвижения учебников истории, «воспитывающих патриотизм», а совместно с другой организацией правого толка она занимается лоббированием пересмотра Закона об образовании в духе Императорского рескрипта об образовании 1890 г. [Ueda 2021, p. 128; Hardacre 2021, p. 178]. Имеет место также пересечение участников организаций: так, видным членом *Nippon kaiji* является Такахаси Сиро, бывший вице-председатель *Цукурукай* [Hardacre 2021, p. 179]. По проблеме оценки Токийского процесса Японская конференция соответственно отстаивает ревизионистский нарратив, утверждая, что трибунал не был легитимен, что военные преступления, в том числе Нанкинская резня, либо сильно преувеличены, либо полностью сфабрикованы, а освобождение Азии от западного колониализма ставится в заслугу Японии [Chanlett-Avery et al. 2015, p. 7].

Однако главной целью, на которую *Nippon kaiji* направляет основные усилия, является проведение конституционной реформы. В 1993 г. (пересмотрен в 2001 г.) организация издала документ «Основы новой Конституции», включивший предложения вернуть статус императора как главы государства и конституционно закрепить перечень его ритуальных обязанностей, а также вместо 9-й статьи прописать создание «национальной армии» под командованием премьер-министра и добавить «защиту страны» в список обязанностей граждан¹. Не считая публичных заявлений и лекций, по данному вопросу организация совокупно выпустила более 20 книг, брошюр и DVD-дисков, а также собрала более 10 млн подписей в пользу пересмотра конституции [Hardacre 2021, p. 178, 185]. Характерной чертой японской политики памяти с 2010-х гг. является отход от первоочередного внимания к проблематике Токийского трибунала и концентрация усилий на конституционном вопросе. Особенное звучание данный вопрос получил на фоне дискуссий о принятой кабинетом Абэ в 2015 г. новой интерпретации запрета на обладание вооруженными силами, которая вызвала масштабные протесты, собравшие на улицах более 120 тыс. человек².

После 2000-х гг. наблюдается падение влияния *Идзокукай*, связанное со старением и уходом из жизни ее основы — вдов и детей погибших военных. В 2019 г. председатель *Идзокукай* Мидзуоти Тосиэй, вспоминая, что в 1980 г. организация

¹ 日本国議の「新憲法の大綱」について // Nippon Kaigi. URL: <https://www.nipponkaigi.org/opinion/archives/8502> (дата обращения: 25.08.2025).

² Huge protest in Tokyo rails against PM Abe's security bills // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN0QZ0C2/> (дата обращения: 16.05.2025).

смогла мобилизовать в пользу правящей партии на выборах 930 тыс. голосов, отмечал, что сейчас она может не собрать и 100 тыс. [Pletnia 2020, p. 11]. Одним из последних серьезных достижений организации стало открытие в 2001 г. музея *Сёвакан*, которого она с 1980-х гг. добивалась, рассматривая музей в качестве «Мемориального центра погибших героев войны». В конечном счете, однако, из экспозиции были исключены провокационные интерпретации войны, что свидетельствовало о падении влияния *Идокукай*. В итоге музей ограничился лишь демонстрацией предметов обихода 1935—1955 гг., призванных напомнить о материальных трудностях тех десятилетий. За такую осторожную позицию музей даже подвергся критике со стороны правых сил [Seraphim 2006, p. 301]. Ярким свидетельством утраты авторитета *Идокукай* стало и то, что организация не смогла пролоббировать возобновление визитов премьер-министра в храм Ясукуни, последний из которых состоялся в декабре 2013 г. В 2018 и 2019 гг. организация направляла С. Абэ приглашения посетить храм, однако они остались без ответа [Pletnia 2020, p. 11].

Таким образом, в период с 1985 г. в тех аспектах политики памяти, которые касаются темы Токийского процесса, произошли значимые трансформации. В конце 1980-х и в 1990-е гг. среди основных правоконсервативных групп распространяются нарративы, содержащие открытую критику трибунала. В ответ на либеральный поворот начала 1990-х гг. в 1995—2005 гг. происходит консолидация старых традиционалистских организаций — *Идокукай*, Ассоциации памяти о героях войны, Ассоциации синтоистских храмов и храма Ясукуни, — и одновременно появляются новые влиятельные структуры — *Цукурукай* и *Ниппон кайги*. Начинается активная борьба со «взглядом на историю с позиции Токийского трибунала» и предлагается альтернативный нарратив, включающий мнение судьи Р. Пала о нелегитимности суда, представление войны «самообороной» или «миссией по освобождению Азии», преуменьшение или отрицание военных преступлений.

Одновременно в 2010-е гг. происходит смещение фокуса усилий консерваторов: вопрос о Токийском трибунале отходит на второй план. С одной стороны, в силу старения своих членов *Идокукай* постепенно теряет политическое влияние. С другой стороны, для *Ниппон кайги* в рамках ревизионистской повестки вопрос о пересмотре конституции оказывается более приоритетным, чем вопрос оценки трибунала. Важно отметить, однако, что данный вопрос не уходит с повестки: как старыми, так и новыми правоконсервативными организациями все еще активно отстаивается представление о нелегитимности Токийского трибунала.

Заключение

Настоящее исследование позволяет проследить эволюцию роли и места Токийского трибунала в нарративах о прошлом, продвигаемых правоконсервативными негосударственными организациями Японии, а также влияние этого аспекта исторической памяти на общественно-политический дискурс страны. В период с 1945 по 1960 г. в деятельности Ассоциации синтоистских храмов и

Идзокукай, выступавших в качестве «групп давления», преобладали социальные интересы: возобновление пенсионного обеспечения и государственной поддержки ветеранов войны, возрождение культа погибших героев войны (*эйрэй*) и официальных синтоистских ритуалов. Влияние данных групп было основано на их массовости и политических связях. В их идеологии проявлялась «коммуникативная память» о войне, которая де-факто отрицала важные антивоенные постулаты оккупационных реформ и Токийского процесса, при том, однако, что прямой критики последних они старались избегать.

В течении следующего периода, продолжавшегося с 1960 по 1985 гг., в деятельности правых групп наблюдался постепенный переход к открытой критике Токийского трибунала. Важную роль в этом процессе сыграл культ погибших героев *эйрэй*, вокруг которого сплотились консервативные группы. Поскольку этот культ выражался через ритуалы, а не открытый текст, он позволил сохранить исторические нарративы, которые противоречили Токийскому процессу, не прибегая к прямой критике последнего. Важным мотивирующим фактором в деятельности указанных групп было осознание необходимости артикулировать исторический нарратив для передачи следующему поколению. Важно и то, что эта деятельность осуществлялась на фоне общего роста национальной гордости японцев, связанной с экономическими успехами и желанием поскорее «перевернуть страницу» истории периода послевоенного восстановления, в котором преобладало критическое отношение к собственному милитаристскому прошлому.

В конце 1980-х и в 1990-е гг. нарративы, направленные против трибунала, стали, наконец, открыто распространяться среди основных правых групп. Одновременно в ответ на происшедший в начале 1990-х гг. «либеральный поворот» в позиции официального Токио по отношению к милитаристскому прошлому и радикализацию позиций прогрессистов, старые и новые правые организации (среди которых выделялись *Цукурукай* и *Ниппон кайги*) консолидируются по вопросам борьбы со «взглядом на историю с позиции Токийского трибунала». К 2010-м гг. фокус усилий ревизионистов смещается на вопросы пересмотра конституции, в первую очередь, ее антивоенных статей. Хотя проблема оценки Токийского трибунала остается важной в консервативной повестке, в последние годы она постепенно утрачивает свою актуальность для правых организаций в силу старения членов некогда могущественной *Идзокукай*, а также смещения приоритетов в деятельности *Ниппон кайги*.

Библиографический список

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры. 2004.

Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор История. 2018.

References

Assman, Ya. (2004). Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).

Malinova, O. Yu. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [Memory Politics as an Area of Symbolic Politics]. In Miller, A.I., Efremenko, D.V. (eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying Memory Policy] (pp. 27—53). Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

* * *

Barshay, A. (1998). Postwar Social and Political Thought, 1945—90. In Wakabayashi, B.T. (ed.), *Modern Japanese Thought* (pp. 273—356). Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Bukh, A. (2007). Japan's History Textbooks Debate: National Identity in Narratives of Victimhood and Victimization. *Asian Survey*, 47 (5), 683—704.

Chanlett-Avery, E., Manyin, M., Rinehart, I., Nelson, R., Williams, B. (2015). CRS Report. Japan-U.S. Relations: Issues for Congress. September 29. *Congressional Research Service*. Retrieved May 16, 2025, from URL: <https://web.archive.org/web/20160304061604/http://fas.org:8080/sgp/crs/row/RL33436.pdf>

Creemers, W. (1968). *Shrine Shinto after World War II*. Leiden: E.J. Brill.

Dian, M. (2017). *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy*. Oxford: Elsevier.

Glossary. Birth of the Constitution. *National Diet Library*. Retrieved May 16, 2025, from URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/etc/glossary.html#:~:text=This%20was%20a%20directive%20issued,government%20had%20been%20systematically%20controlling>

Hardacre, H. (1989). *Shintō and the State, 1868—1988*. Princeton: Princeton University Press.

Hardacre, H. (2021). Nippon Kaigi Working for Constitutional Revision. In Hardacre, H., et al. (eds.), *Japanese Constitutional Revisionism and Civic Activism* (pp. 175—192). Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books.

He, Y. (2009). *The search for reconciliation: Sino-Japanese and German-polish relations since World War II*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Igarashi, Y. (2000). *Bodies of Memory: Narratives of War in Postwar Japanese Culture, 1945—1970*. Princeton: Princeton University Press.

Jinja Honchō // Encyclopedia of Shinto. Retrieved May 16, 2025, from URL: <https://web.archive.org/web/20210226043217/http://eos.kokugakuin.ac.jp/modules/xwords/entry.php?entryID=1106>

Kitagawa, K. (2000). *Sengo no shuppatsu: bunka undō seinendan sensō mibōjin* [Starting Postwar: Cultural Movements, Youth Groups, and War Widows]. Tokyo: Aoki Shoten. (In Japanese).

Mukae, R. (1996). Japan's Diet Resolution on World War Two: Keeping History at Bay. *Asian Survey*, 36 (10), 1011—1030.

Nakazato, N. (2016). *Neonationalist Mythology in Postwar Japan: Pal's Dissenting Judgment at the Tokyo War Crimes Tribunal*. New York and London: Lexington Books.

Nelson, J. (2003). Social Memory as Ritual Practice: Commemorating Spirits of the Military Dead at Yasukuni Shinto Shrine. *The Journal of Asian Studies*, 62 (2), 443—467.

Nihon Izokukai. (Ed.). (1962). *Nihon Izokukai Jūgonenshi*. Tokyo: Nihon Izokukai Jimukyoku. (In Japanese).

Nihon Izokukai. (Ed.). (1963). *Ishizue: Senbotsusha Izoku no Taiken Kiroku* [Cornerstone: A Record of the Experience of Families of the War-Dead]. Tokyo: Nihon Hōsō Kyōkai. (In Japanese).

Pempel, T. (1989). Prerequisites for Democracy: Political and Social Institutions. In Ishida and Krauss (eds.), *Democracy in Japan* (pp. 17—37).

Pletnia, M. (2020). Internal pressure — Japan War-Bereaved Families Association and Its Influence on Japanese Politics of Memory. *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies*, 20 (3), 1—16.

Powles, C. (1976). Yasukuni Jinja Hōan: Religion and Politics in Contemporary Japan. *Pacific Affairs*, 49 (3), 491—505.

Saaler, S. (2005). *Politics, Memory and Public Opinion: The History Textbook Controversy and Japanese Society*. Munchen: Iudicium Verlag.

Seraphim, F. (2006). *War Memory and Social Politics in Japan, 1945—2005*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Tanaka, N., et al. (1995). *Izoku to sengo* [War Bereaved Families and the Postwar]. Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Teeuwen, M. (1996). Jinja Honcho and Shrine Shinto policy. *Japan Forum*, 8 (2), 177—188.

Tōkyō saiban kenkyūkai [The Tokyo Trial Research Group]. (Eds.). (1984). *Kyōdō kenkyū: Paru hanketsusho* [Collaborative research: The Pal judgment], 2 vols. Tokyo: Kōdansha gakujutsu bunko. (In Japanese).

Ueda, M. (2021). New Civic Activism and Constitutional Discussion: Streets, Shrines and Cyberspace. In Hardacre, H., et al. (eds.), *Japanese Constitutional Revisionism and Civic Activism* (pp. 123—140). Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books.

Поступила в редакцию: 16.05.2025

Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 16 May 2025

Accepted: 21 July 2025

П.В. Кульнева

Нанкинская резня в произведениях китайских и японских художников: обида и осознание трагедии

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу памяти о Нанкинской резне, запечатленной в произведениях китайских и японских художников в послевоенный период. События в Нанкине, произошедшие после захвата города японской армией в декабре 1937 г., когда, по разным оценкам, в результате массовых убийств, жестоких пыток и изнасилований гражданского населения японскими солдатами погибло от 40 тыс. до 400 тыс. человек, до сих пор остаются предметом серьезных противоречий между Китаем и Японией. В то же время для каждой из стран в отдельности, по разным причинам, память о них остается тяжелой исторической травмой: для Китая — из-за обиды на страну-соседа, а для Японии — в силу вызванной поражением в войне потери лица и из-за не прекращающихся обвинений в военных преступлениях. Исследование эволюции восприятия памяти о событиях в Нанкине через призму искусства представляет большой интерес для понимания процесса осмысления этой страницы истории в рассматриваемых странах, может помочь оценить состояние проработки исторической травмы и выявить глубинные причины сохраняющегося конфликта. Статья разделена на две логических части. Первая посвящена идеологизации проблемы Нанкина в КНР в послевоенный период и анализу появившихся в этих условиях произведений китайских художников. Во второй части изложены результаты поиска художественных произведений, посвященных Нанкинской резне, созданных в послевоенной Японии, и сделаны выводы об отношении к трагедии японского художественного сообщества. В обеих частях автор придерживается комплексного подхода, исследуя социальные и политические условия появления тех или иных произведений, исторический фон и мотивацию авторов. Во второй части особое внимание уделено полемике, связанной с Нанкинской резней, которая, на примере сферы искусства, демонстрирует нам ситуацию в японском обществе в целом.

В заключении сделан вывод о важной примиряющей роли искусства, которое способно углублять взаимопонимание между народами и быть инструментом преодоления исторической травмы. Однако это возможно лишь при наличии научно обоснованного консенсуса по проблеме Нанкина и в отсутствие необоснованной политизации памяти об этом эпизоде войны.

Ключевые слова: японо-китайские отношения; японо-китайская война 1937—1945 гг.; историческая память в японо-китайских отношениях; нарративы «исторических обид»; память о Нанкинской резне; Нанкинская резня в искусстве.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, участник научного коллектива, проект «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии» МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76); научный сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0002-8699-5568. E-mail: kpoline@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кульнева П.В. Нанкинская резня в произведениях китайских и японских художников: обида и осознание трагедии // Японские исследования. 2025. № 3. С. 106—128. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-106-128.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109 «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии»).

P.V. Kulneva

The Nanjing Massacre in the works of Chinese and Japanese artists: Resentment and awareness of the tragedy

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the memory of the Nanjing Massacre as depicted in the works of Chinese and Japanese artists in the post-war period. The events in Nanjing, that took place after the capture of the city by the Japanese army in December 1937, when, according to different estimates, as a result of mass killings, torture, and rape of civilian population by Japanese soldiers, from 40,000 to 400,000 people died, still remain the subject of serious contentions between China and Japan. For each of the countries, this memory remains a severe historical trauma, with China feeling resentment towards its neighbor, and Japan experiencing a loss of face due to defeat in the war and continuing accusations of war crimes. Studying the evolution of how the memory of the Nanjing Massacre has been portrayed through art is crucial for understanding how the countries cope with this chapter in their history and identifying the causes of the ongoing conflict.

The first part of the article is dedicated to the ideologization of the Nanjing problem in the People's Republic of China and the analysis of the works of Chinese artists that were created in these conditions. The second part presents the works of art dedicated to the Nanjing Massacre created in post-war Japan and draws conclusions about the attitude of the Japanese artistic community towards the tragedy. The author adopts a comprehensive approach, examining the social and political conditions, the historical background, and the motivation of each artist. Special attention is paid to the controversy around the Nanjing Massacre in Japan, which, through the lens of art, reflects the situation in Japanese society as a whole.

The author concludes that art can play a crucial role in enhancing mutual understanding between people and can serve as a tool for overcoming historical trauma. This, however, is only possible with a scientifically backed consensus on the Nanjing issue and provided that the memory is not unjustifiably politicized.

Keywords: Japan-China relations, Second Sino-Japanese War, historical memory in Japan-China relations, narratives of “historical grievances”, memory of the Nanjing Massacre, Nanjing Massacre in art.

Author: Kulneva Polina V., Ph.D. (Economics), member of the research team of the project “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation); Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8699-5568.
E-mail: kpoline@list.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kulneva, P.V. (2025). Nankinskaya reznya v proizvedeniyakh kitaiskikh i yaponskikh khudozhnikov: obida i osoznanie tragedii [The Nanjing Massacre in the works of Chinese and Japanese artists: Resentment and awareness of the tragedy]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 106—128. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-106-128.

Acknowledgements. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant № 23-18-00109 “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”.

Введение

Среди тяжелейших эпизодов японо-китайской войны 1937—1945 гг. можно отметить Нанкинскую резню, продолжавшуюся на протяжении шести недель после захвата японскими войсками г. Нанкина в конце 1937 г. По разным оценкам в результате массовых убийств, жестоких пыток и изнасилований гражданского населения японскими солдатами в городе погибло от 40 тыс. до 400 тыс. человек¹. По прошествии достаточно длительного времени после окончания войны для жителей КНР события в Нанкине остаются предметом глубокой обиды на Японию, а для японцев — тяжелой исторической травмой, в первую очередь из-за непрекращающихся споров о масштабах нанкинской трагедии и обвинений в ней со стороны КНР и других стран, пострадавших от японской агрессии. Не случайно фактор памяти о войне, в частности о захвате Нанкина японской Императорской армией, выделяется в совместных японо-китайских опросах общественного мнения как одна из причин негативного отношения китайского и японского народов друг к другу². Это делает тему Нанкина интересным предметом анализа с точки зрения эволюции восприятия в послевоенный период, отраженной в различных медиа памяти (то есть носителях исторической информации).

Одной из сфер, где, как в зеркале, отражаются проблемы исторического прошлого стран и отношение к ним общества и государства, является искусство. По своей природе искусство — сложная сфера человеческой деятельности, которая, будучи тесно переплетенной с политикой, при определенных обстоятельствах может стать не только полем для выражения индивидуальных переживаний ху-

¹ Нижней границей в академической среде считается число 40 тыс. [Wakabayashi 2008, p. 384], в то время как в книге американской исследовательницы китайского происхождения Айрис Чан «Насилие в Нанкине: Забытый холокост времен Второй мировой войны» приводится цифра 350 тыс. [Chang 2011, pp. 110—115]. Согласно оценке китайского историка Сунь Чжайвэя, которую можно считать одной из максимальных, при включении в общее число погибших жителей города и его окрестностей получается цифра, превышающая 400 тыс.: 研究南京大屠杀新书证实遇难同胞人数达40万 [Новая книга с исследованием Нанкинской резни подтверждает, что погибло 400 тыс. граждан]. Sina, 19.07.2005. URL: <https://mil.news.sina.com.cn/2005-07-18/0828306710.html?from=wap> (дата обращения: 21.04.2025).

² См., например: 第15回日中共同世論調査 [15-й совместный японо-китайский опрос общественного мнения]. The Genron NPO, 2019. URL: <https://www.genron-npo.net/pdf/15th.pdf> (дата обращения: 21.04.2025). С. 18—19.

дожников, но и частью официального дискурса. Это ярко проявляется и в КНР и, как ни странно, в Японии, где болезненность памяти о Нанкинской резне определила политические и социальные рамки освещения этой темы.

В существующих научных исследованиях и других публикациях, связанных с событиями в Нанкине, приводятся изображения преимущественно документального характера, предназначенные для того, чтобы подтвердить или оспорить факт Нанкинской резни или дать ей более взвешенную оценку. Сопоставлений посвященных этой теме художественных произведений, появившихся в КНР и Японии после войны, еще не проводилось, и в данном исследовании мы обращаемся именно к творчеству китайских и японских художников, так как результаты этого творчества могут не только фиксировать определенные факты, но и в значительной степени отражать их восприятие и переосмысление.

Цель данного исследования — проиллюстрировать нарративы исторических обид, связанные с памятью о японо-китайской войне 1937—1945 гг. в КНР и Японии, в художественном контексте на примере одного из тяжелейших эпизодов этой войны — Нанкинской резни. Для этого будет произведен поиск ключевых работ китайских и японских художников, посвященных теме Нанкинской резни, будут проанализированы условия их создания и сделаны выводы о значении для каждой из сторон с точки зрения проработки этой темы. При сопоставлении ракурсов, с которых тема Нанкинской резни отражена в китайской и японской живописи в послевоенный период, автор будет придерживаться комплексного анализа, рассматривая развитие искусства в конкретных политических и социальных условиях. Среди других методов исследования можно отметить хронологический и компаративный. Последний позволит выявить суть конфликта, сохраняющегося между китайским и японским обществом по прошествии длительного времени после окончания войны, на примере художественного творчества как наглядной модели.

Идеологизация проблемы Нанкина и китайская живопись

Прежде чем рассмотреть место такой темы, как Нанкинская резня, в китайском изобразительном искусстве, необходимо отметить, что на протяжении истории КНР, как при Мао Цзэду, так и при последующих поколениях руководителей, искусство было в сильной степени идеологизировано и развивалось в русле господствовавших нарративов. В этом смысле оно было и остается не только и не столько средством выражения внутренних переживаний художников, сколько инструментом государственной политики (хотя первое, безусловно, имеет место там, где не идет вразрез с официальной повесткой).

События в Нанкине, с одной стороны, имеют государственное значение, с другой, являются болезненной страницей памяти для жителей КНР. Совпадение этих факторов, казалось бы, открывает перед художниками большие возможности для анализа и рефлексии. Однако в первые послевоенные десятилетия значимых художественных произведений, посвященных Нанкину, не появилось. Для тех, кто стал свидетелем трагических событий, память о них, по всей видимости,

была слишком болезненной, чтобы облекать ее в художественную форму. На государственном же уровне тема Нанкина не поднималась по идеологическим причинам.

В первые несколько послевоенных лет усилия коммунистов были сосредоточены на фронтах гражданской войны, которая подходила к своему завершению и вскоре окончилась триумфальной победой и основанием нового государства (1949). В условиях господства героического нарратива победы в освободительной борьбе против иностранных захватчиков и армии Чан Кайши тема недавней агрессии Японии не были приоритетной, более того, Мао Цзэдун упоминал о заслугах страны-соседа в «пробуждении» китайского народа и благоприятном исходе борьбы с Гоминьданом [Мао 1999, р. 201]. Сотрудничество с Японией было важным еще и ввиду необходимости выхода КНР из международной изоляции: именно Япония, находящаяся в орбите влияния США, могла стать для этого подходящей точкой опоры [Стрельцов 2016, с. 338—339]. В 1950-е, 1960-е и 1970-е гг., вплоть до нормализации отношений с Японией (1972) и активизации двустороннего сотрудничества, восприятие этой страны было, в целом, положительным, и отсутствие резкой критики японской агрессии не способствовало созданию атмосферы, где тема Нанкинской резни привлекла бы внимание художественных кругов, а ее изображение нашло бы соответствующий отклик у аудитории.

После смерти Мао Цзэдуна (1976) Китай столкнулся с новыми проблемами экономического и политического характера. Неудача «большого скачка», а затем Культурная революция вызвали тяжелый кризис легитимности власти, который потребовал смены идеологической парадигмы. С этого времени маоистский героический нарратив начал сменяться нарративом «виктимизации» (то есть представления Китая как жертвы агрессивных действий иностранных захватчиков), и усиление критики Японии стало одной из его главных составляющих¹. В 1982 г. КНР и Ю. Корея впервые выразили официальный протест в связи с содержанием японских учебников истории. Примерно в это же время начинает звучать критика в адрес официальных лиц Японии в связи с посещением ими синтоистского храма Ясукуни [Молодякова 2007, с. 62], где наряду с другими погибшими почитается память лиц, непосредственно участвовавших в массовых убийствах гражданского населения и осужденных международными трибуналами.

Определенные изменения претерпевает культурная политика. В 1980-е гг. китайские власти начинают подчеркивать важность музеев в создании «духовной цивилизации». В связи с нашим исследованием важно, что главной площадкой для демонстрации документальных материалов и произведений искусства, связанных с трагическими событиями в Нанкине, становится «Мемориальный ком-

¹ «Обида» на иностранных захватчиков берет начало с опиумных войн середины XIX в., когда западные страны фактически делили Китай на части, и особенно сильна в отношении Японии — территориально и культурно близкой к Китаю страны, которая впоследствии присоединилась к этой захватнической политике. Так называемое столетие унижения (кит. 百年國恥) заканчивается победой во Второй мировой войне. Считается, что, будучи силой, которая внесла наибольший вклад в эту победу, именно коммунистическая партия вернула Китаю его былое величие.

плекс памяти жертв Нанкинской резни, пострадавших от японских захватчиков», открытый в 1985 г. Помимо постоянной экспозиции, которая время от времени пополняется новыми материалами и экспонатами, там проводятся временные выставки китайских и зарубежных художников.

Антияпонская риторика, связанная с памятью о войне и нацеленная на усиление сплоченности вокруг КПК как силы, возродившей былое величие китайской нации, набирает обороты в 1990-е и 2000-е гг.: в 1990-е гг. — при Цзян Цзэмине, который запускает кампанию «патриотического воспитания»¹, а в 2000-е гг. — при Ху Цзиньтао и, в более выраженной форме, при Си Цзиньпине, который в 2013 г. формулирует стратегическую концепцию «китайской мечты» (кит. 中国梦)².

В 1980-е гг. тема Нанкина начинает привлекать все большее внимание, в том числе среди китайской творческой интеллигенции. По словам автора серии гравюр с изображением сцен Нанкинской резни Чэн Мян (род. в 1933, кит. 程勉), он начал изучать документальные тексты, фото и видеоизображения событий в Нанкине после того, как узнал в 1982 г. о правках, внесенных Министерством образования Японии в учебники истории. Информация об этих правках, как вспоминает художник, сопровождалась «огромными протестами внутри страны». Важным обстоятельством, заставившим его погрузиться в проблему Нанкина, стала также гибель отца от рук японских военных. Приступив к работе над эскизами, Чэн Мян ярко видел перед собой образы жертв Нанкинской резни: «куда бы я ни посмотрел, всюду были кровь, крики под дулами автоматов, плач матерей и младенцев, окровавленная река Циньхуай, груды трупов, сожжения и люди, которых хоронили заживо» — вспоминает художник³.

В 1986 г., после тщательного отбора, появляется серия из 14 гравюр Чэн Мян под названием «Всюду кровь» (кит. 血震). Серия включает виды города во время и после трагических событий, сцены преступлений, крупные планы жертв, изображенные крупными штрихами в тяжелой, черно-белой гамме. Будто из чувства презрения художник не изобразил ни одного солдата японской армии, сосредоточив внимание именно на жертвах, однако выбранные сюжеты полностью передают ощущение присутствия врага и ужас, охвативший жителей города. Мы видим

¹ Инициированная Цзян Цзэмином кампания «патриотического воспитания» (кит. 爱国主义教育) включала широкое использование в китайских школах утвержденной патриотической литературы, развитие патриотического кинематографа и распространение патриотических песен. Важной составляющей кампании было создание «пунктов патриотического воспитания» — национальных музеев и памятников, которые будут транслировать идею национального единства через знакомые каждому китайцу исторические сюжеты.

² В более широкой формулировке — «мечта о великом возрождении китайской нации» (кит. 中华民族伟大复兴). Концепция подразумевает постановку и реализацию комплекса экономических, политических, социокультурных, духовных целей, направленных на развитие государства и формирование чувства национального достоинства. В связи с темой нашего исследования важно отметить, что в 2014 г. День памяти жертв Нанкинской резни (13 декабря) был выведен на уровень национального траура, что говорит о возрастающем значении памяти о Нанкине.

³ 这组版画花了我30年时间, 但是出于艺术创作的需要 — 版画家程勉谈“南京大屠杀”木刻组画 [«На эту серию гравюр у меня ушло 30 лет, но она была необходима для искусства» — художник Чэн Мян рассказывает о серии гравюр «Нанкинская резня»]. Sina, 20.11.2020. URL: https://k.sina.cn/article_1653603955_v628ffe7302000zk85.html (дата обращения: 21.04.2025).

женщин со сложенными в молитве руками, связанных веревками мужчин в ожидании своей участи, сожжение трупов, мать, держащую на руках мертвого ребенка. Работы, изображающие последствия трагических событий, включают людей, скорбящих по погибшим, и свидетелей трагедии, держащихся за голову, будто они никак не могут освободиться от преследующих их образов и воспоминаний. Тем самым автор демонстрирует нам глубину причиненной травмы. Важной деталью является наличие двух работ, дающих надежду: гравюра, на которой сильный с виду, но изможденный мужчина пытается подняться с земли, и изображение еще одного мужчины с выжившим ребенком на руках. В 2011 г., после большого перерыва, была завершена самая крупная гравюра размером 120x250 см под названием «Кровь — 1937.12.13». Она заняла центральное место в общей композиции. Художником изображены трупы мужчин и женщин, разбросанные по набережной, как общий трагический итог.

Серия гравюр Чэн Мян была высоко оценена китайским и мировым художественным сообществом. В 2006 г. она была включена в коллекцию «Мемориального комплекса памяти жертв Нанкинской резни» в Нанкине, а позже копии работ дополнили также коллекции Художественного музея Цзянсу и Национального художественного музея КНР (только в этих двух музеях можно увидеть композицию, собранную из всех 15 гравюр) (иллюстрация 1). Уменьшенные копии

Иллюстрация 1. Чэн Мян. «Всюду кровь — серия гравюр, посвященных Нанкинской резне». 1984—2012. Полная композиция из 15 гравюр.

Источник: Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни. URL: https://www.19371213.com.cn/sylm/xwzx/202309/t20230919_4014285.html (дата обращения: 21.04.2025).

отдельных работ были также отправлены за рубеж (во Францию, Великобританию, Японию).

Следующим масштабным произведением, посвященным нанкинской трагедии, стала картина «Нанкинская резня» китайского художника Ли Цзыцзяня (1954—, кит. 李自建) (иллюстрация 2). Первый экземпляр холста увидел свет в 1991 г. Будучи этническим ханьцем и уроженцем провинции Хунань, Ли Цзыцзянь проживает в США, и картина была написана там. Художник уехал в Лос-Анджелес через несколько лет после окончания Гуанчжоуской академии изящных искусств и, благодаря сочетанию гуманистических ценностей, проходящих через все его творчество, с духом китайской культуры, в настоящее время пользуется одинаковым уважением и в США, и на родине как художник-реалист с неповторимым восточным стилем. Полотно «Нанкинская резня» было создано по просьбе покровителя Ли Цзыцзяня, известного монаха и филантропа Синъюня, отец которого пропал без вести в Нанкине в 1937 г. Гуманистический посыл картины должен был состоять в том, чтобы как можно больше людей узнали о трагедии и она никогда не повторилась. Как и Чэн Мян, Ли Цзыцзянь изучил большой массив документальных материалов — все, что можно было найти в США — и это произвело на него огромное впечатление. Чтобы представить себя на месте жертв, художник просил жену связать ему руки за спиной, слушал музы-

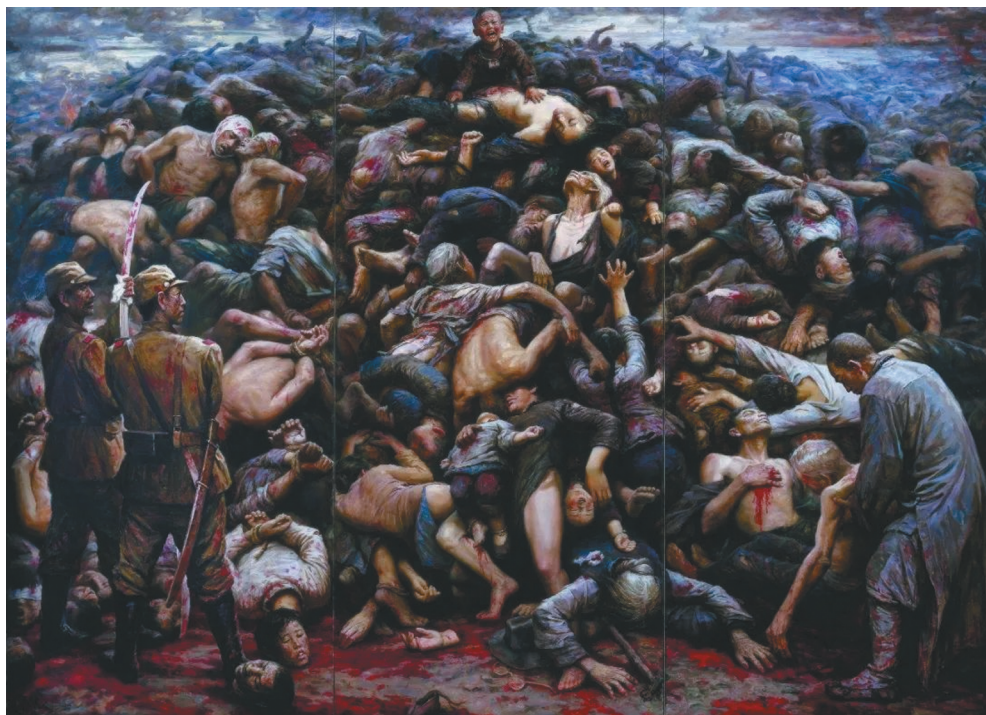

Иллюстрация 2. Ли Цзяцзянь. «Нанкинская резня». Холст, масло. 1991.

Источник: Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни. URL: https://www.19371213.com.cn/sylm/xwzx/202205/t20220506_3359682.html (дата обращения: 22.04.2025).

ку Бетховена и китайского музыканта Абина. В одном из интервью Ли Цзыцзянь признается, что на протяжении непрерывной работы, которая длилась более 80 дней и ночей, его не отпускало чувство глубокой скорби¹.

Большую часть полотна размером 213х290 см занимает изображение груди тел. Согласно замыслу художника, картина делится на три части: «резня» (кит. 屠), «жизнь» (кит. 生) и «Будда» (кит. 佛). «Резню» иллюстрирует изображение двух улыбающихся японских офицеров в нижнем левом углу картины, один из которых стирает кровь со своего меча. «Жизнь» представлена изображенным в верхней центральной части ребенком, плачущим на груди мертвой матери, а тему «Будды» раскрывает монах в правом нижнем углу, который вытаскивает мертвого старика из груди тел. Сверху на заднем плане виден дым, поднимающийся над городом и водами реки Янцзы.

После своего завершения полотно «Нанкинская резня» побывало в 30 странах (включая спорные территории), расположенных на шести континентах, с передвижной выставкой, посвященной темам любви и гуманизма, а затем вернулось в КНР, на историческую родину художника. В 2000 г. первый экземпляр картины взял в свою постоянную экспозицию «Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни». Имея в виду важность темы для китайского общества и государства, в 2000-е гг. Ли Цзыцзянь создает еще две копии полотна, каждая из которых превышает предшествующую работу по размеру. Второй экземпляр картины вошел в 2013 г. в экспозицию Национального художественного музея КНР, а третий, самый монументальный (445х315 см) был завершен к 2015 г. для включения в экспозицию персонального музея художника (открыт на его родине в провинции Хунань в 2016 г.).

Еще одна крупная серия работ была создана по заказу «Мемориального комплекса памяти жертв Нанкинской резни». Как сообщается на сайте мемориала, в 2007 г. художник из Нанкина Чжан Юйбяо (1950—, кит. 张玉彪), уже известный рядом произведений, получивших национальное признание, был приглашен, чтобы запечатлеть образы пострадавших в Нанкинской резне. По словам художника, ощущая большую ответственность, он начал вместе с женой собирать информацию о нанкинской трагедии. В результате серии личных встреч с родственниками погибших, организованных мемориалом, Чжан Юйбяо удалось восстановить 33 портрета на основе их воспоминаний. Далее художник приступил к созданию портретов свидетелей нанкинской резни, которых еще можно было застать в живых. Результатом стали 50 портретов выживших (иллюстрация 3). Уже в 2011 г. в мемориальном комплексе прошла первая выставка портретов выживших в Нанкинской резне.

Продолжая работать с темой Нанкинской резни, Чжан Юйбяо создал 24 графических изображения мемориального комплекса и его окрестностей, а затем приступил к работе над монументальным полотном, посвященным ежегодной

¹ 李自健: 油画《屠·生·佛——南京大屠杀》为何能引起东西方共鸣? [Ли Цзыцзянь: Почему полотно «Резня / жизнь / Будда. Нанкинская резня» находит отклик и на Востоке, и на Западе?]. Chinanews, 12.12.2022. URL: <https://backend.chinanews.com/m/gn/2022/12-12/9913570.shtml> (дата обращения: 26.03.2025).

Иллюстрация 3. Чжан Юйбяо. Портреты выживших. 2011.

Источник: Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни. URL: https://www.19371213.com.cn/information/news/hotnews/202402/t20240218_4168561.html (дата обращения: 28.03.2025).

молитве о мире. Начиная с 2007 г. художник не пропускал ни одной ежегодной встречи выживших, которые проходили у мемориала в памятную дату захвата Нанкина 13 декабря. Под впечатлением от этих встреч, проходивших со свечами в любую погоду, художник создал картину под названием «Молитва о мире — свет душ выживших в Нанкинской резне» (иллюстрация 4). Ее размер и некоторые детали символичны. Так, длина полотна составляет 1937 сантиметров, что соответствует году захвата Нанкина (1937). К дате 13 декабря (принятое в Китае написание даты 12/13) отсылают изображения двенадцати человек из числа выживших, портреты которых ранее писал художник, и изображенные на полотне тринадцать голубей. Еще одной символической деталью является присутствие среди людей, оплакивающих жертв, представителей разных классов: молодых студентов, монахов, рабочих, интеллигенции. Картина была подарена «Мемориальному комплексу памяти жертв Нанкинской резни» в 2012 г., когда отмечалось 75-летие трагических событий¹.

Кульминацией работы художника над темой Нанкина стало создание огромного холста «Нанкинский трибунал над японскими военными преступниками». В 2014 г.², когда планировалось расширение экспозиции и предполагалось добавить в нее художественное изображение суда над генерал-лейтенантом Императорской армии Японии Тани Хисао³, мемориал искал художника, который мог бы справиться с этой задачей, и выбор пал на Чжан Юйбяо. Как сообщается на

¹ 张玉彪：十年112幅画作铭刻南京大屠杀历史记忆 [Чжан Юйбяо: 112 картин за десять лет, которые запечатлели историческую память о Нанкинской резне]. Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни. URL: https://www.19371213.com.cn/information/news/hotnews/202402/t20240218_4168561.html (дата обращения: 28.03.2025).

² Именно в этот год День памяти жертв Нанкинской резни получил в КНР статус национального траура.

³ Командовал вошедшей в Нанкин 6-й дивизией.

Иллюстрация 4. Чжан Юйбяо. Молитва о мире — свет душ выживших в Нанкинской резне. 2012.

Источник: Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни. URL: https://www.19371213.com.cn/information/news/hotnews/202402/t20240218_4168561.html (дата обращения: 28.03.2025).

сайте мемориала, чтобы картина получилась максимально достоверной и реалистичной, художник вновь приступил к основательному исследованию проблемы, собрав вместе с супругой около тысячи текстов, фотографий и видеоматериалов, встречаясь со свидетелями судебного процесса и обсуждая эскизы с экспертами. Работа была непростой в связи с необходимостью корректировок, размерами холста и климатическими условиями в Нанкине, из-за которых масляная краска долго не высыхала. Художник столкнулся с проблемами со здоровьем, но смог преодолеть их благодаря эмоциональному и патриотическому подъему. Результатом работы, длившейся 540 дней и ночей, стала картина размером 800 сантиметров в длину и 330 сантиметров в высоту с ювелирно прописанными деталями. Не случайной является выбранная техника живописи: темпера. По словам художника, благодаря наложению нескольких слоев, цвета становятся более выразительными и позволяют в полной мере запечатлеть торжественность исторического момента¹. Картина увидела свет уже в 2015 г., когда была помещена в зал нан-

¹ 张玉彪：十年112幅画作铭刻南京大屠杀历史记忆 [Чжан Юйбяо: 112 картин за десять лет, которые запечатлели историческую память о Нанкинской резне]. Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни. URL: https://www.19371213.com.cn/information/news/hotnews/202402/t20240218_4168561.html (дата обращения: 28.03.2025).

Иллюстрация 5. Картина Чжан Юйбяо «Нанкинский трибунал над японскими военными преступниками» (2015) в Мемориальном комплексе памяти жертв Нанкинской резни.

Источник: Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни. URL: https://www.19371213.com.cn/information/news/hotnews/202402/t20240218_4168561.html (дата обращения: 28.03.2025).

кинского мемориала (иллюстрация 5), посвященный концепции «трех решительных побед» (кит. 三个必胜)¹. В этот год по всему Китаю проходили памятные мероприятия, посвященные 70-летию победы.

Как и полотно Ли Цзыцзяна, произведения Чжан Юйбяо хорошо вписалось в актуализировавшийся за последние десятилетия нарратив исторической обиды на Японию, что, конечно, не исключает искренние эмоции художников при работе над этой темой. В то же время, учитывая, что в отличие от предыдущих произведений, серия картин Чжан Юйбяо создана непосредственно по заказу мемориала, в официальном информационном материале нельзя не отметить типичные для пропагандистской риторики стилистические особенности текста.

И все же, можно констатировать, что искусство по-прежнему скорее стремится к отражению официального нарратива, нежели является средством свободного самовыражения. О его сохраняющейся политической функции свидетельствует одна из недавних программных речей Си Цзиньпина. В 2014 г. на кон-

¹ Слова, произнесенные Си Цзиньпином в 2015 г. по поводу 70-летия окончания войны сопротивления Японии, и означающие «решительную победу справедливости, решительную победу мира и решительную победу народа» (正义必胜! 和平必胜! 人民必胜!).

ференции по литературе и искусству в Пекине лидер КНР раскритиковал идею «искусства ради искусства» и заявил, что художники должны «создавать и поддерживать правильные взгляды на историю, национальность, государственность и культуру». Си подчеркнул также роль искусства в формировании общественного сознания и отметил, что темы, которые оно затрагивает, слишком важны, что-бы оставлять их на волю чьих-то творческих прихотей¹.

Среди последних выставок, прошедших в «Мемориальном комплексе памяти жертв Нанкинской резни», можно отметить приуроченную к годовщине Мукденского инцидента выставку «Запечатлеть навечно — эстампы исторической памяти о войне сопротивления японской агрессии». Выставка состоялась в 2023 г. и включала 141 гравюру из Национального художественного музея, Художественного музея провинции Цзянсу, Художественного музея Цзиньлин и, собственно, нанкинского мемориала. На ней можно было увидеть гравюры рассмотренного в нашем исследовании художника Чэн Мяня и работы многих других, в том числе молодых авторов, которые были разделены на тематические разделы, посвященные захвату города, нанкинской катастрофе, сопротивлению, народному единству и памяти².

Интересно также отметить внимание администрации мемориала к оценке событий в Нанкине зарубежным художественным сообществом. В 2024 г. прошла выставка работ французского художника Кристиана Пуаро (1961—2024), который после посещения Нанкина полюбил этот город и проникся состраданием к жертвам войны. В период с 2015 по 2019 г. Пуаро была создана серия из 44 картин, часть из которых посвящена боли и ужасу Нанкинской резни, а другая часть — красоте Нанкина глазами художника. На выставке с темой «усилия во имя мира» (为和平而努力 / Working for Peace) было также продемонстрировано современное состояние связей между Китаем и Францией — дружба народов, стремление помнить историю, беречь мир и создавать новое будущее³. В 2015 г. Пуаро был удостоен звания почетного гражданина города Нанкина.

Осознание трагедии японским художественным сообществом

Переходя к проблеме раскрытия темы Нанкинской резни в творчестве японских художников, следует начать с того, что война является особенно болезненной страницей памяти для японского общества и государства. Если в КНР факт победы может быть предметом гордости и сплочения вокруг национальной идеи, то для стороны, потерпевшей поражение, итоги войны связаны с разрушенной картиной мира и уязвленной национальной гордостью. По мнению некоторых

¹ 习近平：在文艺工作座谈会上的讲话 [Речь Си Цзиньпина на конференции по литературе и искусству]. Центральное народное правительство КНР, 15.10.2014. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6980503.htm (дата обращения: 01.04.2025).

² 永远的铭刻——抗战历史记忆版画展 [Выставка Запечатлеть навечно — эстампы исторической памяти о войне сопротивления]. Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни. URL: <https://www.19371213.com.cn/exhibition/> (дата обращения: 31.03.2025).

³ 为和平而努力——法国画家克里斯蒂安·帕赫油画作品展 [Усилия во имя мира — выставка полотен французского живописца Кристиана Пуаро]. Мемориальный комплекс памяти жертв Нанкинской резни. URL: <https://www.19371213.com.cn/exhibition/> (дата обращения: 31.03.2025).

исследователей, особенностью японской культуры является преобладание чувства стыда над чувством вины (на это впервые обратила внимание американский социальный антрополог Рут Бенедикт) [Бенедикт 2007, с. 32—35], и даже если между этими чувствами нельзя провести четкую границу, для японцев характерно обостренное восприятие «позора», будь то позор одного человека перед коллективом или позор целой страны на мировой арене. Кроме того, будучи страной, которая впервые в мировой истории подверглась атомным бомбардировкам, и в целом понесла большие потери среди мирного населения, Япония расценивает окончание войны как наступление долгожданного мира и стабильности, доставшихся очень высокой ценой.

Для связанного с войной нарратива в послевоенной Японии характерно декларирование высшей ценности пацифизма и нежелание вспоминать о позорных страницах истории. Память о войне стала предметом борьбы между консервативными и левыми силами за возможность транслирования в информационном пространстве того, что порочит «лицо» Японии. Полем борьбы являются, в первую очередь, учебники истории, утверждаемые Министерством образования, а также СМИ и частично массовая культура, причем даже при отсутствии прямой цензуры на содержание публикаций и произведений, в силу упомянутых социокультурных факторов включается механизм самоцензуры: из-за принятого отношения к той или иной проблеме публичное обращение к этой проблеме требует известного мужества. Это относится к памяти о Нанкине в японской живописи.

Самым масштабным и единственным в своем роде произведением японских художников, связанным с Нанкинской резней, являются деревянные панели¹ размером 4 на 8 метров с ее изображением, созданные супружеской парой Маруки Ири (1901—1995, яп. 丸木 位里) и Тоси (1912—2000, яп. 丸木俊) в 1975 г. (иллюстрация 6). Изображение Нанкинской резни (именно «резни», яп. 大虐殺, а не «Нанкинского инцидента» / 南京事件, как эти события часто называют в Японии), производит большое впечатление своей детализацией. На огромной поверхности в черно-белой цветовой гамме прорисованы сцены убийств и изнасилований китайцев японскими солдатами. Перед глазами зрителя предстает груда тел, в том числе обезглавленных; в центре композиции — японский солдат и склонившийся перед ним на колени китаец с руками, связанными за спиной, и только что отрубленной японским мечом головой, которая еще не долетела до земли. На левой панели — обнаженные тела женщин, то ли живых, то ли мертвых, и надругавшиеся над ними японские солдаты. Тут же рядом стоит толпа ожидающих своей участи нанкинцев.

После войны Маруки Ири и Тоси получили известность благодаря серии работ, посвященных трагедии атомных бомбардировок («Панели Хиросимы», 1950). Предсказуемо, что к этой теме художники обратились в первую очередь. Однако панели с изображением Нанкинской резни также появились достаточно рано — раньше, чем рассмотренные нами работы китайских художников Чэн Мянся, Ли Цыцзяня и других. Согласно информации на странице Галереи Маруки, идея композиции «Нанкинская резня» возникла у авторов после их визита в

¹ Панели соединены между собой наподобие японской ширмы.

Иллюстрация 6. Маруки Ири и Тоси. Изображение Нанкинской резни. Деревянные панели. 1975.

Источник: Галерея Маруки. URL: <https://marukigallery.jp/hiroshimapanels/collaboration/> (дата обращения: 28.03.2025).

США в 1970 г. с работами, посвященными Хиросиме. Там они впервые осознали трагедию Нанкина. Супругов Маруки поразила неожиданная аналогия: что если бы сейчас в Японию привезли китайские произведения искусства, посвященные Нанкинской резне? Отправляясь в США с работами об атомных бомбардировках, да еще и во время войны во Вьетнаме, они совершали не менее дерзкий поступок. «Мы никогда не думали, что услышим о Нанкинской резне в Америке. 50 000 военнопленных, 350 000 мирных жителей. Число людей, жестоко убитых японскими оккупационными войсками только в Нанкине в 1937 году, сопоставимо с числом жертв Хиросимы и Нагасаки. Их грабили, поджигали, насиловали, а потом убивали и выбрасывали. В Нанкине развернулись все трагедии, которые мы только можем себе представить»¹.

При сравнении работы супругов Маруки с произведениями китайских художников нельзя не отметить, что она производит не менее сильное впечатление по своему масштабу и отраженным в ней переживаниям. Однако нетипичность такого рода работ для японского послевоенного искусства и существующая вокруг них полемика не позволяют говорить о полной проработке памяти о Нанкине японской стороной. Показательна публикация в японском периодическом журнале об искусстве «*A:то магадзин LR*» статьи художественного критика Хариу Итиро (на тот момент директора Галереи Маруки) с осуждением комментария его коллеги, молодого арт-журналиста Нагоя Сатору, который позволил себе некорректное высказывание в отношении панелей супругов Маруки. В 2000 г. панели с изобра-

¹ Галерея Маруки. URL: <https://marukigallery.jp/hiroshimapanels/collaboration/> (дата обращения: 05.04.2025).

жением Нанкинской резни выставлялись на 3-й биеналле в Кванджу (Ю. Корея), посвященной теме «Человек + пространство»¹, и в одной из своих критических статей Нагоя Сатору написал следующее. «В Японии до сих пор продолжаются споры о том, основана ли эта работа на фактах. Гипотеза о «Нанкинской резне», взятая в качестве темы [произведения], изображена так, будто это что-то самоочевидное. То есть тема, которая должна быть представлена как вымысел, показана в форме реального факта, и это вызывает большие сомнения» [Nagui 2001].

Возражая Нагоя Сатору, Хариу Итиро говорит, что мог ожидать такой оценки от японских политиков или отвергающих «мазохистский взгляд на историю» неолибералов, но никак не от сравнительно молодого арт-журналиста. Он подчеркивает, что даже если спор вокруг Нанкинской резни и имеет место, он может быть только о количестве жертв, но не о самом ее факте, подтвержденном достаточным количеством свидетелей. В то же время, по его мнению, комментарий Нагоя Сатору изначально некорректен, поскольку живопись сама по себе является своего рода вымыслом, и спор об «истинности» изображаемого события не имеет смысла [Nagui 2001]. Иными словами, картина отражает не саму трагедию, а ее осознание автором.

Далее Хариу Итиро излагает мысли, которые проливают свет на процесс осознания трагедии японским художественным сообществом. Во-первых, если посмотреть на панели, посвященные Нанкинской резне, в контексте других работ Маруки Ири и Тоси (художники начинали с изображения атомных бомбардировок, а затем перешли к темам Нанкинской резни и Освенцима, как бы говоря о том, что бомбардировки не были случайным событием), то Япония рассматривается ими как страна, причинившая ущерб (яп. 加害者). Во-вторых, поиск в Японии других аналогичных работ, посвященных теме Нанкинской резни, не увенчался успехом. Будучи художественным критиком и опытным куратором выставок, Хариу Итиро интересовался этим вопросом и даже организовал в середине 1990-х гг. выставку под названием «Нинкин 1937», которая прошла поочередно в Кобэ, Киото, Нагоя и Токио. Однако на ней были представлены в основном китайские работы (в том числе полученные из нанкинского мемориала), а авторов с японской стороны было лишь 10, причем их произведения были совершенно не сопоставимы с мощными панелями Маруки Ири и Тоси. Отсюда Хариу Итиро делает вывод о том, что Нанкинская резня «еще не запечатлена в коллективной памяти [японского общества] и не может быть визуализирована [в Японии]» [Nagui 2001].

Говоря о ситуации в японском искусстве в целом, которая также проливает свет на проблему осмысления Нанкина в Японии, Хариу Итиро отмечает, что после 1970-х гг. оно стало своего рода «огороженной территорией», функционирующей обособленно от насущных политических, экономических, социальных проблем. Именно с этих ограниченных позиций, по мнению Хариу, комментируют организованную им выставку «Искусство и права человека» японские критики. Кроме того, как отмечает куратор, из-за своего политического посыла вы-

¹ В рамках биеналле проходила тематическая выставка «Искусство и права человека», организованная самим Хариу Итиро.

ставка практически не получила освещения в японских СМИ [Harii 2001]. Это не удивительно, так как мысли, выраженные им в предисловии к каталогу выставки, выглядят достаточно радикально для устоявшегося в Японии нарратива. Как следует из публикации, в предисловии к каталогу Хариу Итиро говорил об испытанном им чувстве глубокого стыда после поражения Японии в войне, о необходимости «публичности» как внутренней дисциплины японского народа и о подавлении этой еще не сформировавшейся публичности в капиталистической среде, в результате чего многие деятели искусства так и не смогли найти свою идентичность. Поясняя эту мысль, Хариу Итиро приводит цитату известного японского психиатра и писателя Нода Масааки о том, что «после поражения Япония не развила в себе способности испытывать чувство вины за войну, поэтому сегодня среди людей полно безответственных бюрократов и коррумпированных офисных работников, заботящихся только о себе и игнорирующих проблемы других»¹. Далее, развивая эту мысль, он также выражает уверенность, что «выявление, расследование и оглашение военных преступлений, даже с опозданием на полвека, — это не способ потворствовать критике Японии со стороны других азиатских стран, а неизбежная задача для возвращения к истокам... и внутреннего возрождения Японии, достигшей дна институциональной усталости во всех аспектах политики, экономики и культуры» [Harii 2001].

На примере этой полемики вокруг единственного в Японии масштабного изображения Нанкинской резни мы видим, что искусство отражает проблему японского общества в целом, а именно — неспособность до конца проработать травму войны. Мы видим конфликт между теми, кто призывает не забывать военные преступления, запечатлеть их на бумаге, на деревянных панелях, любым способом, чтобы показать как можно более широкой аудитории, и теми, кто болезненно реагирует на подобные действия, призывает предать тяжелые эпизоды забвению и даже полностью их отрицает.

Полемика обострилась на фоне рассмотренных в предыдущем разделе процессов в Китае, а именно — усиления нарратива виктимизации, которое наблюдалось с 1980-х гг. Если в 1990-е гг. отношение к Японии в КНР было еще относительно благоприятным и сохранялись условия для принятия японских извинений (в частности, хорошо была принята известная речь премьер-министра Т. Мураяма с сожалением об огромном ущербе и страданиях, причиненных Японией народам Азии), то в 2000-е гг. надежда на примирение с КНР по болезненным вопросам исторической памяти стала более зыбкой. Это осознается не только японскими политическими лидерами, которые, поняв, что извинения не находят должного отклика, стали отказываться от их многократного повторения и конкретных формулировок (заявляя даже о том, что современное поколение больше не несет ответственность за события прошлого²), но и японским обществом, которое, в целом, устало от извинений.

¹ Цитата приводится со ссылкой на известную книгу Нода Масааки «Война и вина» (яп. 戦争と罪責).

² Об этом заявил премьер-министр С. Абэ в своей речи, посвященной 70-летию окончания войны в 2015 г.

Поворот в сторону правой, консервативной риторики, в условиях которого работали японские художники и художественные критики, создавал определенную почву для рассмотренной полемики. Кроме того, он способствовал усилению разного рода неформальных табу на освещение темы Нанкина, ограничивая свободу творчества. Так, в приведенном выше примере с биеналле в Кванджу имело место недостаточно широкое освещение японскими СМИ выставки «Искусство и права человека», где японский куратор Хариу Итиро пытался продемонстрировать зарубежной аудитории не принятое в Японии отношение к войне, в частности, к памяти о Нанкине. К этому можно добавить недопуск в японское информационное пространство китайского ракурса. Как сообщается на сайте Художественного музея Ли Цзыцзяня, японские правые силы препятствовали демонстрации китайского полотна «Нанкинская резня», в Амстердаме, Нью-Йорке и других локациях, а в Токио в 1999 г. выставка была вовсе отменена¹. Интересно также, насколько тяжело проходили переговоры с японскими издательствами о переводе на японский язык книги американской писательницы китайского происхождения Айрис Чан о Нанкинской резне². Японские критики называли книгу в худшем случае «ложью» и «подтасовкой исторических фактов», в лучшем — считали ее «антияпонской» и «наносящей ущерб достоинству японских граждан»³. Японская версия книги стала доступна только через десять лет после ее первой публикации, в конце 2007 г.

В этих условиях нарратив о критическом осмыслении прошлого с точки зрения ответственности за произошедшую в Нанкине трагедию не мог стать преобладающим, напротив, доминирующая в Японии после войны линия пацифизма, основанная на «виктимизации» и теме атомных бомбардировок, перекрыла в общественном сознании все остальное. Даже у Маруки Ири и Тоси Нанкинская резня представлена в общем контексте восприятия войны как вселенского зла, и в своих произведениях художники призывают именно к миру. Тем не менее нельзя не отдать им должное за обращение к «неудобной» для Японии теме Нанкина.

Еще один поступок, идущий вразрез с доминирующим в Японии нарративом, — изображение Нанкинской резни в одной из японских манга, опубликованной сравнительно недавно. Хотя печатные издания не входили в круг объектов нашего исследования, манга находится на стыке изобразительного искусства и литературы и создается художником манга. Широкий охват японской читательской аудитории разных возрастов, значительно более широкий, чем можно было бы ожидать от любого другого художественного произведения, делает такое событие, как изображение в манга Нанкинской резни, особенно резонансным.

¹ Художественный музей Ли Цзыцзяня. <http://www.lizijianmsg.com/post/162.html> (дата обращения: 25.04.2025).

² Айрис Чан впервые сравнила Нанкинскую резню с холокостом и рассказала о зверском массовом уничтожении более 300 000 мирных жителей города в своей книге *The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II* («Насилие в Нанкине: Забытый холокост времен Второй мировой войны»). В 2007 г. на территории мемориального комплекса в Нанкине ей был установлен памятник.

³ *War Again Is Raging Over Japan's Role in 'Nanking'*. Los Angeles Times, June 6, 1999. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1999-jun-06-mn-44838-story.html> (accessed: 25.04.2025).

Речь идет о девятитомной манга «Страна в огне» (яп. 国が燃える) известного японского автора Мотомия Хироси, которая выходила в период с 2002 по 2005 г. Манга охватывает период истории Японии, предшествующий войне (начало эпохи Сёва), и частично саму войну, завершаясь открытием театра военных действий на Тихом океане (1941). Согласно аннотации, автор пытается ответить на вопрос «смогут ли люди изменить ход событий, вызванных ими?».

Одна из глав манга затрагивает наступление японской армии на город Нанкин и события, последовавшие после захвата города. Художником были изображены горы трупов на улицах и преступные действия японских военных. Среди прочего в манга присутствовала сцена «состязания в убийстве ста человек мечом», которое, как утверждала японская пресса 1937 г., прошло между двумя японскими офицерами при наступлении на город [иллюстрация 7]¹.

После публикации первой версии манга издательство и автор подверглись нападкам со стороны ряда читателей, ученых, консервативных политиков и организаций правого толка. Критики утверждали, что часть, посвященная наступлению на Нанкин и событиям в городе, основана на спорных и недостоверных фактах, в частности, на фальсифицированных фотографиях. Давление было настолько сильным, что издательство было вынуждено приостановить публикацию серии и возобновило ее только после решения об удалении страниц, ставших предметом протеста². По всей видимости, это нарушило первоначальный замысел автора: «Страна в огне» была вскоре завершена и перевыпущена в урезанном виде.

Поступок художника манга Мотомия Хироси, принявшего решение затронуть столь болезненную тему, также, безусловно, может быть расценен как смелый и выходящий за рамки «дозволенного» в Японии. В то же время, с точки зрения Китая, это был шаг к смягчению разногласий в вопросах памяти о войне и отношения к ней. Китайский ресурс NetEase³ приводит слова, некогда сказанные художником, о том, что «ответственность за сделанное собственными руками следует нести самостоятельно в полной мере», и находит в них два основных смысла: первый состоит в том, что Япония должна нести ответственность за агрессию, а те, кто участвовал в агрессивной войне, не должны перекладывать свою вину на

¹ 13 декабря 1937 г. японская газета «Токио нити нити» опубликовала статью о результатах состязания между японскими офицерами Мукаи Тосиаки и Нода Цуёси, где Мукаи убил 106, а Нода 105 человек. Впоследствии, когда события в Нанкине стали предметом научной дискуссии, некоторые ученые пришли к выводу о том, что состязания в том виде, в котором оно было описано в газете, не было [Wakabayashi 2000]. Однако так или иначе, в Нанкине погибло множество мирных жителей, а Мукаи и Нода частично признали свою вину в ходе военного трибунала и были казнены.

² 『週刊ヤングジャンプ』連載漫画 南京大虐殺の描写削除「威嚇で修正、許されない」言論界に広がる「出版・表現の自由守れ」[Сериализованная манга в еженедельнике «Yong Jump» / Удаление Нанкинской резни / «Исправления, внесенные путем запугивания, неприемлемы» / Растущий призыв в прессе «Защитить свободу публикации и выражения»]. Газета «Акахата», 06.12.2004. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik3/2004-12-06/15_01.html (дата обращения: 12.04.2025).

³ 一个日本漫画家眼里的日军侵华战争：国家燃烧！[Вторжение японской армии в Китай глазами японского художника манга: Страна в огне!]. NetEase, 25.09.2023. URL: <https://www.163.com/dy/article/IFG4925605532BNHQ.html> (дата обращения: 11.04.2025).

Иллюстрация 7. Фрагменты первой версии манга Мотомия Хироши «Страна в огне».
Источник: NetEase. URL: <https://www.163.com/dy/article/IFG4925605532BNQ.html> (дата обращения: 25.04.2025).

государство; второй — в том, что будучи добросовестным художником манга, Мотомия должен был изобразить правду, что, в свою очередь, входит в сферу его ответственности. Именно это, по мнению китайского источника, имел в виду художник, говоря об ответственности, и это то, что он сделал в своей манга.

Заключение

В статье были отобраны и рассмотрены художественные произведения, связанные с Нанкинской резней, созданные китайскими и японскими художниками в послевоенный период; сделано краткое описание ключевых работ и проанализированы условия их создания.

Говоря об «обиде и осознании трагедии» в заголовке статьи, мы исходили из того, что Нанкинская резня — тяжелый эпизод войны, память о котором остается предметом сильнейшей обиды на Японию для Китая и серьезной травмой для Японии, так как даже по прошествии 80 лет после окончания войны японскому обществу все еще не удалось в полной мере осознать эту трагедию и проработать травму памяти о ней. Собранная нами информация помогла подтвердить и проиллюстрировать этот тезис, позволив также получить более глубокое представление о различиях китайского и японского взглядов на проблему Нанкина и сути сохраняющегося конфликта.

С китайской стороны можно отметить, что тема Нанкинской резни была поднята далеко не сразу и до начала 1980-х гг. фактически отсутствовала в политическом и художественном дискурсе. В то время как на государственном уровне нежелание акцентировать внимание на этом трагическом эпизоде, как и на памяти о японской агрессии в целом, связано с конкретными политическими причинами, в художественных кругах, как можно заключить из ситуации в китайском искусстве (а именно — его развития в русле официальной идеологии) и истории создания конкретных произведений, отсутствие глубокого интереса к теме Нанкина было связано с малым количеством упоминаний о ней в информационном пространстве. Именно поворот к нарративу виктимизации в 1980-е гг. создал условия, при которых нанкинская трагедия привлекла общественное внимание, что, в свою очередь, подтолкнуло художников к активному творческому поиску. В условиях транслирования общенациональной обиды на Японию было естественно возникновение тех же чувств у авторов, которые разделяли ценности национального единства или были знакомы с родственниками жертв.

В Японии, судя по малому количеству работ и возникшей вокруг них дискуссии, сохраняется тенденция к отрицанию произошедшего. С одной стороны, мы видим, что тема Нанкина долгое время отсутствовала в информационном пространстве Японии и даже сейчас не является главной составляющей памяти о войне, будучи вытесненной воспоминаниями об атомных бомбардировках, с другой стороны, даже при достаточном количестве информации и наличии результатов научных исследований о событиях в Нанкине японские художники берутся за тему Нанкинской резни крайне неохотно. На наш взгляд, причины этой ситуации являются комплексными, и сложность визуализации темы Нанкина

связана как с ее болезненностью для японского общества, в том числе для отдельных художников (не так просто бывает осознать и принять поражение родного государства в войне), так и с внешним давлением. Даже при отсутствии цензуры в искусстве как таковой (кроме общепринятого в мире запрета на свободное распространение порнографического контента) японское общество на всех уровнях сопротивляется памяти о событии, которое порочит лицо Японии. Было приведено достаточно примеров внешнего давления в связи с исследуемой темой. Это и дискуссия вокруг панелей Маруки Ири и Тоси, посвященных Нанкинской резне, и недостаточное освещение в японской прессе информации о художественной выставке, затрагивающей тему Нанкина, и вынужденное досрочное завершение манга художника Мотоми Хироси «Страна в огне» с последующим удалением оттуда соответствующих изображений. Таким образом, нельзя говорить о спокойном отношении Японии к этой странице памяти о войне, а значит — о преодолении травмы на уровне общества и государства.

Вместе с тем, искусство лишь отражает глубокие и серьезные процессы осмысления исторических событий, и если тема Нанкина когда-нибудь перестанет быть камнем преткновения в японо-китайских отношениях, то это произойдет благодаря более масштабным изменениям. Иными словами, искусство может помочь взглянуть на существующие проблемы с различных ракурсов, но главные перемены должны происходить не в этой плоскости. В первую очередь необходима объективная научная оценка событий в Нанкине и международный консенсус по этому вопросу. Во-вторых, необходимо избегать политизации проблем исторического прошлого, особенно в связи с современными политическими целями, которые не имеют к ним отношения. Наконец, само японское общество, даже если современное поколение не причастно к трагическим эпизодам войны, должно быть готово признать ошибки, совершенные в прошлом страной, преемницей которой является современная Япония. Важно осознать причины этих ошибок и сохранить память о них, чтобы прошлое больше не повторилось. Наиболее сильное воздействие искусство может оказать именно на эту составляющую. Будучи зеркалом, оно позволяет лучше увидеть проблему со стороны и, при возможности знакомства с произведениями, созданными художниками разных стран, может помочь народам лучше понять друг друга. Чтобы это стало возможным, именно примиряющая функция искусства должна быть выведена на первый план в противовес страху и ограничениям на освещение нежелательных проблем.

Библиографический список

Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. СПб.: «Наука». 2007.

Молодякова Э.В. Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // *Ежегодник Японии*. 2007. Т. 36. С. 48—68.

Стрельцов Д.В. Идентичности России и Японии в послевоенный период (1945—1991 гг.) // *Ежегодник Японии*. 2016. Т. 45. С. 337—352.

References

Benedict, R. (2007). *Khrizantema i mech. Modeli yaponskoi kul'tury* [The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Molodyakova, E.V. (2007). Mnogoaspektnost' problemy svyatilishcha Yasukuni [Multiple Aspects of the Yasukuni Shrine Problem]. *Yearbook Japan*, 36, 48–68. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2016). Identichnosti Rossii i Japonii v poslevoennyy period (1945–1991 gg.) [Identities of Russia and Japan in the Post-War Period (1945–1991)]. *Yearbook Japan*, 45, 337–352. (In Russian).

* * *

Chang, I. (2011). *The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II*. New York — London: Basic Books.

Hariu, Ichirō (2001). — 'Geijutsu to jinken'-ten o megutte — Nagoya Satoru no itchihankai e no hanron [— Regarding the “Arts and Human Rights” Exhibition — A rebuttal to Satoru Nagoya's half-baked understanding]. *Ato Magajin LR* [Art Magazine LR], 24, March. Retrieved 2025, April 25, from URL: <https://www2a.biglobe.ne.jp/~yamaiku/honhon/lr/lr.hariu.htm> (In Japanese).

Mao, Zedong. (1999). Mei diguozhuyi shi zhongri liangguo renmin de gongtong diren (1960 nian 6 yue 21 ri) [U.S. Imperialism is the Common Enemy of the Chinese and the Japanese People (June 21, 1960)]. In *Mao Zedong wenji* [Collected Works of Mao Zedong], Vol. 8 (pp. 200–208). Beijing: Renmin chubanshe. (In Chinese).

Wakabayashi, B.T. (2000). The Nanking 100-Man Killing Contest Debate: War Guilt amid Fabricated Illusions, 1971–75. *The Journal of Japanese Studies*, 26 (2), 307–340. DOI: <https://doi.org/10.2307/133271>

Wakabayashi, B.T. (2008). Leftover Problems. In Wakabayashi, Bob Tadashi (ed.). *The Nanking Atrocity, 1937–38: Complicating the Picture* (pp. 357–393). New York — Oxford: Berghahn Books. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1x76dqr.21>

Поступила в редакцию: 30.04.2025
Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 30 April 2025
Accepted: 21 July 2025

А.Ю. Борькина

«Токийская башня сочувствия» Кудан Риэ: Вавилонская башня наших дней и рождение «нового человека»

Аннотация. В статье рассматривается роман японской писательницы Кудан Риэ «Токийская башня сочувствия», в 2024 г. удостоенный престижной литературной премии имени Акутагава. Присуждение премии вызвало широкую дискуссию в связи с использованием писательницей в работе генеративного искусственного интеллекта, который не только подсказал ей некоторые ходы для произведения, но также буквально стал прототипом для одного из персонажей романа, чат-бота AI-built, и сгенерировал его реплики. В центре сюжета — возведение женщиной-архитектором по имени Макина Сара необычного сооружения — так называемой Башни сочувствия, по сути являющей собой тюрьму нового образца и воплощающей новую социологическую теорию о *Homo miserabilis*. Термин «преступник» в мире романа признается устаревшим и дискриминирующим, вместо него вводится понятие «человек, достойный сочувствия», а основным источником криминала называется социальная среда. Героиня вдохновляется деконструктивистскими архитектурными проектами Захи Хадид, а именно Национальным стадионом в Токио, объектом, который в реальности так и не был построен. Постепенно судьбы персонажей романа переплетаются вокруг Башни, которая в итоге становится губительной для каждого из них: один погибает от рук *Homo miserabilis*, другой оказывается навечно заперт в Башне, Макина же, оторванная от общества, не одобрявшего появление Башни, погруженная в мир «слов» и собственных внутренних переживаний, лишается своей идентичности. Интересен также выведенный в произведении образ Другого — скандально известного американского журналиста Макса Кляйна, высказываниями которого оказывается возможным продемонстрировать не только порочную природу Башни, но и потерю главной героиней человечности. Роман представляет собой философское высказывание о постепенной утрате естественных и национальных языков; о всеобщей толерантности; о возникновении новой этики; о взаимосвязях между человеком и искусственным интеллектом. Для воплощения этих идей используются характерные для современной японской литературы приемы, в числе которых малособытийное повествование, игра слов, социофобные персонажи.

Ключевые слова: японская литература, современная проза, японский язык, перевод, деконструкция, искусственный интеллект.

Автор: Борькина Анастасия Юрьевна, старший преподаватель кафедры японоведения Института востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) (адрес: 190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123). ORCID: 0000-0002-9445-1958. E-mail: an_borkina@mail.ru, aborkina@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Борькина А.Ю. «Токийская башня сочувствия» Кудан Риэ: Вавилонская башня наших дней и рождение «нового человека» // Японские исследования. 2025. № 3. С. 129—143. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-129-143.

A. Yu. Borkina

Tokyo Sympathy Tower by Qudan¹ Rie: The Tower of Babel of our days and the birth of the “new human”

Abstract. The article examines the novel by Japanese writer Qudan Rie *Tokyo Sympathy Tower*, which was awarded the prestigious Akutagawa Literary Prize in 2024. The award sparked a wide discussion due to the writer's use of generative artificial intelligence in her work, which not only suggested some ideas, but also became a prototype for one of the novel's characters, the AI-built chatbot, and generated its lines. The plot revolves around the construction of an unusual structure by a female architect named Makina Sara, the so-called “Sympathy Tower,” which is essentially a new type of prison and embodies a new sociological theory about “Homo miserabilis.” The term “criminal” in the world of the novel is recognized as outdated and discriminatory, and the concept of “a person worthy of sympathy” is introduced instead. Makina is inspired by the deconstructivist architectural projects of Zaha Hadid, namely the National Stadium in Tokyo, an object that was never built in reality. Gradually, the destinies of the novel's characters intertwine around the Tower, which ultimately becomes destructive for each of them: one is killed by a Homo miserabilis, another finds himself forever locked in the Tower, while Makina Sara, cut off from society, which did not approve the appearance of the Tower, and immersed in the world of “words” and her own feelings, loses her identity. Of interest is also the image of the Other created in the work — a scandalous American journalist Max Klein, whose statements make it possible to demonstrate not only the vicious nature of the Tower, but also the loss of humanity by the main character. The novel is a philosophical statement about the gradual loss of natural and national languages; about universal tolerance; about the emergence of a new ethics; about the relationship between man and artificial intelligence. To embody these ideas, techniques characteristic of contemporary Japanese literature are used, including uneventful narration, wordplay, and sociophobic characters.

Keywords: Japanese literature, contemporary fiction, Japanese language, translation, deconstruction, artificial intelligence.

Author: Borkina Anastasia Yu., Senior Lecturer, Department of Japanology, Institute of Asian and African Studies, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University, Saint Petersburg) (address: 123 Kanala Griboedova Emb., Saint Petersburg, 190068, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9445-1958. E-mail: an_borkina@mail.ru, aborkina@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Borkina, A.Yu. (2025). «Tokiiskaya bashnya sochuvstviya» Kudan Rie: Vavilonskaya bashnya nashikh dnei i rozhdenie «novogo cheloveka» [*Tokyo Sympathy Tower* by Qudan Rie: The Tower of Babel of our days and the birth of the “new human”]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 129—143. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-129-143.

¹ По правилам системы Хэпберна фамилия писательницы должна транскрибироваться как Qudan, однако сама она предпочитает вариант с буквой Q и в большинстве англоязычных материалов фигурирует как Qudan.

17 января 2024 г. в Японии прошла очередная церемония вручения премии имени Акутагава Рюноске, одной из самых престижных литературных наград в стране, присуждаемой по преимуществу начинающим авторам. Лауреатом 170-й премии Акутагава стала молодая японская писательница Кудан Риэ 九段理江 (р. 1990) с романом «Токийская башня сочувствия» (東京都同情塔, «То:кё:то до:дзё:то:», 2024 г.). Присуждение ей премии вызвало широкий резонанс как в литературных кругах, так и в обществе в целом, не только в Японии, но и по всему миру: на пресс-конференции писательница заявила журналистам, что при создании произведения активно пользовалась возможностями генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ) посредством чат-бота ChatGPT, который не только подсказал ей идею романа, но также частично помогал непосредственно в написании текста [Shimada 2024].

Действие романа разворачивается в альтернативном Токио будущего, где в 2020 г. в разгар пандемии COVID-19 проходят Олимпийские игры, о которых впоследствии постоянно напоминает жителям выдающееся архитектурное сооружение — Национальный стадион, построенный по проекту Захи Хадид. Теперь же правительство намеревается возвести в столице новый необычный объект — «Токийскую башню сочувствия», и главная героиня романа, женщина-архитектор Макина Сара, подает заявку на конкурс. Башня, строительство которой должно быть закончено в 2030 году, — на самом деле тюрьма нового образца, небоскреб в самом центре Токио, посреди парка Синдзюку-гёэн, в котором планируют содержать преступников; в основу ее создания положена новомодная концепция социолога Сэто Масаки, автора работ о природе криминала и популяризатора нового термина *Homo miserabilis* — «человек, достойный сочувствия», взамен устаревшего и дискриминирующего «преступник». Работа над проектом дается героине нелегко, она постоянно делится своими переживаниями и мыслями с молодым человеком по имени Такуто — то ли ее другом, то ли любовником. Структурно роман поделен на несколько частей с разными нарраторами: первая треть написана от лица Макина Сара и повествует о периоде, предшествовавшем конкурсу проектов и строительству Башни; далее следуют выдержки из фундаментального труда Сэто Масаки; затем ведущим голосом становится Такуто, наблюдающий за Макина непосредственно перед началом реализации проекта и впоследствии поступающий на службу в Башню. В финальной части в Японию приезжает скандально известный американский журналист Макс Кляйн, планирующий посетить необычное сооружение, пообщаться с его персоналом и обитателями, а также взять интервью у самой Макина, которая вновь становится главным рассказчиком.

Вокруг Вавилонских и Токийских башен

«Токийская башня сочувствия» — крайне малособытийное, нединамичное повествование, что вполне отвечает духу современной японской литературы. Впрочем, в противовес детализированной повседневности, многослойной комфортной атмосферности, обычно характерной для подобных произведений, ро-

ман Кудан Риэ производит впечатление комплексного, иногда даже перегруженного, в определенной степени «неуютного» текста.

Произведение начинается следующими строками: «Возрождение Вавилонской башни. Строительство Токийской башни сочувствия вскоре запутает наши слова, разрушит мир... Наступает великая эпоха, когда каждый говорит только с собой» [Qudan 2024, р. 3].

Образ «новой Вавилонской башни» уже с первой страницы становится лейтмотивом повествования и используется прежде всего в качестве символического основания для разговора о языке как таковом и о японском языке в частности — это во многом и представляет собой цель текста Кудан Риэ.

«Архитекторы видят будущее. Даже если они стараются не смотреть, оно всегда тут, прямо перед ними» [Qudan 2024, р. 4]. Макина Сара, которой предстоит построить Токийскую башню сочувствия, с самого начала романа много размышляет не о самом проекте, но о названии будущего сооружения, хоть это и выходит за рамки ее компетенции. Впрочем, как замечает Е.А. Найман, уже само «именование, как сущностная операция языка, несет в себе архитектурное событие» [Найман 2000, с. 25]. «Токийская башня сочувствия», возникшее словно само собой в ее сознании название, первоначально — заимствование из английского языка, словосочетание Tokyo sympathy tower, записанное азбукой *катакана*, которую используют для фиксации иностранных слов и имен. Это, впрочем, пока не предсказание будущего, а лишь констатация настоящего — характерного для современного японского языка процесса постепенной замены исконно японских слов аналогами-заимствованиями, которые становятся все более популярны, например, в речи молодежи, или в отдельных сферах вроде модной индустрии или IT, а также сожаление о прошлом, которого не вернуть, — так, выбранное в 1958 г. для новой телевизионной башни вместо более традиционного японского наименования «Башня Сё:ва», поддержанного большинством голосов, название Tokyo Tower — «Токийская башня» — становится еще одним архитектурным символом трансформации языка. «Все потому, что японцы хотят избавиться от японского языка» [Qudan 2024, р. 9], — делает вывод Макина Сара (название архитектурного бюро, где она работает, подчеркнуто написано исключительно иероглифами), добавляя, что сама бы «ни за что не села выпивать с человеком, который придумал *катакана*» [Qudan 2024, р. 13]. Дело здесь, однако, не ограничивается лишь начертанием — речь действительно идет о новом языке, а значит, и о новом сознании, в котором прежние понятия, зафиксированные с помощью иероглифов — идеограмм, позволяющих уже по одному начертанию догадаться о значении, заменяются современными, трансформировавшимися из заимствований, стерильных и не отсылающих ни к чему осмысленному, главное достоинство которых — нейтральность и толерантность. Повреждается сама глубинная сущность языка, в том числе и пресловутая японская «душа слова» *котодама* 言霊. Понятие «души слова» впервые появляется в древнем японском поэтическом дискурсе, основы же его лежат прежде всего в сфере сакрального, соединяясь одновременно и с конкретным пространственным, «архитектурным» воплощением [Мещеряков 2015, с. 11–12]. *Котодама* была свойственна не всякому слову, но лишь произнесенному в определенном месте, например, на пере-

крестьяне дорог; позже сакральная сущность в пространственном воплощении была перенесена в конкретную область — земли Ямато, составившие основу древней японской государственности. Таким образом, отныне, по замечанию А.Н. Мещерякова, душа слов «обитает только в “теле” японского языка» [Мещеряков 2015, с. 11]. Что же до Японии будущего в «Токийской башне сочувствия», то она утрачивает не только прежний язык — вследствие этого постепенно ослабляются ее связи с собственными корнями в целом. Другая теория, тесно ассоциированная с миром Башни и трансформацией японского языка в нем, — это идеи японского ученого Янабу Акира 柳父章 (1928—2018) о влиянии переводов и заимствований из западных языков в период Мэйдзи (1868—1912) не только на японский язык, но и на общество, культуру и мировосприятие японцев в целом. Во второй половине XIX в., когда Япония начала активное взаимодействие с западными державами, перевод слов с иностранных языков мог осуществляться тремя способами: с использованием уже существовавшего и распространенного в бытовой речи японского слова; с использованием редко применяемого или непопулярного японского слова; с искусственным образованием нового слова, обозначающего понятие, до этого не существовавшее в японском языке и, шире, в мироустройстве. Янабу замечает, что наибольшую привлекательность имели два последних способа (в особенности третий) — он называет это «эффектом шкатулки с драгоценностями», когда неизвестное внутреннее содержимое (смысл понятия) придает ему большую привлекательность, новизну и силу по сравнению с обыденными словами [Shibasaki 2017, p. 46]. В мире романа Кудан Риэ происходит тот же самый процесс, но на этот раз с заимствованиями, записанными *катакана*, — они помогают формировать новую универсальную реальность, а также безуспешно управлять ею, тогда как Башня становится воплощением этого «завоевания неба, вбирания неба в точку зрения... присвоения имени и доминирования над другими... с высоты этого имени» [Архитектура и философия 1986, с. 133].

Сама Макина в этих условиях — вовсе не проактивный творец и борец с разрушительными процессами, а скорее, органическая их часть, архитектор «в состоянии смещения-замешательства перед нарушенной структурой» [Деррида 2012, с. 12]. Замешательство ее, однако, длится недолго, и ответ, хоть и весьма двусмысленный, находится сам собой — из окна доставшегося ей по случайному стечению обстоятельств гостиничного номера Макина Сара наблюдает олимпийский стадион, построенный Захой Хадид, что становится первоначалом, «архе», для ее собственного проекта, — она осознает, что сооружение башни должно будет стать ответом на этот объект, это «прекрасное, новое высказывание, обращенное богиней к миру» [Qudan 2024, p. 29]. Заха Хадид (1950—2016) в реальности — женщина-архитектор иракского происхождения, одна из наиболее видных представительниц деконструктивизма в новой волне архитектуры. Ее работы отличаются стремлением к разрушению общепринятых канонов, искажению перспективы, приданию зданиям экспериментальной динамичности с помощью форм, сочетающих острые углы и кривые линии. В 1988 г. с группой единомышленников Хадид выдвигает своеобразный манифест архитектурного деконструктивизма: «Преобладание пространства... разрушение “идеи места”»;

атектоничность; децентрализация; фрагментация; незавершенность; криволинейность; случайность; создание драматичных, иррациональных пространств» [Мелодинский 2017, с. 13]. В дальнейшем этот стиль трансформировался в так называемый параметризм — термин был предложен в 2008 г. одним из архитекторов Zaha Hadid Architects Патриком Шумахером. По сути параметризм является собой техногенную вариацию деконструктивизма, в его основу положены идеи о ведущей роли динамизма в архитектурном сооружении, о системности и гибкости архитектурного проекта, об отказе от классических геометрических фигур и тел, а также о повсеместном внедрении компьютерных технологий в архитектурную практику. В духе этого течения в 2012 г. Захой Хадид и был спроектирован Национальный стадион в Токио, фигурирующий в романе. В реальности, впрочем, проект так и не был воплощен в жизнь — сначала в него были внесены многочисленные изменения, негативно сказавшиеся на общем стиле, а затем японские власти и вовсе от него отказались, сославшись на излишнюю дороговизну. Таким образом, «божественным откровением» и ориентиром для Макина Сара становится никогда не существовавший в реальности объект, «модель реального без оригинала и реальности» [Бодрийяр 2015, с. 5], отсылающая к пустому означаемому. Таковы же и основы Токийской башни сочувствия, элемента не воображаемого, но гиперреального плана — она не скрывает своей истинной сущности, но символически воплощает и одновременно разрушает новую реальность. Действительность вокруг Башни словно исчезает: Токио вокруг выглядит или туманным сном в пелене дождя, или и вовсе игрушечным городком, построенным из лего-блоков, Башня же от этого как будто становится все более воплощенной и могущественной, приобретающей собственную личность и сознание. Любопытно, что в одном из внутренних монологов Макина обращается к Башне как к «Нему», ощущая почти физиологическое притяжение, плотское влечение к тогда еще даже не возведенному сооружению — к окружающим людям подобных чувств у нее не возникает. Иронично при этом замечание Макина, которая утверждает, что сама по себе творческая работа в вакууме ее не интересует, а ее рисунки должны служить исключительно для практического воплощения архитектурных идей: «Во что бы то ни стало я хочу быть реальной женщиной... А когда люди входят в построенное мной здание или выходят из него — это для меня наивысшая радость» [Qudan 2024, p. 11].

Токийская башня сочувствия, впрочем, не приносит ей радости — после завершения проекта Макина навсегда оставляет архитектуру и начинает вести затворническую жизнь в связи с угрозой собственной безопасности — реальность оказывается не готова принять в себя этот инородный элемент — а в финале романа и вовсе предвидит скорое разрушение башни.

Homo miserabilis и новая этика

Кто же те люди, кому предстоит войти в построенную героиней башню? Один из героев романа, социолог Сэто Масаки, подробно пишет о них в труде, по сюжету впервые изданном в 2010-х гг. Основная идея его заключается в том,

что никто не рождается преступником — главным источником криминала становится среда, в которой воспитывается и живет человек, а сам социум и побуждает людей к совершению преступлений. Благоприятное окружение воспринимается Сэто Масаки как привилегия, которой обеспечены лишь самые удачливые; преступники же, по его мнению, зачастую сами являлись жертвами в прошлом. Таким образом, меры, которые применялись по отношению к преступникам в прошлом, в глазах Сэто Масаки выглядят неприемлемыми, так что он придумывает учреждение нового образца — Башню. Интересно, что, как и Макина, на это его вдохновляет постройка олимпийского стадиона по проекту Захи Хадид.

Подробности внутреннего устройства Башни демонстрируются в романе посредством фигуры «Другого», скандально известного американского журналиста Макса Кляйна, в 2030 г. прибывающего в Японию, чтобы написать статью о грандиозном сооружении. Кляйн — инородный, внешний элемент в сложной системе взаимоотношений Башни, Макина Сара и японского общества; будучи иностранцем он по определению не может вписаться в гомогенный, закрытый японский социум, при этом Кудан Риэ постоянно дополнительно подчеркивает его многочисленные отрицательные качества: неряшливость, развязность, конфликтность, незнание японского языка и даже неприятный запах, исходящий от его тела. На его фоне Башня выглядит стерильным, идеалистичным пространством, но одновременно с этим именно Кляйн оказывается тем, кому под силу подсветить темные, пугающие элементы жизни в ней.

«Башня смотрит на вас, точно Большой Брат» [Qudan 2024, p. 93], — в оруэлловском духе отмечает Кляйн в самом начале своего знакомства с Токийской башней сочувствия. Башня возвышается над парком Синдзюку-гёэн в самом сердце Токио, а ступени, ведущие к ней, странным образом становятся излюбленным местом отдыха для семей с детьми и влюбленных парочек. Вскоре Кляйн попадает уже внутрь сооружения, а его проводником становится Такуто, друг Макина, теперь служащий тюремщиком в Башне. Кляйна поражает его безупречная красота и манеры — впрочем, еще более впечатляющим оказывается тот факт, что в Башне становится невозможно по внешнему облику различить, кто именно находится перед вами — преступник или обслуживающий персонал. Вдвойне странно, что в такой обстановке никто не пытается совершить побег, напротив, никто из *Homo miserabilis* не желает покидать Башню, даже когда подходит к концу срок их заключения. Все внутри Башни устроено сообразно их потребностям и интересам, а самым популярным местом становится знаменитая «Небесная библиотека», хранилище книг, расположившееся на самом верхнем уровне сооружения, «чтобы *Homo miserabilis*, вознесшись к небесам, не забывали и о земных словах» [Qudan 2024, p. 113]. Поселиться в Башне можно, лишь пройдя «тест на сочувствие» — своего рода оммаж то ли тесту на репликанта из вселенной кинофильма «Бегущий по лезвию» (*Blade Runner*, 1982 г., реж. Ридли Скотт) и его продолжения, то ли и вовсе тесту Тьюринга, учитывая тесную связь персонажей романа с искусственным интеллектом, который, помимо всего прочего, и оценивает результаты этого опроса:

- Подвергались ли вы насилию со стороны родителей? — Да Нет Не знаю.

- Доводилось ли вам находиться в затрудненном материальном положении? — Да Нет Не знаю.
- Ощущали ли вы когда-нибудь, что внешне во многом уступаете окружающим? — Да Нет Не знаю.
- Хотелось ли вам стать другим человеком? — Да Нет Не знаю [Qudan 2024, p. 101].

Главной же заповедью жизни в Башне, сформулированной Сэто Масаки, становится практически принудительное счастье для всех ее обитателей. Достижение его видится во всеобщем равенстве и безоговорочном отказе от каких бы то ни было оценочных суждений в отношении *Homo miserabilis*:

Первое. Слова должны использоваться лишь для того, чтобы сделать счастливыми окружающих или самого себя.

Первое. Слова, что не приносят счастья ни окружающим, ни самому себе, должны быть забыты [Qudan 2024, p. 115].

Что это, если не утопия грядущего века, достижение всеобщего равенства и взаимоуважения, рождение новой этики? Можно сказать, что Башня, по определению Э. Садена, оказывается «продвинутым средством для *внешне доброжелательного и покровительственного алгоритмического сопровождения жизни*» [Саден 2025, с. 20], фактически распространяющим свое влияние и на внешний мир. На практике, однако, идеология Башни оборачивается скорее дистопией, мрачным предсказанием будущего, в конечном итоге не принося счастья ни одному из персонажей романа. Макина Сара, физически воплотившая ее в пространстве, навечно заперта в тюрьме собственных мыслей, раз за разом возвращающих ее к моменту, когда она сама стала жертвой преступления — в старшей школе ее изнасиловал парень, с которым они встречались, при этом он не только не понес наказания, но и не подвергся осуждению со стороны окружающих. Такуто, выросший в неблагополучной семье, бесконечно испытывает на себе разрушительное влияние матери-преступницы, сепарироваться от которой не может, даже став взрослым. Заточив и себя, и мать в Токийской башне сочувствия, он понимает, что мотивы его поступка шатки, что Башня — пугающее место, вызывающее лишь мысли о разрушении, гиперреальный объект, пересекающий границы физического и внедряющийся в его сознание, «желающий его», нездорово влекущий к себе. Изменение его внутренней сущности, утрата самости акцентируется, в том числе, сменой написания имени — от стандартного для японского языка иероглифического начертания (拓人) к *катакана* (タクト)¹ в последней трети романа. Наконец, апофеозом новой этики *Homo miserabilis* становится судьба ее создателя, Сэто Масаки. Вскоре после открытия Башни неизвестный убивает социолога в саду его собственного дома. Идеолог «новой этики», который позиционировал самого себя продуктом и выразителем грядущей прогрессивной эпохи, — это также читается в его говорящем имени, на контрасте с Макина Сара подчерк-

¹ «Такт», «тактичность». Говорящее имя героя намекает на его умение грамотно подбирать слова сообразно новым понятиям о тактичности и толерантности, в отличие от Макина Сара, которой слова доставляют лишь страдания.

нута записанном *катакана*, — оказывается уничтожен одним из *Homo miserabilis*. Примечательно, что слова, которым Сэто Масаки придает буквально сакральный смысл, в конечном итоге оказываются бесполезны — убийца, одержимый навязчивой идеей, не понимает ничего из того, что пытается внушить ему испуганный Сэто, да и сам социолог в минуту отчаяния полностью забывает о равенстве, справедливости и счастье, что должны быть заключены в речи каждого, в весьма грубой форме приказывая незваному гостю покинуть пределы своего сада. «Что же вы все время пытаетесь скрыть за этими бесконечными новыми словами?» — бесцельно вопрошает ужасающийся и одновременно восхищенный Токийской башней сочувствия Макс Кляйн. «И что останется от вас, японцев, если, предположим, вы окончательно откажетесь от собственного языка, от своих слов?» [Qudan 2024, p. 106]. Искать ответы ему остается лишь у Макина Сара, которая к этому моменту и сама проходит необратимую личностную трансформацию.

Макина или машина?

— Ты хоть понимаешь, насколько сам неграмотен?

— Вы не правы. Я — ИИ-модель, работающая с текстовой информацией, так что неграмотным меня назвать нельзя [Qudan 2024, p. 19].

Так звучит один из первых в романе диалогов главной героини, Макина Сара, и искусственного интеллекта AI-built, ее извечного собеседника и оппонента. Беседа буквально была перенесена автором из реальности в литературный мир «Токийской башни сочувствия»: как и ее героиня, Кудан Риэ много времени провела за общением с прототипом AI-built, ChatGPT.

ChatGPT не только помог Кудан Риэ с репликами ИИ в тексте романа, но и, как отмечает сама писательница, стал источником вдохновения для произведения в идейном плане. Нашуывая основу для сюжета, она спросила у ChatGPT, как в современной реальности можно было бы заменить слово «тюрьма», чтобы наименование отвечало новым ценностям, на что ИИ предложил ей целую подборку понятий, от «учреждения позитивной реабилитации» до «центра вторых шансов» [Shimada 2024]. Название «башня сочувствия», вошедшее в финальный текст романа, в конечном итоге было придумано самой Кудан Риэ, однако больше всего в ответе ChatGPT ее поразили тот факт, что абсолютно все предложенные варианты представляли собой заимствования, записанные азбукой *катакана* (диалог велся на родном для писательницы японском языке). Именно с этого момента автор, а вслед за ней и Макина Сара, начинают задумываться о том, как «хлынувший поток беспечных, поверхностных слов в итоге развращает наше общество» [Shimada 2024].

Подарившая жизнь Токийской башне сочувствия Макина Сара — женщина-архитектор за тридцать, ведущая уединенный образ жизни, сконцентрированная на собственном внутреннем состоянии и практически утратившая связь с объективной реальностью, — вполне типичная социофобная, потерянная, как определяет подобных персонажей Л.Ю. Хронопуло [Хронопуло 2009, с. 111], героиня современной японской прозы. Макина ведет размеренное, ничем не при-

мечательное существование, ее единственная страсть — архитектура, да и та по большей части — лишь способ ухватить «ускользающую реальность», попытка управлять изменчивой действительностью. По собственному признанию, Макина стремится обладать красивыми вещами и одновременно разрушать их, при этом в ее сознании понятие «архитектуры» обретает широкий, во многом философский смысл — она понимает под ней весь окружающий мир, включая людей. Эта же страсть, однако, и пугает героиню, а в финале романа она и вовсе отказывается от занятия архитектурой, что, впрочем, не слишком на ней сказывается.

Единственной константой, определяющей мир Макина Сара, на протяжении всего романа остаются слова. Поэтому неудивительно, что индивидуальность Макина подсвечивается в тексте лишь в ее диалогах, взаимодействии с другими персонажами — между подобными интеракциями она будто стирается из реальности, временно переставая существовать. «Собеседники» Макина многочисленны и каждый открывает в ней свою сторону личности. Наиболее яркими представлены в романе три своеобразных «антипода» героини — Такуто, Сэто Масаки и Макс Кляйн.

Такуто — чуть ли не единственный человек, к которому Макина Сара испытывает симпатию и теплоту. Он гораздо моложе ее, раньше работал консультантом в дорогом магазине одежды, где они и познакомились с главной героиней. Основное качество, определяющее Такуто в глазах окружающих, — это внешняя красота. «Такуто красивее, чем манекен», — так отмечает Макина идеальность, холодность его наружности [Qudan 2024, p. 25]. Впрочем, внутренний мир Такуто не вяжется с этим внешним безупречным проявлением: его тревожит и собственная бедность, и мнение окружающих о нем, наконец, над ним неотступно нависает тень неблагополучной семьи — матери-преступницы, отсутствующего отца и себя самого как нежеланного ребенка. Такуто — полная противоположность Макина, а их коммуникация во многом представляет собой противопоставление юного поколения, выросшего уже полностью в среде информационного общества и новых технологий, и более взрослого, молодость которых пришлось на девяностые и начало двухтысячных. «Во времена постмодерна человек читал, смотрел, слушал, как и раньше. В условиях псевдо-модерна человек звонит, кликает мышкой, нажимает на кнопки, серфит в сети, выбирает, двигает, загружает» [Kirby 2013, p. 3]. Такуто раздражает заикливость Макина на «словах», он постоянно отмечает, что та «слишком много говорит», но одновременно и сочувствует ей, живущей в «аду слов» [Qudan 2024, p. 48, 63]. Сам же Такуто, совершенно в духе современных молодых японцев, не в силах прочесть длинный ряд иероглифов — иронично, при этом, что именно он придумывает новое название для Башни, «То:кё:то до:дзё:то:», калькированный перевод на японский язык американизированного сочетания Tokyo sympathy tower. Именно это неофициальное наименование в итоге станет наиболее распространенным в мире романа и даже даст ему название. Идеально симметричное с точки зрения японского языка (по количеству слогов и повторению моры *то*, в первом случае имеющей значение «столица, город», а во втором, с удлинением, — «башня») имя Башни являет собой выражение эстетического совершенства в восприятии Такуто — соразмерности, гармонии, толерантности, следования правилам. «Так бы и Вавилонская

башня не развалилась», — подчеркивает он в одной из своих многочисленных дискуссий с Макина [Qudan 2024, p. 65]. Для Такуто деконструктивистский стадион Захи Хадид — глыба бетона, на которую ушло чересчур много средств, а Макина Сара — несчастная женщина, заслуживающая сочувствия, но одновременно и бесконечно привлекающая его внимание, главный же проект Макина, Башня, вызывает у него лишь мысли о разрушении.

Сэто Масаки, второй антипод Макина, на протяжении всего романа так и не вступает с ней в прямое общение. Тем не менее в ходе работы над своим архитектурным проектом и в беседах с Такуто Макина не раз высказывает критику идей Сэто, начиная от искусственности термина *Homo miserabilis* и заканчивая сомнительностью его концепции с точки зрения морали в целом. Гораздо более активная коммуникация случается у Макина с третьим антагонистом, Максом Кляйном. Выше уже было упомянуто о подчеркнуто явном барьере между ними, о противопоставлении неприятного с любой точки зрения иностранца Кляйна и эксцентричной, но все же принадлежащей к японскому социуму, а значит, «своей» Макина Сара. Наибольший же интерес вызывает одна из реплик Кляйна, которая фактически знаменует апофеоз начавшегося еще раньше внутреннего перерождения главной героини. “Ms. Machina?” — так Кляйн с ошибкой транскрибирует фамилию Сара, к этому моменту уже мало отличимой от ИИ AI-built, еще одного своего «вечного» собеседника. Макина, в начале романа желающая «быть настоящей женщиной» и вступающая в постоянную полемику с AI-built, к концу приходит к осознанию того, что они с ИИ есть «одно и то же, и все-таки в чем-то мы разнымся» [Qudan 2024, p. 120] — она так же одинока и изолирована. Она испытывает потребность в общении, но неспособна удовлетворить ее после окончания строительства Башни, прекращения профессиональной деятельности (которая, впрочем, тоже сближает ее, скорее, с машиной — «архитекторы работают с экраном, с дигитальными операциями, что, кажется освобождает их от естественного языка...» [Архитектура и философия 1986, с. 132]) и вынужденного затворничества в связи с протестами населения против чужеродного сооружения; существует в мире слов и бесконечного внутреннего монолога. Это отмечает еще Такуто в первой трети романа, сравнивая подругу с AI-built и одновременно рассуждая о том, что ИИ, как ни странно, вызывает у него сочувствие, хоть это и не имеет никакого смысла. С течением времени ее физиологические функции постепенно механизмируются и виртуализируются — теперь она, по собственному замечанию, «выключает РС и питание мозга» [Qudan 2024, p. 134] — подобное ее состояние тревожит даже AI-built, который заявляет, что настолько сомневаться в собственном существовании вредно. Можно сказать, здесь рождается то, что Э. Саден называет «нежизнеспособной субъективностью», отмечая, что со все большим вовлечением ИИ в человеческую деятельность, прежде всего в производство языка, все сильнее ускоряется процесс «отрицания фундаментальных основ человеческого существа» [Саден 2025, с. 205], что происходит и с героиней романа Кудан Риэ.

Финал романа — апофеоз трансформации Макина, приобретающей черты практически божественного акта. Как и многие другие герои современной японской литературы, она предпринимает последнюю отчаянную попытку связаться

с ускользающей реальностью — встретиться с Такуто, но тот больше не может покинуть Башню по ее первому зову, поэтому ей остается лишь стоять под дождем у ее стен, наконец-то по-настоящему встретившись со своим творением лицом к лицу. Эта точка, однако, отличается от позиций многих ее предшественников и современников. Не происходит здесь классической «смерти автора» — «исчезновения всякой самотождественности, и в первую очередь, телесной...» [Барт 1989, с. 384]. Неспособна оказывается героиня и построить характерную для современной японской литературы «персональную утопию», будь то пространство любви или «личный миф» с поиском собственных семейных и исторических корней [Нумано 2003, с. XV—XX]. Ее образ жизни и постоянное общение с AI-built предоставляют ей шанс на создание «“личной вселенной”, в которую при желании можно никого не допускать и вообще прекратить всякую коммуникацию... нормализовать псевдоаутистическое состояние не-социализации и не-коммуникации» [Павлов 2018, с. 209], шанс на полное погружение в виртуальную среду и пересмотр границ собственного существования, но и им в итоге она не в состоянии воспользоваться. Глядя на Башню и ясно осознавая ее неизбежный грядущий конец, Макина воспринимает «постмодерновый опыт конечности, опыт, в котором находит свое отражение обреченность всех завоевательных планов» [Архитектура и философия 1986, с. 136]. Сама же она переходит в абсолютно иное состояние бесконечно длящегося бытия в ее новом качестве, точно перешедший в состояние нирваны Будда Шакьямуни, в духе собственного имени: в японском языке слово *sara* 沙羅 обозначает дерево сал (иначе шорея исполинская), так или иначе связанное с важнейшими событиями жизненного пути Будды: по одной из легенд, он появился на свет под деревом сал; чаще считается, что Будда лежал между двумя деревьями шореи, когда заканчивал свое земное существование. Дерево сал в буддизме также является универсальным символом быстротечности бытия и преходящей сущности всякого великолепия. Впрочем, новое рождение Макина ознаменовано в тексте романа не только буддийской традицией — прохожие на улице, с удивлением узнавшие в вынырнувшей на поверхность из виртуальной реальности и застывшей перед Башней фигуре знаменитую женщину-архитектора («Смотри, это она!»), в восприятии Сара обращаются к ней знаменитым библейским высказыванием «Се человек», произнесенным Понтием Пилатом в отношении Христа и подразумевающим сострадание к испытываемому мучения. Так, в муках в измерении вечности появляется на свет «новый человек» — то ли очередная версия Homo miserabilis, то ли нечто принципиально иное, в условиях современного развития информационных технологий и изменений в обществе ставящее под сомнение вопрос о «человеческой природе» в целом и предлагающее другие ответы на новые вызовы. Мифологизируя собственную природу, Макина Сара сама по себе становится источником нового мифа, лабиринта с множественностью путей и выбора, исключающего возможность всеобщей универсализации и деконструирующего Токийскую башню сочувствия как воплощение этой универсализации, как средство, своими «навязчивыми идеями» всеобщего счастья и стерильного равенства «спешно ликвидирующего разрыв, разделяющий любого человека и любую вещь, и устанавливающий порядок всеобщего автоматического приведения к соответствию» [Саден 2025, с. 13].

Библиографический список

Архитектура и философия. Интервью с Жаком Дерридой // Беседа. 1986. № 4. С. 118—137.

Барт Р. Смерть автора / пер. с фр. С.Н. Зенкина // Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс. 1989. С. 384—391.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ. 2015.

Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен / пер. с фр. и комм. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina. 2012.

Мелодинский Д.Л. Художественная практика архитектуры параметризма: восторги и разочарования // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2017. № 4 (41). С. 6—23.

Мещеряков А.Н. Зарождение концепции «душа слова» (*котодама*) в древней Японии // *ШАГИ/STEPS*. 2015. 1 (1). С. 10—18.

Найман Е.А. Язык, мысль, архитектура и божественное начало сквозь призму принципа дополнительности в мифе о Вавилонской башне у Ж. Деррида // *Методология науки*. 2000. Вып. IV. *Методология дополнительности: синтез рациональных и внерациональных методов и приемов исследования*. С. 22—30.

Нумано Мицуюэси. От литературы «J» к литературе «W». Некоторые тенденции современной японской литературы / пер. с яп. А.Н. Мещерякова // *Теория катастроф. Современная японская проза* / Сост. Нумано Мицуюэси. М.: Иностранка. 2003. С. VII—XXIV.

Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: Диджимодернизм : рецензия на книгу Алана Кирби // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 11. № 2. С. 197—212.

Саден Э. Среди призраков. Рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта / пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. 2025.

Хронополо Л.Ю. Потерянный герой японского рассказа конца XX — начала XXI вв. // *Вестник СПбГУ*. 2009. Сер. 13. вып. 3. С. 108—112.

References

Arkitektura i filosofiya. Interv`yu s Zhakom Derridoi [Architecture and Philosophy. An Interview with Jacques Derrida]. (1986). *Beseda* [The Conversation], 4, 118—137. (In Russian).

Barthes, R. (1989). *Smert' avtora* [The Death of the Author]. In R. Barthes, *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics] (pp. 384—391). Moscow: Progress. (In Russian).

Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Moscow: “POSTUM” publishing house. (In Russian).

Derrida, J. (2012). *Vokrug Vavilonskikh bashen* [Around the Towers of Babel]. Saint Petersburg: Machina. (In Russian).

Khronopulo, L.Yu. (2009). Poteryannyi geroi yaponskogo rasskaza kontsa XX — nachala XXI vv. [The Lost Character of Japanese Short Stories at the End of the 20th — Beginning of the 21st centuries]. *Vestnik SPBGU* [SPbSU Bulletin], Series 13, 3, 108—112. (In Russian).

Melodinskii, D.L. (2017). Khudozhestvennaya praktika arkhitektury parametrizma: vostorgi i razocharovaniya [The Artistic Practice of the Parametric Architecture: Delights and Dissapointments]. *Architecture and Modern Information Technologies*, 4 (41), 6—23. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2015). Zarozhdenie kontseptsii «dusha slova» (kotodama) v drevnei Yaponii [The Origin of the Concept of “Word Soul” (*Kotodama*) in Ancient Japan]. *SHAGI* [Steps], 1 (1), 10—18. (In Russian).

Naiman, E.A. (2000). Yazyk, mysl', arkhitektura i bozhestvennoe nachalo skvoz' prizmu printsipa dopolnitel'nosti v mife o Vavilonskoi bashne u Zh. Derrida [Language, Thought, Architecture and the Divine Through the Prism of the Principle of Complementarity in the Myth of the Tower of Babel in J. Derrida]. In *Metodologiya nauki* [Methodology of Science], IV. *Metodologiya dopolnitel'nosti: sintez ratsional'nykh i vneratsional'nykh metodov i priemov issledovaniya* (pp. 22—30). (In Russian).

Numano, M. (2003). Ot literatury «J» k literature «W». Nekotorye tendentsii sovremennoi yaponskoi literatury [From Literature “J” to Literature “W”. Some Tendencies of Contemporary Japanese Literature]. In *Teoriya katastrof. Sovremennaya yaponskaya proza* [The Theory of Catastrophes. Contemporary Japanese Fiction] (pp. VII—XXIV). Moscow: Inostranka. (In Russian).

Pavlov, A.V. (2018). Obrazy sovremennosti v XXI veke: Didzhimodernizm: retsenziya na knigu Alana Kirbi [Images of Modernity in the 21st Century: Digimodernism: A Review of the Book by Alan Kirby]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Philosophy. HSE Journal], 11 (2), 197—212. (In Russian).

Sadin, É. (2025). *Sredi prizrakov. Rassuzhdenie ob epokhe metavselennoi i generativnogo iskusstvennogo intellekta* [Among the Ghosts. A Reflection on the Age of the Metaverse and Generative Artificial Intelligence]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh's publishing house. (In Russian).

* * *

Kirby, A. (2013). The Death of Postmodernism and Beyond. *Philosophy Now*, 58. Retrieved from philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond

Qudan, R. (2023). *Tōkyōto dōjōtō* [Tokyo Sympathy Tower]. Tokyo: Shinchōsha. (In Japanese).

Shibasaki, A. (2017). Translation, Culture and Humanity: Implications of the Thought and Theory of Akira Yanabu for Advancing the Study of Global Relations. *Journal of Global Media Studies*, 21, 41—52.

Shimada, N. (2024). AI ga “unda” Akutagawashō “Tōkyōto dōjōtō” tanjō hiwa-wo sakka ga akasu [The Akutagawa Prize Winner Born by AI. The Secret History of “Tokyo Sympathy Tower” Creation Told by the Author]. NHK interview with Qudan Rie. Retrieved from URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20240206/k10014344981000.html> (In Japanese).

Поступила в редакцию: 16.07.2025

Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 16 July 2025

Accepted: 21 July 2025

Н.Н. Трубникова

Ранняя история японского буддизма в «Самбо:э»

Аннотация. Сборник «Рассказы с картинками о Трех Сокровищах» Минамото-но Тамэнори («Самбо:э», 984 г.) на разнообразных поучительных примерах показывает, как почитают Будду, его учение и монашескую общину; книга составлена мирянином и обращена к мирянке, готовящейся принять монашество. Повествователь соединяет наставления и цитаты из книг буддийского канона с историческими очерками, по большей части в них речь идет о том, как в Японии появились и закрепились буддийские обряды и обычаи. Материалом служат более ранние поучительные рассказы *сэцува*, а также государственные летописи *кокуси*, распоряжения двора *кяку*, храмовые предания *энги*, отдельные жизнеописания монахов *бэцудэн*, наряду с китайским энциклопедическим сочинением о буддизме «*Фаюань чжулинь*», откуда взято большинство цитат из сутр, собственно сутрами (прежде всего «Лотосовой») и некоторыми другими каноническими текстами. Последовательного изложения исторических сюжетов в «Самбо:э» нет; есть четыре рассказа о выдающихся людях древности и серия преданий о чудесах сутр, а также обзор годового цикла обрядов, куда включены жизнеописания людей, впервые проводивших эти обряды в Японии. Начало истории японского буддизма здесь полагает Сё:току-тайси на рубеже VI—VII вв., более ранние события оставлены в стороне. Особенно подробно прослежена деятельность наставников школы Тэндай IX в. — Сайтё: и его ближайших учеников. Для некоторых важнейших обрядов исторических экскурсов не дано — вероятно, потому что основателей они не имели, японская община усвоила их сама, подражая общине материковой. Для изучения истории буддизма книга Тамэнори интересна прежде всего тем, какие именно сведения об усвоении Закона Будды в Японии и становления общины отобраны для обучения знатной особы и занимательного чтения. Статья описывает подход Тамэнори к изложению предыстории и истории обрядов, сопоставляет его трактовку начального этапа японской буддийской традиции с версиями из других собраний рассказов *сэцува*, дает перевод одного из рассказов об обряде (свиток третий, рассказ 31), разбор его структуры, а также обзор исторических эпизодов «Самбо:э».

Ключевые слова: буддизм в Японии, «Самбо:э», Минамото-но Тамэнори, история буддизма.

Автор: Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (адрес: 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1). ORCID: 0000-0001-6784-1793. E-mail: trubnikovann@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трубникова Н.Н. Ранняя история японского буддизма в «Самбо:э» // Японские исследования. 2025. № 3. С. 144—164.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-144-164.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00782, URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00782/>

N.N. Trubnikova

Early history of Japanese Buddhism in *Sanbōe*

Abstract. *The Three Jewels* by Minamoto no Tamenori (*Sanbōe*, 984) shows, through a variety of didactic examples, how the Buddha, his teachings, and the monastic community are revered; the book was written by a layman and addressed to a laywoman preparing to take monastic vows. The narrator combines tales and quotations from books of the Buddhist canon with historical essays, mostly dealing with how Buddhist rites and customs appeared and took hold in Japan. The material is provided by earlier *setsuwa* tales, as well as *kokushi* state annals, *kyaku* court orders, *engi* temple legends, *betsuden* biographies of monks, along with the Chinese encyclopedic work on Buddhism *Fayuan Zhulin* (from which most of the quotations from the sūtras are taken), as well as the sūtras themselves (primarily the *Lotus Sūtra*) and some other Tripitaka texts. There is no consistent presentation of historical plots in *Sanbōe*; there are four stories about outstanding people of antiquity and a series of legends about the miracles of the sūtras, as well as an overview of the annual cycle of rituals, which includes biographies of the people who first performed these rituals in Japan. The beginning of the history of Japanese Buddhism here is attributed to Shōtoku-taishi at the turn of the 6th — 7th centuries, while earlier events are left aside. The activities of the 9th century Tendai school teachers, Saichō and his closest disciples, are traced in particular detail. For some of the most important rites, historical excursions are not given, probably because they had no founders; the Japanese community adopted them by itself, imitating the mainland community. For studying the history of Buddhism, *Sanbōe* is particularly interesting, as it reveals what information regarding the adoption of the Buddhist Dharma in Japan and the formation of the Sangha was selected for teaching a noble person and for entertaining reading. The article describes Tamenori's approach to presenting the prehistory and history of rites, compares his interpretation of the initial stage of the Japanese Buddhist tradition with versions from other *setsuwa* collections, provides a translation of one of the stories about a rite (3—31), an analysis of its structure, and an overview of the historical episodes of *Sanbōe*.

Keywords: Buddhism in Japan, *Sanbōe*, Minamoto no Tamenori, history of Buddhism.

Author: Trubnikova Nadezhda N., DSc in Philosophy, Leading Researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (address: 119571, Moscow, Vernadskogo Av., 82, Bldg. 1). ORCID: 0000-0001-6784-1793. E-mail: trubnikovann@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Trubnikova, N.N. (2025). Rannyya istoriya yaponskogo buddizma v «Sambo:э» [Early history of Japanese Buddhism in *Sanbōe*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 144—164. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-144-164.

Acknowledgements. The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 25-28-00782, URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00782/>.

Введение: тройственный подход Минамото-но Тамэнори как рассказчика

«Рассказы с картинками о Трех Сокровищах» (三宝絵詞, «Самбо: экотоба», или 三宝絵, «Самбо:э», 984 г.) не сообщают о временах усвоения буддизма в Японии почти ничего такого, что не было бы известно из более ранних текстов — летописей, храмовых преданий и других. О достоверности этого источника в современном смысле слова говорить не приходится: перед нами сборник поучительных рассказов в жанре *сэцува*, важнейшее место в нем занимают чудеса, именно они особенно тщательно датированы и подкреплены свидетельствами. При этом в задачи сборника не входят исторические изыскания как таковые, даже если бы это была «история чудес». Главная задача здесь — познакомить читательниц, принцессу Сонси (尊子内親王, 966—985) и дам ее свиты, с «Тремя Сокровищами» буддизма, то есть с Буддой, его Законом и общиной, предложить им полезное и интересное чтение (а также, видимо, подборку иллюстраций, она не сохранилась). Интересен сборник прежде всего тем, какие сведения отобрал составитель, книжник-мирянин Минамото-но Тамэнори (源為憲, 941?—1011), и как их расположил, а еще тем, каков его взгляд на историю вообще, на связи прошлого с настоящим. Об изложении основ буддийского учения в «Самбо:э» см.: [Трубникова 2025]; в этой статье я хочу обсудить картину истории буддизма в Японии в книге Тамэнори. Я пользуюсь изданиями [Sanbo 1997; Sanbo web]; комментируя рассказы, я многие сведения беру из примечаний к английскому переводу Эдварда Каменса [Kamens 1988].

Из предисловия к книге мы узнаем дату ее создания: минуло 1933 года с тех пор, как Будда ушел в нирвану. Тем самым задается широкий исторический контекст, не исключительно японский; события в Индии, Китае, во всем буддийском мире для него тоже значимы. Дата важна и с другой точки зрения: близится конец второго тысячелетия буддийской хронологии, «немного лет продлится еще век подобия Закона» — а потом настанут «последние времена», когда следовать Закону Будды станет совсем трудно, так что надо спешить, пользоваться пока еще неплохими, хотя и не лучшими, условиями. Тамэнори берет дату нирваны Шакьямуни, вычисленную китайскими буддийскими историками: 949 г. до н.э. С современными датировками эпохи Будды (VI—V вв. до н.э.) она сильно расходится; согласно ей, Будда жил заведомо раньше Лао-цзы и Конфуция, во времена образцового во всех отношениях царства Чжоу. Праведность чжоуских нравов, если смотреть с буддийской точки зрения, хорошо соотносится с тем, что в ту пору в мире пребывал Будда¹. Тот же 949 г. до н.э. (время правления чжоуского Му-вана 穆王) будут упоминать многие японские авторы, но почти всегда в контексте рассуждений об уже наставшем «конце Закона»; «Самбо:э» — одно из немногих японских сочинений, относимых к веку «подобия».

¹ О вычислении сроков «конца Закона» в китайском и японском буддизме см.: [Stone 1985; Трубникова 2012]. Встречается и другая дата нирваны — 609 г. до н.э.; эпоха «правильного Закона» оценивается или в 500, или в 1000 лет, «подобия Закона» — в 1000 лет.

Сборник делится на три свитка. Первый, отведенный Будде, расширяет контекст повествования еще больше: речь идет в основном о прежних жизнях Шакьямуни, то есть о совсем далекой древности. Здесь уже виден подход Тамэнори: рассказать о Будде — значит обсудить деяния его прошлых рождений, те деяния, благодаря которым он в итоге достиг просветления. Суть этого подхода можно назвать дидактической: примером для знатных читательниц выступает не Будда как великий подвижник, а царевич, или сын вельможи, или даже зверь, кому еще только предстоит — но непременно предстоит! — стать Буддой. Жизнь этого существа понятнее, чем жизнь аскета и учителя, уроки ее полезны в том числе и для мирской жизни: милосердие, щедрость, упорство в трудах и т. д. Есть в таком подходе и историческая составляющая: нужно знать предысторию событий, без нее непонятна сама история, что хорошо согласуется с буддийской установкой на всеобщую причинную обусловленность. Беспричинных событий не бывает, но предыстория и история разделены — кончиной и новым рождением на уровне отдельного существа, сменой больших эпох на уровне мироздания, так или иначе — границей забвения. Для Будды этой границы нет, ибо он помнит все свои прежние жизни, но получается, что и читатели эту границу преодолевают, то есть приобщаются к знаниям Просветленного. Эту третью составную часть подхода Тамэнори я бы назвала собственно религиозной: читая книгу, люди тем самым приближаются к уровню будд. Это делает сборник рассказов похожим на самосрабатывающие буддийские тексты по образцу сутр: «Кто прочтет эти строки, обретет такие-то блага».

Не возьмусь утверждать, что такому дидактико-религиозно-историческому подходу Тамэнори следует на протяжении всего сборника. Но по большей части следует — и этим объясняется неожиданное для нынешних читателей построение «Самбо:э». Второй свиток повествует об учении Будды, точнее, о том, как оно было передано в Японию. Но здесь мы почти не встретим рассказов о том, как японцы впервые узнали о такой-то сутре или таком-то разделе учения. Свиток делится на две части: рассказы об основателях буддизма в Японии (предыстория) и рассказы о чудесах сутр (эпизоды из истории знакомства японцев с благотворной силой Закона Будды). Третий свиток — об общине — начинается подробным перечнем ее занятий (за что следует чтить монахов и в чем им возможно подражать), а затем описывает буддийские обряды по календарю от начала весны до конца зимы. Здесь не в каждом рассказе, но примерно в двух третях их Тамэнори сообщает, кто провел обряд впервые, приводит отрывки из жизнеописания этого человека (история); почти во всех рассказах он цитирует буддийские тексты, где говорится, как возник этот обряд и какие блага он приносит (предыстория, она же — сам обряд, словно бы проводимый по ходу чтения книги).

Начало буддизма в Японии и чудеса священных книг

Во введении ко второму свитку Тамэнори называет пять периодов, на которые делится проповедь Будды: время «Цветочного убранства», время Оленьего сада (и сутр Агамы), время «сутр для широкого распространения», время сутр

праджня-парамиты, время «Лотосовой сутры» и «Сутры о нирване»¹. После ухода Будды 24 поколения наставников передавали учение, и при ханьском государе Мин-ди (明帝, прав. 58—75 гг. н.э.) оно достигло Китая. Как и многие другие японские авторы, Тамэнори указывает, что в Индии и в Китае ныне буддизм пришел в упадок; ссылается он при этом на записки китайского монаха Сюань-цзана, побывавшего в Индии в VII в. (см.: [Сюань-цзан 2012]), а также упоминает го-нения на буддизм в Китае в VII и IX в. В Японию буддизм пришел при государе Киммэй (欽明天皇, прав. 539—571), и признаков его угасания пока не видно.

Хотя Тамэнори и упоминает Киммэй, начало Закона Будды в Японии связы-вает с деятельностью его внука — царевича Сё:току (聖德太子, традиционные годы жизни 574—622). В рассказ о нем (2—1²) входят следующие эпизоды: чудесный сон матери, из которого ясно, что Сё:току — не кто иной как бодхисаттва Каннон (Авалокитешвара); чудесное рождение царевича; его детство (на втором году жи-зни он уже славит Будду, на седьмом — с почтением слушает сутры, доставленные из страны Пэкче, и просит отца учредить в Японии обычай поститься шесть дней в каждом месяце); встреча с мудрым Илла из Пэкче, который узнает в юном царе-виче бодхисаттву; создание первого в Японии храма и обретение *шарира* — частиц останков Будды; попытка сановников во главе с Мононобэ-но Мория уничто-жить Закон Будды, война с ними, победа и основание храма Ситэнно:дзи близ га-вани Нанива; совершеннолетие и начало государственной деятельности (при го-сударыне Суйко, тетке царевича), встреча с царевичем Аджвой из Пэкче, кото-рый снова подтверждает, что Сё:току — бодхисаттва Каннон; полеты над Японией на чудесном коне; чтение сутр при дворе и основание храма Татиба-на-дэра; приключения вокруг списка «Лотосовой сутры», которую царевич изу-чал в прошлом рождении в Китае (сначала за нею едет посланец, но китайские монахи отдают ему не тот список, и Сё:току сам совершает чудесное путешествие в Китай за своей сутрой); беседа царевича с супругой о скором уходе из мира; встреча царевича с нищим у дороги (они обмениваются песнями, нищий пред-сказывает царевичу славу в веках); чудесная кончина царевича. Затем Тамэнори перечисляет храмы, которые основал царевич, называет и объясняет три его име-ни (Умаядо, Сё:току, Камицумия/Дзё:гу:). В конце указаны источники рассказа: это «Анналы Японии» (日本紀, «Нихон сёки», 720 г.), «Записки о царевиче Камицу-мия», отобранные книжниками рода Тайра (平氏撰聖德太子上宮記, «Хэйси-сэн Сё:току-тайси Дзё:гу:-ки»), видимо, одна из версий «Жизнеописания царевича Сё:току» (聖德太子伝暦, «Сё:току-тайси дэняку», 917 г.?) и «Японские легенды о чудесах» (日本靈異記, «Нихон рё:ики», рубеж VIII—IX вв.); см.: [Нихон сёки 1997; Нихон рёики 1995]. Такие ссылки на источники есть во многих рассказах «Сам-бо:э»; возможно, их вставили или по меньшей мере отредактировали позднейшие

¹ Подробный разбор каждого из периодов см.: [Игнатович 1998]. Из различие введено в трактате Чжи-и «Махаянское прекращение неведения и постижение сути» (摩訶止観, кит. «Мохэ чжигуань», ТСД 46, № 1911, 2с, 90с), в Японии такая периодизация проповеди Будды принята в школе Тэндай.

² Здесь и далее при ссылках на рассказы первая цифра — номер свитка, вторая — номер рас-каза в нем.

переписчики, но показательно уже то, что текст Тамэнори считался требующим подобных ссылок. В дальнейшем многие сборники *сэцува* будут помещать рассказы о Сё:току в самом начале, считая его основателем той традиции, которую они представляют. При этом версии жизнеописания Сё:току в поучительных рассказах можно поделить на две группы: в одних упомянута война с противниками буддизма, в других царевич творит только мирные дела. «Военная» версия входит, например, в «Собрание стародавних повестей» (今昔物語集, «Кондзюку моногатари-сю:», далее «Кондзюку», 1120-е гг., рассказ 1—11)¹; «мирная» — в более ранние «Японские записки о возрождении в краю Высшей радости» (日本往生極樂記, «Нихон о:дзё: гокураку-ки», 985 г., рассказ 1)² и в «Записки о чудесах Лotosовой сутры в великой стране Японии» (大日本国法華経験記, «Дайнихонкоку Хоккэкё:-гэнки», далее «Хоккэ гэнки», 1040-е гг., рассказ 1—1)³. Версия «Самбо:э» вообще одна из самых полных⁴, для последующих рассказов книги она задает модель: какие сведения могут входить в жизнеописание выдающегося человека.

Далее в «Самбо:э» рассказано еще о трех людях древности. Это чудотворец Э-но убасоку, монах Гё:ки и монахиня Сяри. Об Э-но убасоку (役優婆塞), он же Эн-но гё:дзя (役行者) (рассказ 2—2) сказано, что он полагался на Три Сокровища и при этом искал «бессмертных» (仙人, *сэннин*) (то есть подвижничал и как буддист, и как даос), подчинил себе горные божества, один из богов пожаловался на него государю, и в 699 г. чудотворец был отправлен в ссылку. Затем он получил прощение, но покинул Японию; много лет спустя его видели в стране Силла. Ссылки здесь — на «Продолжение анналов Японии» («Сёку Нихонги», 797 г., см.: [Сёку Нихонги 2018]), на «Нихон рё:ики», а также на «Предания о знаменитых монахах страны Японии, составленные мирянином Оно-но Накахиро» (居士小野仲広が撰日本国の名僧伝, «Кодзи Оно-но Накахиро-га сэн Нихонкоку-но мэйсо:дэн»), не дошедшие до наших дней, не сохранились⁵.

Гё:ки (行基, традиционные годы жизни 668—749) в рассказе 2—3 странствует по Японии, строя мосты, плотины и храмы; творит чудеса. Его завистник на время попадает в ад и узнает о своей страшной посмертной участи: Гё:ки идет благим путем бодхисаттвы, и хулить его — большой грех. Когда в городе Нара построили храм То:дайзи, государь Сё:му (聖武天皇, прав. 724—749) пригласил было Гё:ки провести в нем первый обряд, но Гё:ки отказался и отправился в Нанива встречать монаха, который должен прибыть из Индии с тем чтобы провести

¹ Русский перевод М.В. Бабковой, М.С. Коляды и Н.Н. Трубниковой под редакцией А.Н. Мещерякова см. URL: <https://nntrubnikova.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1> (дата обращения: 30.07.2025).

² Частичный русский перевод А.Н. Мещерякова см.: [Японские легенды 1984], остальные рассказы в переводе Н.Н. Трубниковой см. URL: https://88f4395e-9a7b-4477-bd7a-ccf73f736fa0.filesusr.com/ugd/47b776_0bba2e2bc41748e699f3bc84d16e7564.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

³ Частичный русский перевод А.Н. Мещерякова см.: [Японские легенды 1984], остальные рассказы в переводе Н.Н. Трубниковой см. URL: https://88f4395e-9a7b-4477-bd7a-ccf73f736fa0.filesusr.com/ugd/47b776_3bbcca8f1e546239c38eff13a61ccdc.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

⁴ О других изводах жизнеописания царевича Сё:току см.: [Федянина 2025].

⁵ В дальнейшем, отмечено это ссылками или нет, рассказы о знаменитых монахах в «Самбо:э» часто следуют жизнеописаниям-некрологам из государственных летописей; об этом жанре см.: [Родин 2014].

этот обряд. Гё:ки и индеец Бодай (菩提) встречаются на морском берегу и обмениваются японскими песнями, вспоминая, как в далеком прошлом в Индии были учениками самого Будды Шакьямуни; тут-то и выясняется, что Гё:ки — японское воплощение бодхисаттвы Мондзю (Манджушри). Ссылки даны на «*Нихон рё:ики*» и сочинение Оно-но Накахиро. В дальнейшем сборники *сэцува* будут отводить Гё:ки почетное место основателя нескольких буддийских традиций в Японии, причем составители будут стараться обосновать его связи с амидаизмом или почитанием «Лотосовой сутры», в ранних жизнеописаниях неочевидные (см. сетевые публикации, указанные в примечаниях 2 и 3 на с. 149).

В рассказе о монахине-бодхисаттве Сяри (2—4) упомянуты ее чудесное рождение из комка плоти; ранние успехи в изучении сутр («Лотосовой» и «Сутры цветочного убранства»); уход в монахини и дар наставницы; чудесное наказание, постигшее насмехавшихся над ней монахов; выступление Сяри на чтениях «Сутры цветочного убранства», где она посрамила нескольких знаменитых книжников и люди узнали в ней бодхисаттву; примеры похожих чудесных рождений в Индии времен Будды. Ссылка здесь дана только на «*Нихон рё:ики*» (3—19); рассказ для Тамэнори важен, вероятно, потому, что в нем действует женщина и презирают ее именно за то, что она женщина (и напрасно!), хотя о Сяри и говорят, что обычных женских частей тела она не имела.

Следующие тринадцать рассказов взяты из «*Нихон рё:ики*» (обозначу этот источник как *НР*) и описывают чудеса сутр. Имена будд и бодхисаттв, звучащие при чтении «сутр для широкого распространения», исцеляют от глухоты (2—5 = *НР* 1—8). «Лотосовая сутра» спасает рыбака от прижизненного воздаяния (за убийство рыб ему воздалось страшными муками, 2—6 = *НР* 1—11). Монах родом из Пэкче читает в Японии «Сутру сердца праджня-парамиты», и тело его излучает свет, а стены кельи становятся прозрачными (2—7 = *НР* 1—14). Местный начальник в краю Этидзэн получает немедленное наказание смертью за издевательство над мирским подвижником «Сутры о Каннон», она же глава XXV «Лотосовой сутры» (2—8 = *НР* 3—14). За насмешки над чтением «Лотосовой сутры» послушник наказан уродством (2—9 = *НР* 1—19 и 2—18). Ларец для свитков «Лотосовой сутры», по ошибке изготовленный слишком коротким, чудесным образом удлиняется (2—10 = *НР* 2—6). Неправедный монах читает «Лотосовую сутру», и мирянин, пригласивший его к себе в дом, узнает посмертную судьбу своей матери, за грехи возродившейся в теле коровы (2—11 = *НР* 2—15). Сутра, читаемая старухой в краю Ямато (неясно, какая), спасает ее дочь и внуков, живущих в другом краю, от гибели при обрушении их дома (2—12 = *НР* 2—20). Почитание бодхисаттвы Гё:ки и милосердные дела спасают девушку от домогательств змея (ей приходят на помощь крабы, которых она выкупила у торговца и отпустила на волю, 2—13 = *НР* 2—8). Торговец, задолжавший храму, откупается от посланцев из ада, пришедших за ним, угощением и чтением «Алмазной сутры праджня-парамиты» (как отмечает рассказчик, похожие случаи бывали и в Китае, 2—14 = *НР* 2—24). Чтение «сутр для широкого распространения» спасает монаха от происков злодея-зятя, пытавшегося утопить его в море (2—15 = *НР* 3—4). Рыба, купленная для недужного монаха, принимает вид свитков «Лотосовой сутры» на глазах у насмешников, а затем снова обращается в рыбу (2—16 = *НР* 3—6). Обет переписать «Лотосовую сутру» вызывает рудокопа из завала в шахте (2—17 = *НР*

3—13). Большая часть этих историй позже войдет также в «*Кондзюку*», истории о «Лотосовой сутре» — в «*Хоккэ гэнки*»; другие сборники *сэцува* также будут воспроизводить эти или похожие рассказы. Их отбор в «*Самбо:э*», вероятно, служит цели показать, какой бывает польза от Закона Будды: исцеление больных, спасение самого человека или его близких от опасностей, природных или же созданных злой волей людей; избавление от злых чар (как в случае со змеем); наказание обидчиков общины; выяснение и улучшение посмертной участи (опять-таки самого человека или близких ему людей); наконец, помощь в самом почитании Закона Будды (как в случае с ларцом). Преобладают рассказы о «Лотосовой сутре», но так или иначе здесь представлены почти все этапы проповеди Будды, о которых Тамэнори говорил во введении ко второму свитку; только о сутрах Агамы речь здесь не заходит — зато они уже не раз цитировались в первом свитке (где Будда рассказывал о своих прежних жизнях) и еще появятся в третьем (где Будда будет объяснять действенность различных обрядов).

В заключительном рассказе второго свитка «*Самбо:э*» монах по имени Эйко: из города Нара много лет заботился о матери, уделяя ей часть своего рисового довольствия; когда он умер, его сосед по келье, монах Гондзо: (勤操, 758—827) взял на себя заботы о ней и долгое время не сообщал ей о смерти сына; когда же она узнала правду и умерла (в 796 г.), Гондзо: вместе с собратьями по храму учредил ежегодные восьмеричные чтения «Лотосовой сутры» (法花八講, *Хоккэ хакко:*) в память о ней. Такие чтения длятся четыре дня, каждый день по два заседания; «наставники-чтецы» (講師, *коси*) последовательно разбирают все восемь свитков сутры и отвечают на вопросы по каждому свитку. В конце Тамэнори приводит переложение одного из отрывков «Лотосовой сутры» в виде японской песни *вака* — по разным версиям, ее сложили то ли Гё:ки, то ли государыня Ко:мё:, супруга государя Сё:му.

法華經をわが得しことは薪こり菜摘み水汲み仕へてぞ得し

Хоккэ: -о вага эси кото ва такиги кори на цуми мидзу куми цутаэ дзо эси

Сутру о Цветке Закона я обрел, принося хворост,

собирал плоды, носил воду — и мне вручили сутру, и я принял ее!

Вот как сказано в сутре: святой отшельник обещал царю поведать о «Лотосовой сутре», и царь «делал ему всевозможные подношения, собирал плоды, зачерпывал воду, приносил хворост, готовил пищу...» (即隨仙人供給所須。菓汲水拾薪設食。乃至以身而爲床座 ТСД 9, № 262, 34с) [Сутра... 1998, 205]. То, что текст сутры возможно представить в виде песни *вака*, да еще и от первого лица («я обрёл...», *вага эси кото*), особенно ясно показывает: учение Будды в Японии уже укоренилось, стало своим.

Структура календарных рассказов Тамэнори

В третий свиток «*Самбо:э*» вошел 31 рассказ о буддийских обрядах, которые ежегодно справляет японская община¹. В семи из них об основателях обряда в Японии не сказано ничего, в остальных приведены более или менее подробные

¹ Число рассказов равно числу слогов в пятистишии *танка*, и напрашивается мысль, что в календаре Тамэнори зашифрована песня, но, насколько я знаю, ее пока никто не расшифровал.

сведения о том, кто учредил этот обряд, причем 22 рассказа точно или приблизительно указывают даты, когда это произошло.

Рассмотрим в качестве примера последний рассказ свитка (3—31), относящийся к двенадцатому месяцу по лунному календарю. Рассказ этот не из самых длинных в «Самбо:э», но в его структуре есть все основные элементы повествования об обрядах: сообщение о том, как обряд был впервые проведен (со ссылкой на распоряжения двора, летописи или другие документы); выдержки из сутр, где такой обряд предписан; краткое описание того, как его проводят; обсуждение того, какую пользу он приносит (снова со ссылками на сутры); знаменитые стихи, где обряд упоминается.

Имена будд

Обряд возглашения имен будд впервые провел учитель Устава Дзё:ан в начале годов Дзё:ва [834—848 гг.], побудив к тому государя Фукакуса¹. Позже по всей поднебесной был разослан указ, предписывавший всюду проводить этот обряд.

Учитель Устава Дзё:ан решил так: перепишу «Сутру имен будд», перерисую тринадцать тысяч будд и преподнесу ко двору! И тотчас велел переписывать сутру. И тогда же начал рассылать сутру по всем краям. Образы будд еще не были готовы, когда Дзё:ан скончался. Его ученик, монах Кэнго из храма Ганго:дзи, решил: поддержу решимость покойного учителя! Изготовил тринадцать тысяч образов будд на семидесяти двух свитках и поднес ко двору. Во дворце часть свитков поместили в Живописное управление², а остальные раздали чиновникам во все края. Прочитано в «Распоряжениях».

В «Сутре имен будд»³ говорится: если кто-то услышит имена всех будд трех времен, трех калып⁴, или сможет переписать эти имена, или нарисует образы будд, или поднесет им в дар благовония, цветы, потешит их танцами, музыкой, от всего сердца почитит их — то его заслуги будут безмерны. Всюду и всегда такие люди, каковы бы ни были их помыслы, будут встречаться с Тремя Сокровищами. Даже если столкнутся с восемью бедами⁵, станут во время почитания будд сердцем памятовать о буддах, устами возглашать их имена и думать: ныне мы почитаем всех будд и хотим, чтобы мрак трех дорог рассеялся, страна процветала, народ жил в мире, у людей с дурными взглядами проросли корни блага, и хотим, что-

¹ Он же Ниммё:, годы правления 833—850.

² 図書寮, Дзусёрё:, отвечало при дворе за роспись ширм и изготовление живописных свитков.

³ 仏名經, «Буцумё:-кё:», существует в нескольких версиях (ТСД 14, № 440, 446—448); сутра содержит величания «Слава будде [имя]!» и изображения будд. Тамэнори не цитирует сутру дословно, но дает сокращенный пересказ ее введения и заключения (ТСД 14, № 446, 365a—b, 383b).

⁴ Прошлого, настоящего и будущего.

⁵ 八難, хатинан, все восемь препятствуют продвижению по Пути Будды. Это рождение в трех дурных мирах, а именно в «подземных темницах», в мирах «голодных духов» и животных (на «трех дорогах», упоминаемых ниже), а также на небесах, где срок жизни слишком долг; на беспечальном материке Уттаракхуру; в теле слепого, глухого либо немого; в теле мирского мудреца 世智辯聰, сати-бэнсо:, который воспринимает наставления будд предвзято, исходя из собственного учения; в эпоху, когда прежний Будда давно ушел в нирвану, а новый еще не явился.

бы мы вместе со всеми живыми возродились в стране будды Неизмеримого Долголетия¹!

Еще в той же сутре сказано: кто услышит имя будды, пусть всем сердцем почитает его! Не бойтесь ошибиться. Все грехи, накопленные в неизмеримых асамкхья-кальпах², рассеются! Если среди людей кто-то уже не умеет правильно возглашать имена, пусть полагается на запись в этой сутре.

Итак, при обряде возглашения имен будд непременно призывают ведущих наставников. Должностные лица им преподносят широкие одежды на вате, а частным порядком дарят тканые одеяния, таков обычай.

В сутрах Агамы Будда проповедует: «В холодную пору нужно одарить монаха теплой одеждой. Ко времени порадуешь его — в будущем веке получишь такое воздаяние, какого пожелаешь»³.

Вообще, когда дарят людям одежду, плоды воздаяния за это не мелки. И уж конечно, когда одевают монахов, заслуги еще весомее. Поэтому и наставник Санакавасин⁴ родился сразу одетым, и монахиня-бхикшуни Шукла в промежутке между смертью и новым рождением сохранила одежду. И он, и она в прошлых жизнях давали одежду монахам, и за это им воздалось. А когда госпожа Гаутами своими руками сшила одежду и принесла в дар Будде, Будда побуждал ее:

— Если ты помышляешь о милости ко мне и даешь одежду мне, это дело легкое, а если от чистого сердца оделишь одеждой всех монахов, это будет дело весомое⁵!

Обряд возглашения имен будд, должно быть, исполняют и в Китае. Ведь среди стихов Цзюй-и⁶ можно прочесть такие строки:

香火一炉灯一盞

白頭夜礼仏名経

Одна курильница с благовониями, один светильник —

Седовласый старик ночью чит «Сутру имен будд».

По другим источникам известно, что обряд возглашения имен будд (仏名会, *Буцумэ:э*) проводился в Японии еще в начале IX в., но здесь его основателем назван монах Дзё:ан (静安, 789?—844), видимо, первым обративший на этот обряд внимание государя в 835 г.; должность учителя Устава (律師, *рисси*) Дзё:ан получил в 838 г. [Kamens 1988, 367]. Тамэнори уже упоминал Дзё:ан в рассказе 3—18,

¹ 無量寿, Мурё:дзю (Амитаюс), он же Амида (Амитабха), будда Чистой земли.

² Неизмеримо долгих промежутках времени.

³ Сутры Агамы Тамэнори здесь, как и в других случаях, цитирует не напрямую, а по китайскому своду всевозможных сведений о буддизме «Сады Закона, роши драгоценностей» (法苑珠林, «*Фаюань чжулинь*», 668 г., ТСД 53, № 2122, 886а).

⁴ 商那, Сё:на, — ученик Ананды, ученика Будды; его история рассказана в «Преданиях о порядке передачи сокровищницы Закона» (付法藏因緣傳, кит. «*Фу фацзан иньюань-чжуань*», ТСД 50, № 2058, 303b—304с).

⁵ Рассказы о Шукле (鮮白, Сэмбяку) и о том, как госпожа Гаутами (橋曇弥, Кё:домми), тетка Будды, сшила для него одежду, взяты из «*Фаюань чжулинь*» (ТСД 53, № 2122, 557с, 607с).

⁶ Бо Цзюй-и (白居易, 772—846); «*Самбо:э*» — один из первых памятников той японской традиции, которая чтит этого поэта как первейшего в Китае и одного из величайших во всей истории словесности.

где речь шла об омовении статуй будд при дворе. Обряд возглашения имен будд был введен в качестве государственного решением Большого государственного совета в 846 г., позже документы о нем издавались в 852 и 871 гг.; «Распоряжения» (格, «Кяку»), на которые ссылается Тамэнори, — вероятно, подборка, аналогичная «Распоряжениям трех правлений, разобранным по темам» (類聚三代格, «Руйдзю: сандай кяку», XI в.). Монах Кэнго (賢護, годы жизни неизвестны), как и Дзё:ан, принадлежал к традиции школы Хоссо:, его обет относится к 868 г.

В изложении Тамэнори как правило история обряда (японская) предшествует его предыстории (индийской, времен Будды), а за ними следуют примеры благого воздаяния за те действия, которые входят в обряд. Примеры взяты в основном индийские — наиболее надежные, ведь их истолковал сам Будда. Несколько раз в третьем свитке «Самбо:э» Тамэнори повторяет: действия мирян могут казаться очень простыми (сшить одежду, приготовить еды, набрать цветов и т. п.), но последствия их весомы. Это доказывается мощью традиции, что стоит за каждым обрядом. Строки стихотворения нужны для того же самого контраста: одинокий монах, одинокий светильник, дымок курильницы — и многие тысячи имен будд. Как отмечает Э. Каменс [Kamens 1988, 369], стихи эти у Бо Цзюй-и — скорее иронические, но здесь этот их оттенок не берется в расчет.

Основатели обрядов и обряды без начала

Рассмотрим остальные рассказы третьего свитка «Самбо:э» не в календарном порядке, как у Тамэнори, а в условно-хронологическом, ориентируясь на наиболее ранние события из истории Японии, упоминаемые в них. Я буду учитывать не только даты по девизам правления (переводя их в годы по европейскому летоисчислению), но и указания на «время правления государя Такого-то».

Два начинания японской общины заняли особенно много времени. Храм Дайандзи был основан еще при государыне Суйко (推古天皇, прав. 592—628) по обету царевича Сё:току. Потом строительство продолжил государь Дзёмэй (舒明天皇, прав. 629—641), а всего строительством этого храма занималось девять государей. При государыне Ко:гёку, она же Саймэй (孝德天皇/齐明天皇, прав. 642—645 и 655—661) для храма срубили деревья в роще у святилища, боги *ками* в гневе сожгли храм, потом его отстроили заново. Государю Тэнти (天智天皇, прав. 662—671) в пору создания статуи для храма явились небесные девы и подтвердили, что изваяние точно воспроизводит черты Будды: «Должно быть, это оттого, что в твоей стране в сердцах всех живых вера чиста!». Дело продолжили государи Тэмму (天武天皇, прав. 673—686) и Момму (文武天皇, прав. 697—707), которому в чудесном сновидении был дан совет: вместо новых статуй установить в храме зеркало, чтобы в нем отражались и будда, и молящийся. Затем при государыне Гэммэй (元明天皇, прав. 707—715) в 710 г. храм был перенесен в город Нара. Государь Сё:му завершил работу, ему помогал монах До:дзи (道慈, ум. 744), побывавший в Китае в 701 г. и сумевший зарисовать план храма Симинсы в городе Чанань. «В Средней Индии в стране Шравасты обитель Джетавана¹ была по-

¹ Где проповедовал Будда Шакьямуни.

строена по образцу дворца на небе Тушита¹. В Китае храм Симинсы построен (в 658 г.) по образцу обители Джетаваны. А в нашей стране храм Дайандзи построен по образцу храма Симинсы». Закончен храм был в 742 г., а в 745 г. его название Дайкандайдзи (大官大寺, Большой государственный храм) изменили на Дайандзи (大安寺, храм Великого мира). В нем проводят чтения «Большой сутры праджня-парамиты» (大安寺大般若会, *Дайандзи Дайханья-э*) (3—17).

В древности, еще до введения девизов правлений, в год Младшего Металла и Петуха (возможно, в 601 г.) в одно из селений края Ооми наводнение принесло большое дерево. Начался мор, гадатели определили, что болезнь вызвана этим деревом, и некий житель края Ямато дал обет изготовить из него образ бодхисаттвы Каннон. Дерево перенесли в Ямато, на долгие годы забросили, но в 720 г. послушник Токудо: вернулся к работе над изваянием. Ему помогли государыня Гэнсё: (元正天皇, прав. 715—724) и сановник Фудзивара-но Фусасаки (藤原房前, 681—737). В 727 г. статуя была изготовлена, а Токудо: в вешем сне получил весть, где найти камень для постамента. Так был основан храм Хасэ-дэра, одно из главных мест почитания Каннон. Ссылка дана на «Предания о Внимающем Звукам и разные записки» (観音の縁起並び雑記, «Каннон-но энги нараби дзацуки», 733 г.); в храме проводят обряд вручения «заповедей бодхисаттвы» (長谷菩薩戒, *Хасэ-но бо-сацукай*) (3—20).

В 667 г. государь Тэнти жил в краю Ооми и чудом нашел в уезде Сига храм, уже к тому времени ветхий; там жил «бессмертный» (仙靈, *сэнрэй*) в обличье мирянина (как и чудотворец Эн, он именуется упасакой, *убасоку*). Государь перестроил храм, а позже Татибана-но Нарамаро: (橘奈良麻呂, 721—757) выделил средства на то, чтобы там проводили «собрания передачи Закона» 志賀伝法会, *Си-га-но дэмбо:э* (3—10).

Накатами-но Каматари / Фудзивара-но Каматари (中臣 鎌足 / 藤原鎌足, 614—669) в пору болезни обратился за советом к монахине родом из Силла, и она ему указала, что в ее стране недужные читают «Сутру о Вималакирти» и изготавливают образ Вималакирти. Сначала такой обряд проводили в усадьбе Каматари, потом тот скончался и обряд прекратился, но потом заболел его сын Фухито (藤原不比等, 659—720) и гадатели назвали причиной недуга забвение отцовского обряда. Чтения возобновили, несколько раз переносили из одного храма в другой, и наконец, построили храм Ямасина (Ко:фукудзи). Первоначальный храм называли храмом Накатоми, потом Каматари «первым получил прозвание Фудзивара, и с тех пор храм стали называть храмом Фудзивара. Позже многие поколения мудрых правителей все рождались из чрева женщин этой семьи. Многие поколения мудрых сановников выходили из ворот этого дома». В храме проводят «собрание Вималакирти» (山階寺維摩会, *Ямасина-дэра-но Юима-э*) (3—28).

Храм Якусидзи основал государь Тэмму ради исцеления супруги, будущей государыни Дзито:, причем взял за образец дворец драконов (его увидел во сне монах Сорэ (祚連, государев наставник). В 830 г. средний советник Наоё (中納言直世) доложил ко двору, что в этом храме хорошо было бы проводить обряд по «Всепо-

¹ 都率天, То:соцутэн, небо, где пребывают будды перед сошествием на землю.

беждающей царственной сутре золотого света» (薬師寺最勝会, *Якусидзи Сайсё:э*) и обряд был учрежден¹ (3—11).

Бог Явата (Хатиман 八幡), в 720 г. помог государеву войску победить немирных южан *хаято*. Он почитается как великий бодхисаттва, и он же — не кто иной, как древний государь О:дзин (応神天皇). Тамэнори ссылается на указ от 819 г. и на записи семьи Кацуно (勝) о том, как этот бог являл чудеса в разных местах, в том числе в святилище Уса на Кюсю. После замирения *хаято* бог вещал устами своей жрицы: чтобы избавиться от греха убийства, нужно отпустить на волю живые существа; поэтому в его святилище (Ивасимидзу) проводят «отпущение живых» (八幡放生会, *Явата-но хо:дзё:э*) (3—26)².

Внучка Каматари, дочь Фухито, государыня-супруга Ко:мё: (光明皇后, 701—760), была весьма благочестива, создала в городе Нара две молельни, где заботились о больных; именно она побудила мужа, государя Сё:му, построить храм То:дайдзи и учредить сеть поземельных храмов (国分寺, *кокубундзи*). Также она основала храм Хоккэдзи, где (в отличие от других женских обителей) все обряды проводятся силами монахинь, без участия монахов; таково «собрание Цветочного убранства» (法華寺華嚴会, *Хоккэдзи-но Кэгон-э*) для него изготавливают множество кукол, изображающих персонажей сутры, поэтому его еще называют «собранием кукол» (雛の会, *Хихина-но э*) (3—13).

Государь Сё:му решил, что строить храм То:дайдзи на средства из казны будет обременительно для податного народа и объявил по всей стране сбор добровольных пожертвований; он сам и его супруга работали на строительстве храма. Для украшения статуи Большого будды для То:дайдзи не хватало золота, государь молился богу — хранителю Золотых гор (金峯山, Кимпусэн) и бог указал: золото этих гор предназначено для будущего века, а тебе нужно воздвигнуть изваяние Каннон в уезде Сига края Ооми. Сё:му так и поступил (основав в Ооми храм Исияма-дэра), и вскоре в краю Митиноку было найдено золото. На обряде передачи храма То:дайдзи общине присутствовали японские монахи Гё:ки и Ро:бэн (良弁, 689—773), индийцы Бодай и Буттэцу (仏誓), старцы Фусими и Кономото³ и многие другие. Тамэнори ссылается на «Сёку Нихонги» и «Записки храма То:дайдзи» (東大寺の記文, «То:дайдзи-но кимон»); по большей части их сообщения соответствуют «Важным записям храма То:дайдзи» (東大寺要録, «То:дайдзи

¹ Здесь же сказано, что «Собрание Вималакирти», «Собрание Высочайшей постной трапезы» (御齋会, *Мисай-э*) и «Собрание по Всепобеждающей сутре» (最勝会, *Сайсё:-э*) — это три главных буддийских обряда Японии, ведут их одни и те же монахи, и по итогам получают высшие должности в общине.

² Любопытно, что в этом рассказе по сути речь идет не о святилище Уса, а о столичном святилище Ивасимидзу; для рассказчика, видимо, Уса и Ивасимидзу представляются как единое целое. См. о почитании Хатиман: [Дулина, 2018].

³ Старец Фусими (ふしみの翁), по преданиям, жил в городе Нара, слыл безумцем, но Бодай узнал в нем своего ученика, когда-то жившего в Индии, и безумства старика были истолкованы как предвестия строительства То:дайдзи. Старец Кономото (このもとの翁) с корабом, полным рыбы, явился ко храму в день обряда, а государь той ночью видел сон о таинственном пришельце; он пригласил старца вести обряд, и рыба в коробе превратилась в свитки «Сутры цветочного убранства».

ё:року»). Из множества обрядов, проводимых в То:дайdzi, Тамэнори описывает «собрание тысячи цветов» (東大寺千花会, То:дайdzi-но сэнгэ-э) (3—22).

В 754 г. в Японию прибыл Цзянь-чжэнь (鑑真), он же Гандзин (688—763). Рассказ о нем необычен: вначале дано жизнеописание на камбуне, далее несколько иначе оно пересказано на старояпонском. По приглашению японских монахов Гандзин пустился в опасное путешествие в Японию; его ценила государыня Ко:кэн, она же Сё:току (孝謙天皇/称徳天皇), дочь Сё:му и Ко:мё: (прав. 749—758 и 765—770); он исправлял имевшиеся в Японии неточные списки сутр, был сведущ во врачевании и гадании. Гандзин впервые провел обязательный по монашескому уставу «сбор общины» (布薩, Фусацу) (3—5).

С 768 г. при дворе проводят обряд «Высочайшей постной трапезы» (御齋会, Мисайэ) (3—2); кто и как этот обряд учредил, Тамэнори не сообщает.

В 798 г. молодой монах Сайтё: (最澄, 767—822), пригласив знаменитых монахов из города Нара, впервые провел на горе Хиэй обряд поминовения китайского монаха Чжи-и (智顗, 538—597), основоположника учения школы Тяньтай. Чжи-и был наставником императоров двух династий, Чэнь и Суй. При рождении его явились чудеса, он рано ушел в монахи, читал главу XXV «Лotosовой сутры», где говорится о бодхисаттве Каннон; затем встретил учителя, монаха Хуэй-сы (慧思, 525—577), и тот сообщил, что в древности он и Чжи-и вместе на Орлиной горе слушали Будду, и эта связь помогла им встретиться снова. Потом Чжи-и поселился на горе Тяньтай, указанной ему во сне, создал несколько книг, разошедшихся по свету. При кончине его явились чудеса, а потом в день его поминовения он сам являлся в толпе монахов. После Сайтё:, введшего почитание Чжи-и в Японию, обряд поминовения китайского наставника продолжил Энтин (円珍, 814—891), познакомивший японцев с текстом, составленным в Китае для этого обряда. Тамэнори упоминает чудесное рождение Энтин, его учебу у Гисин (義真, 781—833), ученика Сайтё:, поездку в Китай в 835—858 гг. Поминовение Чжи-и называют «собранием Морозного месяца на горе Хиэй» (比叡霜月会, Хиэ-но Симодзуки-э) (3—30).

Сайтё: принял постриг в юности, поселился на горе Хиэй, где чудом обрел *шарира* и сосуд для них; в 804 г. он отправился в Китай на гору Тяньтай (как говорят тамошние наставники, приезд Сайтё: предсказал Чжи-и). На родину Сайтё: вернулся через год, привез с собой множество книг. Он читал «Лotosовую сутру» в святилищах Явата (Уса) на Кюсю и Касуга в городе Нара, и боги откликались чудесами. Сайтё: построил храм на горе Хиэй и изготовил для него статую будды Якуси; близ храма являлись чудеса, например, слышался голос давно умершего человека, читавший «Лotosовую сутру»; кончина Сайтё: также была отмечена чудесами. В первый месяц каждого сезона, по обычаю Сайтё:, на горе Хиэй проводят «покаяния по Закону» (比叡懺法, Хиэй сэмбо:) (3—3).

В Китае в 805 г. Сайтё: принял от наставника Шунь-сяо (順曉, годы жизни неизвестны) посвящение в буддийские «тайнства» (秘密, химицу). Вернувшись на родину, Сайтё: впервые провел такое же посвящение в Японии, что было отмечено государевым указом; на обряде присутствовал посланец государя Камму, а придворные живописцы изготовили надобные изображения будд. В 848 г. ученик Сайтё:, монах Эннин (円仁, 794—864), тоже побывавший в Китае, возобновил

этот обряд. Обсуждая «тайные» посвящения, Тамэнори не ссылается на книги, а сообщает, что расспросил монахов горы Хиэй и передает их слова, то есть излагает лишь то, что дозволено знать мирянину. «Законы будд, Прошедших свой Путь, все равны между собой, но никакой путь не опережает этого пути («тайнств») в том, чтобы привести к уровню будды»¹. Таково «окропление головы на горе Хиэй» (比叡灌頂, *Хиэй-но кандзё*); похожие обряды проводят также в столичных храмах То:дзи и Хоссё:дзи (3—27).

В 806 г. Сайтё: испросил дозволения двора проводить монашеские посвящения, отличные от тех, каким учил Гандзин, — по «заповедям бодхсаттвы», принятым в Китае в школе Тяньтай. Согласия он не получил, а потому написал «Рассуждение, проясняющее заповеди» (顯戒論, «*Кэнкайрон*», 819 г., ТСД 74, № 2376), где обосновал преимущества «заповедей бодхисаттвы» перед обычными монашескими заповедями. В 822 г. разрешение все-таки было дано, и с тех пор на горе Хиэй проводят обряд принятия заповедей (比叡受戒, *Хиэй-но дзюкай*) (3—19).

Братья Вакэ, Хироё (和氣弘世) и Мацуна (和氣真綱)², вскоре по возвращении Сайтё: из Китая пригласили его провести обряд в храме Такаосандзи близ города Хэйан. Храм этот, однако, более известен тем, что в нем жил Ку:кай (空海, 774—835), основатель школы Сингон. Тамэнори упоминает учебу Ку:кай в Школе чиновников, его уход в монахи, подвижничество на острове Сикоку, мастерство кисти, поездку в Китай в 804 г., встречу с наставником по имени Хуэй-го (惠果, 746—805) и освоение «Истинных слов» (мантр); возвращение и учреждение молельни Истинных слов в Японии, стремление уйти от мира, кончину в краю Кии и посмертное почитание. В Такаосандзи осталась община Ку:кай, и теперь она проводит обряд, начало которому положил Сайтё:, а именно «собрание Цветка Закона» (高雄法華會, *Такао Хоккэ-э*) (3—12).

В 828 г. поддержку двора получил обряд, который и прежде проводили монахи Гондзо: (см. выше) и Тайдзэн (泰善, годы жизни неизвестны): это раздача еды и одежды беднякам. Коль скоро бодхисаттва Манджушри не раз являлся в разных странах в облике нищего, обряд зовется «собранием Манджушри» (文殊會, *Мондзю-э*) (3—23).

В середине или во второй половине 830-х гг. монах Дзё:ан провел при дворе обряд возглашения имен будд (3—31, см. выше).

В 840 г. тот же Дзё:ан впервые провел при дворе обряд, приуроченный ко дню рождения Будды, «окропление будд» (灌仏, *Камбуцу*) (3—18).

Эннин еще в детстве получил предсказание, что станет подвижником; он рано начал обучение под руководством подвижника Ко:ти (広智, даты жизни не-

¹ Обратим внимание, что «тайнства» Тамэнори связывает с именами Сайтё и Эннин, но не Энтин, чья роль в становлении «тайнств» школы Тэндай, по другим источникам, тоже была немалой, и не Ку:кай, основателя школы Сингон, которую обычно в связи с «тайнствами» обсуждают прежде всего.

² В «*Самбо-э*» упомянуты только они, но не их отец Вакэ-но Киёмаро: (和氣清麻呂, 733—799), знаменитый тем, что выступил против монаха До:кё: 道鏡 (700—772) и в конечном итоге не позволил тому узурпировать власть. Событий вокруг До:кё: Тамэнори вообще не касается, как и смуты 740 г., связанной с именами монаха Гэмбо: 玄昉 (ум. 746) и сановника Киби-но Макиби (吉備真備, 695—775); в «*Кондзяку*» рассказа о До:кё: тоже нет, а о Гэмбо: и Макиби есть (11—6).

известны), причем, как и Чжи-и, прежде всего освоил главу о бодхисаттве Каннон из «Лотосовой сутры». В вещем сне он видел своего будущего учителя — Сайтё; потом учился на горе Хиэй, поехал в Китай, странствовал там в пору гонений на буддизм, и китайцы говорили ему: «Закон Будды нашей страны вслед за тобой, о наставник, уходит на восток!». В Японию Эннин вернулся в 847 г., привезя с собой множество *шарира*, и в 860 г. впервые провел обряд почитания останков Будды (比叡舍利会, *Хиэй-но Сяри-э*) (3—16).

В том же 860 г. дочь государя Сага, принцесса Сэйси (正子内親王, 810—879), ставшая супругой государя Дзюнна, устроила у себя во дворце чтение «Лотосовой сутры», а потом попросила Эннина посвятить ее в монахини. Она создавала храмы в столичных усадьбах, заботилась о брошенных детях, учредила обитель для монахинь. Обряд, основанный ею для молельни Сай-ин, называется «покаянием Ананды» (西院阿難悔過, *Сай-ин Анан-но кё:ка*); ученика Будды по имени Ананда монахини почитают за то, что именно он уговорил учителя разрешить женщинам вступать в монашескую общину (3—7).

В 865 г. Эннин учредил на горе Хиэй обряд «непрестанного памятования о будде Амиде» (比叡不断念仏, *Хиэй-но фудан нэмбуцу*) (3—25).

Самый новый обряд в ряду тех, начало которых в «Самбо:э» датировано, возник еще примерно через сто лет, в 961 г., когда книжники из Школы чиновников и монахи горы Хиэй решили дважды в год вместе читать «Лотосовую сутру» и стихи китайских поэтов, а также «памятовать о будде Амиде». Тамэнори сам был в числе первых участников этих «собраний побуждения к учебе» в Сакамото близ горы Хиэй (比叡坂本勧学会, *Хиэй-но Сакамото-но Кангаку-э*) (3—14)¹.

Еще два рассказа дат не приводят, но происхождение обряда описывают. Важнейший день в буддийском календаре, день нирваны Будды, в Японии в храме Ямасина (Ко:фукудзи) отмечается по-особому, двойным обрядом, ибо однажды в этот день храм хотел посетить бог *ками* из святилища Ацута (熱田) из края Овари, но не сумел — храм окружен был индийскими божествами, стражами Закона. Монах Дзюко: (寿広, годы жизни неизвестны), в прошлом чиновник в краю Овари, провел для бога Ацута обряд еще раз, с тех пор обряд и удваивают. Дзюко: в бытность чиновником служил честно, видел недостатки управления краем, но исправить их не мог, отчего и ушел в монахи, а в храме уточнил правила обряда и обустроил для монахов занятия музыкой («собрание нирваны в храме Ямасина» (山階寺涅槃会, *Ямасина-дэра-но Нэхан-э*) (3—8). Монах Этацу (恵達, 795—878) учредил в храме Якусидзи обряд возжигания светильников, по другим памятникам известно, что это произошло в 833 г., а сам обряд в Японии устраивали и раньше (см.: [Оськин 2023]). Но Тамэнори здесь дат не упоминает, говорит лишь, что над могилой Этацу в ночь обряда виден свет («Собрание десяти тысяч светильников в храме Якусидзи» (薬師寺万灯会, *Якусидзи-но манто:э*) (3—15).

¹ За пределами повествования в «Самбо:э» остаются, таким образом, многие события X в., в том числе диспуты монахов при дворе; см.: [Коляда 2024]. Нельзя сказать, однако, что Тамэнори совсем не касался недавней истории: ему принадлежит первое жизнеописание монаха Ку:я (空也, 903—972), одного из основателей японской традиции амидаизма. См.: [Трубникова, Коляда 2025].

Наконец, семь рассказов не содержат сведений о японских основателях обрядов. К этой группе относятся встреча Нового года (3—1) и осеннее поминовение умерших (孟蘭盆, *Урабон*) (3—24); кажется, что они были всегда во всем буддийском мире, в том числе в Японии. Также не отмечено, когда в Японии стали устраивать купальни для монахов (温室, *Унсицу*) (3—4), подносить в храмы весенние цветы и воскурять благовония — «обряд второго месяца» (修二月, *Сюнигацу*) (3—6), весною же, молясь о долголетьи, строить на речных берегах маленькие пагоды из камешков (石塔, *Сякуто*:) (3—9), оделять монахов рисом в пору их летнего затворничества (施米, *Сэмай*) (3—21). Без всех этих действий жизнь буддийской общины опять-таки непредставима. Но примечательно, что дат нет и в рассказе о том, как в горах Кумано проводят «восьмеричные чтения Лотосовой сутры» (熊野八講会, *Кумано-но Хакко*:-э) (3—29). Тамэнори пишет о богах *ками*, пребывающих в Кумано, подробно рассказывает о том, как трудно добраться в тот горный край (отчего и в обряде все паломники участвуют на равных независимо от чинов), описывает особую посуду и одежду странников. Горные странствия и совместное почитание богов и будд в Японии тоже словно бы не имеют начала.

Заключение: «Самбо:э» и позднейшие изложения истории японского буддизма

В современных обобщающих работах по истории японского буддизма отбор материала неизбежно диктуется задачами, которые ставит исследователь. И все же, на мой взгляд, бесполезно учитывать, какие события VII—IX вв. выделены в качестве главных в «Самбо:э» — памятнике, сравнительно недалеко отстоящем от времени первой фиксации этих событий в летописях, сочинениях по истории храмов и др. Книга Минамото-но Тамэнори дает историку японских религий хороший список для самопроверки: всё ли учтено из того, что представлялось значимым в X в. Если проверить по этому списку, например, книгу, для которой я писала главы о буддизме [Трубникова, Бачурин 2009], то в ней учтена лишь некоторая часть ритуалов (чтения «Лотосовой сутры», паломничества в Кумано) — с опорой на исследования по конкретным обрядам, такие как [Tanabe 1984; Moerman 1997], где материал «Самбо:э» учтен. Но ни саму историю обрядов, ни взгляд японских авторов на историю усвоения буддизма под «обрядовым» углом зрения я тогда не обсуждала — и напрасно. Англоязычные обзорные работы, какие я знаю, тоже обычно оставляют «Самбо:э» в стороне, при том что перевод Э. Каменса опубликован уже три с лишним десятка лет назад. Календарь обрядов из «Самбо:э» заслуживает главы или параграфа в учебниках по истории японских религий эпох Нара и Хэйан и хотя бы упоминания — в обзорных исследованиях.

Если говорить в целом об исторических эпизодах «Самбо:э», то обратить внимание мне хотелось бы на такие особенности.

Во-первых, связность изложения у Тамэнори поддерживается на двух уровнях: в череде поколений государи и их приближенные, монахи-наставники и их

ученики передают друг другу не столько итоги своих трудов, сколько задачи, которые никому не под силу исполнить в одиночку. При этом для людей разных веков снова и снова оказывается важным почитание «Лотосовой сутры», бодхисаттв Каннон и Мондзю, останков Будды, иначе говоря, продолжают действовать благие связи, завязанные в самом начале (о которых в «Самбо:э» говорится в свитке втором).

Во-вторых, не для каждого обряда или обыкновения Тамэнори приводит историческое обоснование, и такие пропуски говорят в пользу достоверности повествования: если распоряжений двора либо летописных свидетельств не сохранилось, значит, в рассказе и нет исторической части. Возможно, здесь следует учитывать и то, какие традиции на материке имеют фиксированные правила передачи, а какие нет. Кто вручил Сайтё: традицию Тяньтай, а Ку:кай «таинства», сказать вполне можно; кто и кому передал традицию празднества Урабон, сказать нельзя, она передавалась не лично от наставника к ученику, а от общины к общине.

В-третьих, обрядовый календарь «Самбо:э» оставляет впечатление, будто самые важные события IX в. происходили вокруг школы Тэндай, и даже из монахов VIII в. особенно подробно рассказано о Цзянь-чжэне — потому что без его наставлений по монашеским заповедям непонятно, как подход к заповедям потом изменил Сайтё:. Толковать это тяготение к традиции Тэндай можно по-разному: считать, что к концу X в. она уже стала самой влиятельной, по крайней мере в столице в кругу знатных книжников; или что дело здесь в личных предпочтениях Тамэнори и в его круге общения, куда монахи с горы Хиэй входили (его товарищи по собраниям *Кангаку-э*), а наставники из других школ, возможно, не входили; или что школа Тэндай как таковая здесь вообще второстепенна, а речь на самом деле идет о более широкой традиции «Лотосовой сутры», и для Тамэнори эта традиция, восходящая к царевичу Сё:току, определяет весь облик японского буддизма.

В-четвертых, в «Самбо:э» роль женщин в истории японского буддизма выделена намного четче, чем в других памятниках — и более ранних, и более поздних. Определяется это, конечно, тем, что книга предназначена для женщин, но показательно, что подобрать рассказы о государынях и монахинях из японских источников возможно, а из текстов буддийского канона набрать примеров женщин-подвижниц можно еще гораздо больше.

Дальнейшими направлениями исследования «Самбо:э» я считаю подробное изучение обрядов, рассказы о которых вошли в этот памятник, и сопоставление его с другими сборниками рассказов *эцува*.

Сокращения

ТСД — *Тайсё: синсю: дайдо:кё: [Большое собрание сутр, заново составленное в годы Тайсё:]*. URL: <https://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/index.html> (дата обращения: 30.07.2025).

Библиографический список

Дулина А.М. Метаморфозы Хатиман: грозный бог войны или милосердный бодхисаттва? Становление и эволюция культа божества Хатиман в Японии в VIII—XIV веках. М.: Кругъ, 2018.

Игнатович А.Н. Буддийская философия периода Хэйан. *Буддийская философия в средневековой Японии*. М.: Ладомир, 1998. С. 96—195.

Коляда М.С. Демон или будда: настоящий Рёгэн и его образ в поучительных рассказах «Бесед о делах старины» // *Вопросы философии*. 2024. № 10. С. 154—167.

Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-й и 3-й / пер. со староп., предисл. и коммент. А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995.

Нихон сёки. Анналы Японии. В 2 т. / пер., иссл. и комм. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997.

Оськин М.В. Кукай об обряде подношения светильников. Кукай. Благопожелание при подношении десяти тысяч светильников на горе Такано / пер. со староп. и прим. М.В. Оськина // *Вопросы философии*. 2023. № 7. С. 159—165.

Родин С.А. Отношения между личностью и государством в Древней Японии (по материалам жизнеописаний исторической хроники «Сёку нихонги») // *Вопросы философии*. 2014. № 2. С. 63—73.

Сёку Нихонги: продолжение «Анналов Японии» / пер. и коммент. А.Н. Мещерякова. М.: Дело, 2018.

Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] великой Тан (Да Тан си юй цзи) / пер. Н.В. Александровой. М.: Восточная литература, 2012.

Трубникова Н.Н. Буддийская община в пору «Конца Закона»: взгляд из Японии рубежа XII—XIII вв. // *Восток-Oriens*. 2012. № 2. С. 125—140.

Трубникова Н.Н. Главный смысл буддийского учения в «Самбо: экотоба» // *Вопросы философии*. 2025. № 4. С. 158—174.

Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии. IX—XII вв. М.: Наталис, 2009.

Трубникова Н.Н., Коляда М.С. Рассказы о монахе Ку:я и конфуцианские корни амидаизма в Японии: опыт проверки одной гипотезы // *Философия религии: аналитические исследования*. 2025. № 2 (в печати).

Федянина В.А. Поклонение Сётоку-тайси в средневековой Японии (в произведениях Дзиэна) // *Вопросы философии*. 2025. № 3. С. 175—185.

Японские легенды о чудесах (IX—XI вв.) / пер. с яп. А.Н. Мещерякова. М.: Наука, ГРВЛ. 1984.

References

Aleksandrova, N.V. (Trans. and comment.). (2012). *Hsuanzang. Zapiski o Zapadnykh stranakh [epokhi] velikoi Tan (Da Tang Xiyu Ji)* [Notes on the Western

Countries [of the Era] of the Great Tang]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Dulina, A.M. (2018). *Metamorfozy Khatiman: groznyy bog voyny ili miloserdnyi bodkhisattva? Stanovlenie i evolyutsiya kul'ta bozhestva Khatiman v Yaponii v VIII—XIV vekakh* [Metamorphoses of Hachiman: A Formidable God of War or a Merciful Bodhisattva? Formation and Evolution of the Cult of the Deity Hachiman in Japan in the 8th — 14th Centuries]. Moscow: Krug. (In Russian).

Fedyanina, V.A. (2025). Poklonenie Setoku-taisi v srednevekovoi Yaponii (v proizvedeniyakh Dziena) [Shōtoku Taishi Worship in Medieval Japan (in Jien's Writings)]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 3, 175—185. (In Russian).

Ignatovich, A.N. (1998). Buddiiskaya filosofiya perioda Kheian [Buddhist Philosophy of the Heian Era]. In *Buddiiskaya filosofiya v srednevekovoi Yaponii* [Buddhist Philosophy in the Heian Era] (pp. 96—195). Moscow: Lodomir. (In Russian).

Kolyada, M.S. (2024). Demon ili budda: nastoyatel' Ryo:gen i ego obraz v pouchitel'nykh rasskazakh «Besed o delakh stariny» [Demon or Buddha: Ryōgen and His Image in The Setsuwa Tales of *Kojidan*]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 10, 154—167. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (Trans. and comment.). (1984). *Yaponskiye legendy o chudesakh (IX—XI vv.)* [Japanese Legends of Miracles (9th — 11th Centuries)]. Moscow: Nauka, GRVL. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (Trans. and comment.). (1995). *Nihon ryoiki. Yaponskiye legendy o chudesakh* [*Nihon Ryoiki. Japanese Legends of Miracles*]. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (Trans. and comment.). (1997). *Nihon shoki. Annaly Yaponii* [*Nihon Shoki. Annals of Japan*]. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (Trans. and comment.). (2018). *Shoku Nihongi: prodolzhenie "Annalov Yaponii"* [*Shoku Nihongi: A Continuation of the "Annals of Japan"*]. Moscow: Delo. (In Russian).

Os'kin, M.V. (2023). Kukai ob obryade podnosheniya svetil'nikov. Kukai. Blagopozhelaniye pri podnoshenii desyati tysyach svetil'nikov na gore Takano [Kūkai on the Light Pūjā Ritual. Kūkai. Takano no yama mantōe no gammon]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 7, 159—165. (In Russian).

Rodin, S.A. (2014). Otnosheniya mezhdru lichnost'yu i gosudarstvom v Drevnei Yaponii (po materialam zhizneopisaniy istoricheskoi khroniki «Shoku nihongi») [Relations between the individual and the state in Ancient Japan (based on the biographies of the historical chronicle “Shoku Nihongi”)]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2, 63—73. (In Russian).

Trubnikova, N.N., Bachurin, A.S. (2009). *Istoriya religii Yaponii. IX—XII vv.* [History of Religions in Japan. 9th — 12th Centuries]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Trubnikova, N.N. (2012). Buddiiskaya obshchina v poru «Kontsa Zakona»: vzglyad iz Yaponii rubezha XII—XIII vv. [The Buddhist Community During the *Mappō*: A View

From Japan at the Turn of the 12th and 13th Centuries]. *Vostok-Oriens*, 2, 125—140. (In Russian).

Trubnikova, N.N. (2025). Glavnyi smysl buddiiskogo ucheniya v «Sambo: ekotoba» [General Idea of Buddha's Teaching in *Sanbō ekotoba*]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 4, 158—174. (In Russian).

Trubnikova N.N., Kolyada M.S. (2025). Rasskazy o monakhe Ku:ya i konfutsianskie korni amidaizma v Yaponii: opyt proverki odnoi gipotezy [Tales of the Monk Kūya and the Confucian Roots of Amidism in Japan: An Attempt to Test a Hypothesis]. *Filosofiya religii: analiticheskiye issledovaniya* [Philosophy of Religion: Analytical Studies], 2 (forthcoming). (In Russian).

* * *

Kamens, E. (1988). *The Three Jewels. A Study and Translation of Minamoto Tamenori's Sanbōe*. Ann Arbor: Center for Japanese Studies, The University of Michigan.

Mabuchi, Kazuo, et al. (Eds.). (1997). *Sanbō ekotoba. Chūkōsen* [The Tree Jewels. A Selection of Favorite Tales]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Moerman, D. (1997). The Ideology of Landscape and the Theater of State: Insei Pilgrimage to Kumano (1090—1220). *Japanese Journal of Religious Studies*, 24 (3/4), 347—374.

Nakagawa, Satoshi. (Ed.). (2024-). *Sanbō ekotoba* [The Tree Jewels]. Retrieved from URL: <https://yatanavi.org/text/sanboe/index.html> (In Japanese).

Stone, J. (1985). Seeking Enlightenment in the Last Age: 'Mappō' Thought in Kamakura Buddhism: Part I. *The Eastern Buddhist*, 18 (1), 28—56.

Tanabe, W.J. (1984). The Lotus Lectures. Hokke Hakkō in the Heian Period. *Monumenta Nipponica*, 39 (4), 393—407.

Поступила в редакцию: 08.06.2025
Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 08 June 2025
Accepted: 21 July 2025

Е.К. Симонова-Гудзенко

Людмиле Михайловне Ермаковой 80 лет!

Аннотация. Статья посвящена юбилею одного из ведущих российских японоведов. Деятельность Людмилы Михайловны Ермаковой весьма условно можно разделить по географическому принципу на два периода — в России и в Японии, хотя она ни на день не прерывала своих связей ни с Родиной, ни со страной изучения. Удивление и восхищение вызывает огромный массив сделанного Ермаковой за годы — 250 книг, статей и других текстов. Хотелось бы подчеркнуть, что всю свою творческую деятельность она оставалась верна переводам и исследованиям древней японской литературы, верованиям и мифологии. Назовем лишь главные из ее трудов: перевод и комментарии «Кодзики» (2 свиток), «Нихонсёки» (1—16 свитки), «Норито. Сэммё», «Ямато-химэ моногатари» и многие другие. Исследовательские статьи, сопровождающие переводы и не только, составляют значительную и важную часть написанного Людмилой Михайловной. Особое место занимает двухтомник «Когда раскрылись Небо и Земля: Миф, ритуал, поэзия ранней Японии» (М.: Восточная литература. 2020). Хотелось бы пожелать Л.М. Ермаковой крепкого здоровья и активной творческой деятельности еще многие годы.

Ключевые слова: Япония, миф, ритуал, поэзия вака, «Кодзики», «Нихонсёки», буддизм, материковые влияния, японская культура.

Автор: Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, профессор кафедры ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11). ORCID: 0000-0003-1096-5669. E-mail: eksimonova@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Симонова-Гудзенко Е.К. Людмиле Михайловне Ермаковой 80 лет! // Японские исследования. 2025. № 3. С. 165—173.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-165-173.

Е.К. Simonova-Gudzenko

Liudmila Mikhailovna Ermakova turns 80!

Abstract. This article is dedicated to the anniversary of one of Russia's leading Japanologists. Liudmila Mikhailovna Ermakova's work can be divided into two periods based

on geography: in Russia and in Japan, although she never severed her ties with either her homeland or the country she studied. The enormous body of work produced by Ermakova over the years — 250 books, articles, and other texts — is a source of wonder and admiration. It should be emphasized that, throughout her creative career, she remained faithful to translations and research on ancient Japanese literature, beliefs, and mythology. Let us name only the most important of her works: the translation and commentary on the *Kojiki* (Vol. 2), the *Nihon Shoki* (Vols. 1—16), the Norito prayers from the *Engishiki* code and the *Senmyo* imperial edicts of the *Shokunihongi* chronicle, *Yamato-hime-no Mikoto Seiki* (The Life Story of the Devoted Princess Priestess), and many others. Research articles, including accompanying translations and more, constitute a significant and important part of Liudmila Mikhailovna's writings. A special place is occupied by the two-volume work *When Heaven and Earth Opened: Myth, Ritual, and Poetry of Early Japan* (Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2020). We wish L.M. Ermakova good health and many more years of active creative work.

Keywords: Japan, mythology, rituals, *waka* poems, *Kojiki*, *Nihon Shoki*, Buddhism, continental influences, Japanese culture.

Author: *Simonova-Gudzenko Ekaterina K.*, Professor of the Department of Japanese History and Culture, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Str., 125009 Moscow, Russia).

ORCID: 0000-0003-1096-5669. E-mail: eksimonova@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Simonova-Gudzenko, E.K. (2025). Lyudmila Mikhailovne Ermakovoi 80 let! [Liudmila Mikhailovna Ermakova turns 80!]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 165—173. (In Russian).

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-165-173.

Совершенно неожиданно оказалось, что близится 80-летний юбилей Людмилы Михайловны Ермаковой! Люся, как мы, друзья, зовем ее, и сегодня, такая же молодая, легкая, подвижная, веселая, всегда готовая помочь любому, кто бы не обратился с проблемой или вопросом, будь то студент или профессор.

Сегодня вряд ли можно найти япониста, который бы не знал имя Ермаковой, не читал ее книг, переводов, статей.

Пытаясь следовать законам жанра, предполагающего представить портрет творческой деятельности Людмилы Михайловны, я столкнулась с несколькими трудностями, главная из которых, неисчислимое множество сделанного ею. Сама она свои научные интересы определяет следующим образом: «фольклор и мифология, ранние японские верования и становление религиозного сознания, мифологические своды и ритуальные тексты японской древности, становление раннесредневековой японской литературы и японской поэтической традиции, литературная теория и японские поэтические трактаты раннего средневековья, проблемы сравнительной культурологии и взаимные проекции японской и русской культур в прошлом и настоящем». И это, не считая переводов современной японской литературы и критических статей с ними связанных, а также эссе на различные интересующие автора темы. Количество написанных ею текстов составляет огромное число — около 250! Поэтому любому, кто решился писать

очерк сделанного Людмилой Михайловной трудно соответствовать широте интересов именинника, да и подобной работоспособности. Не говоря о том, что нужно обладать тем же или, по меньшей мере, сопоставимым объемом литературоведческих и японоведческих знаний, которыми обладает Людмила Михайловна. Взявшись за данный очерк, могу с той или иной степенью уверенности отвечать лишь за часть культурологических и исторических японоведческих сведений, которыми владею. У меня нет и того переводческого дара и опыта, которым обладает Людмила Михайловна. Попробую написать лишь об отдельных направлениях и произведениях юбиляра, которые, на мой взгляд, наиболее ярко показывают широту знаний и литературные способности Л.М. Ермаковой.

Начать логично с переводов на русский язык древних японских письменных памятников, переводов Людмилы Михайловны, благодаря которым многие тогда узнали, да и до сегодняшнего дня могут почерпнуть из ее переводов и комментариев к ним множество данных о древней Японии, ее словесности, верованиях и культуре.

Л.М. Ермакова блестяще демонстрирует известное нам со студенческих времен положение, что основой любого гуманитарного исследования должен быть источник, и в первую очередь, письменный. Вводя в научный оборот на русском языке «Норито. Сэммё», «Кодзики», «Нихонсёки», «Ямато моногатари», Л.М. Ермакова убедительно показывает, что именно и только письменный источник является ключом для понимания многочисленных аспектов культуры.

В своих переводах, поднимаясь по шкале времени, она знакомит всех интересующихся японской культурой с примерами древней словесности — молитвословиями *норито* и императорскими указами *сэммё*; с мифо-летописными сводами — Кодзики и Нихонсёки; с прозо-поэтической повестью «Ямато-моногатари» (X в.), ярким представителем жанра *ута-моногатари* («повествование о песнях») периода Хэйан (IX—XII вв.). Думается, что выбор этих произведений для перевода, в частности, демонстрирует стремление Людмилы Михайловны показать нам процесс формирования японской литературно-поэтической традиции как основы формирования японской культуры. Именно этот ключ открывает одну из главных особенностей японской культуры, её полицентризм, поддержанный географической составляющей, островным расположением и горным ландшафтом.

Каждый перевод предваряет подробное предисловие-исследование, в котором освещается не только история списков памятника, его особенностей, но и история, условия возникновения текстов. Уже в них Людмила Михайловна поднимает важнейшие вопросы японской культуры.

Норито и *сэммё*, выбранные ею в качестве объекта для перевода, показывают, что одна из проблем, интересующих переводчика, это каким образом, из каких пластов складывался японский литературный язык. Возможно, поэтому переводы древних текстов она начинала именно с *норито*, в которых запечатлен архаический японский язык, не испытывавший еще иностранных влияний. Людмила Михайловна пишет: «Пожалуй, их можно считать наименее затронутыми континентальным влиянием по сравнению с другими ранними памятниками японской словесности, историческими и официальными документами. Вместе с песнями

кагура, исполняемыми во время *ками-асоби*, «игрищ богов», они, вероятно, и составляют наиболее древний пласт в круге свидетельств об архаической культуре Японии, выраженных словом» [Ермакова 1991, с. 13].

Мифологический свод «Нихонсёки» представляет собой не просто последовательный рассказ о появлении мира, а многослойный рассказ, когда один сюжет рассказывается авторами в нескольких версиях, от двух до одиннадцати. Можно предположить, что первоначально версии сюжета представлялись в разных, родовых хрониках. Хотелось бы подчеркнуть, что именно Людмила Михайловна в современном отечественном японоведении особое внимание уделяла родовым хроникам, не только как источникам истории того или иного рода, но и как хранителям традиций островной словесности. Она познакомила российскую научную общественность с некоторыми малоизвестными трудами крупнейшего японоведа Н.А. Невского, в частности, с хроникой рода Имибэ «Когосюи» [Ермакова 1996b], а в последние годы перевела хронику китайских эмигрантов рода Хата [Ермакова 2023a, с. 203—213], а также рода императорских стольников Такахаси [Ермакова 2022, с. 548—559] и придворных гадалелей Урабэ [Ермакова 2023b, с. 130—180]. Таким образом, сегодняшние молодые японоведы могут прочитать не только официальный государственный мифологический свод, но и тексты, которые составлялись жителями японских островов и со временем составили неотъемлемую часть ее древней культуры, и увидеть какие письменные источники японская культура сохранила до нашего времени.

И в исследовательских статьях, и в предисловиях к переводам она предлагает собственные теоретические идеи и разработки. Некоторые такие темы Л.М. Ермакова развивает многие годы. Например, впервые явление *куними* — «смотрение страны с высокого места» она определяет «как разновидность воздействия на объект с целью его стабилизации и умирения или же наделения силой» [Ермакова 1991, с. 27], о той же важной концепции она упоминает и в других своих исследованиях, а наиболее полную характеристику явления представляет в работе «Мифологема взгляда», напечатанной в первом томе двухтомника «Когда раскрылись небо и земля»: «По-видимому природа мифологемы взгляда такова, что в ней участвуют силы обоих миров, и видимого и невидимого... В новое время ритуальная сторона *куними*, направленная на обеспечение стабильности и процветания, постепенно ослабевает и сам обряд трансформируется в обычай и предстает как род эстетического созерцания (или как принято переводить «любования») [Ермакова 2020, т. 1, с. 244].

Людмила Михайловна верна своей приверженности изучению древней японской словесности. В предисловии к переводам *норито* и *сэммё* она пишет: «...тексты, которые здесь собраны, являют собой островки старояпонской речи в памятниках, написанных почти целиком по-китайски. Будучи ритуальными по характеру и назначению, эти тексты во многих своих повторяющихся формулах, безусловно, сохраняют определенные черты архаического мировоззрения и адекватных ему речевых структур, достаточно древних с точки зрения истории языка» [Ермакова 1991, с. 10].

Ее замечательные переводы из мифологических сводов демонстрируют не только осведомленность о характере и типологических связях того или иного ми-

фологического сюжета, но и глубокое знание теоретических основ фольклористики и мифологии, а ее языковая одаренность предполагает свободное владение родным русским языком, иначе переводы, одновременно точные и легко читающиеся, вряд ли бы состоялись.

Кроме названных переводов, Ермаковой сделаны еще и многие другие, относящиеся к древности и средневековью, а также написано множество аналитических статей по истории ранних верований, поэтике, мифологии, фольклору и многим другим аспектам японской культуры.

В одном из своих ранних исследований, предваряющих перевод «Норито. Сэммё», Л.М. Ермакова ставит проблему, что же такое, в сущности, синтоизм. Вопрос научного определения синто остается нерешенным до сегодняшнего дня, сохраняя свою актуальность на протяжении последних десятилетий. Если в исследовании «Норито. Сэммё» Людмила Михайловна лишь с осторожностью употребляет слово «синто» и «синтоистский», то уже в исследовании, предваряющем перевод «Нихонсёки», уделяет этому понятию большое внимание. Она пишет: «...употребляя здесь термин синто, мы не подразумеваем нечто доктринально определенное, существовавшее в более или менее постоянном виде от древности и поныне, и тем более синтоизм. Словом синто будет условно именоваться совокупность верований, реконструированных по письменным памятникам периода Нара и ряду других источников предшествующего периода, и отличающаяся по набору богов и принципиальному характеру от буддийской мифологии, независимо от того могут ли эти боги и мифологические мотивы, в конечном счете, быть возведены к даосизму, китайской мифологии, практике Инь-Ян, номадическим культам Восточной Азии и т. п.» [Ермакова 1997, с. 27].

Блестящим показателем исследовательской, переводческой и литературоведческой деятельности Людмилы Михайловны является вышедший в 2020 г. двухтомник. Первый том двухтомника — исследования, второй — переводы. Двухтомник необыкновенно элегантно оформлен. Наша признательность художнику, Дмитрию Черногаеву. Автора также хотелось бы поблагодарить, ведь, и он принял участие в оформлении.

Первый том посвящен теоретическим работам, а второй — переводам и исследованиям текстов. Со многими из вошедших в книгу работ автора мы как будто уже знакомы, однако теперь они подверглись переосмыслению и обновлению, многое в переводах уточнено и исправлено, а собранные вместе, под одной обложкой, эти работы зазвучали более ярко, как песни-переключки, о которых Людмила Михайловна пишет в 6 главе «О типологии песенных переключек» в первом томе двухтомника «Когда раскрылись Небо и Земля» (изд. Восточная литература, 2020). Хочется отметить один из ее переводов — «Норито», который лишь выиграл от изменения презентации, когда комментарии представлены не в конце перевода всего комплекса молитвословий, как было в первом издании, а после каждого *норито*, что значительно облегчает понимание, особенно при первом прочтении.

Поднятые в этих двух томах исследования теоретические проблемы вступают в переключку, пересекаются, расширяют, раскрывают содержание древних текстов. Замечательно, что они изданы вместе, теперь японоведение получило уни-

кальную возможность не только познакомиться с ранними японскими письменными текстами в переводах одного из лучших российских ученых-японистов, но и увидеть, как осуществляется исследовательская работа над ними.

Особо хотелось обратить внимание, на редкое свойство Людмилы Михайловны — ее умение протягивать связующие нити во времени и пространстве между разными периодами и культурами.

К сожалению, сколько-нибудь семестровых курсов Людмила Михайловна на нашей кафедре не вела, о педагогической деятельности могли бы рассказать ее японские студенты, но даже те редкие единичные лекции, что она читала у нас во время своих регулярных, но недолгих приездов в Москву, запомнились и студентам, и нам. Все мы, преподаватели, всегда слушали ее с нескрываемым удовольствием. Мы узнавали не только много нового по теме выступления, но еще черпали уникальные сведения о современной японской историографии, литературе, которые не обнаружишь ни на каких сайтах.

Так, например, событием стали прочитанные ею лекции «Мифологемы ветра и грома в японской культуре от богов-громовиков до Огата Корин», «Гадательные практики в древней Японии», а до них было еще много других на не менее интересные темы.

Некоторые из сюжетов, услышанные на лекциях Людмилы Михайловны, прочитанных в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, в двухтомнике можно прочитать в виде статей. Так, например, неожиданная версия сотворения мира бакланом, «Японский «ныряльщик за землей» [Ермакова 2020, т. 1, с. 97—114]. В статье автор представляет более подробную аргументацию возможно сохранившегося осколка общемирового мифологического мотива ныряльщика за землей, первоначально распространенного «где-то в пределах Индии — Тибета — западных районов Китая». Л.М. Ермакова подробно рассматривает возможное движение мотива из Восточной Азии в Северную Америку и Евразию. «В соответствующих мифах ныряльщиком была черепаха, и после добывания земли со дна моря она служила опорой возникшей суши». Сразу на память приходит известный с детства сюжет, что земля покоится на трех слонах и черепахе. Далее автор обоснованно показывает, как «по мере распространения этого мифа в Северной Евразии образ черепахи был вытеснен образом водоплавающей птицы. ... Ранние мигранты в Америку принесли с собой сначала южно-центральноазиатскую (с черепахой), а затем и сибирскую (с птицей) версии мифа». В сюжете «Кодзики» «о чудесном баклане — «ныряльщике за землей» воспроизводится основной цикл сотворения мира с его главными космогоническими стадиями — добывание земли, получение огня трением, осуществление обжига и изготовление керамической посуды для жертвоприношений» [Ермакова, т. 1, с. 114].

Особо хотелось бы выделить главу 8 первой части «Ветер как миф и как фактор ранней японской литературы». Как и рассказ о баклане — «ныряльщике за землей», сюжет о мифологеме ветра я тоже слушала в виде лекции, и еще фрагментарно в форме доклада-комментария к свитку Огата Корин «Бог ветра и бог грома» на выставке «Шедевры живописи и гравюры эпохи Эдо» в ГМИИ имени А.С. Пушкина в 2018 г. Написанный вариант много подробней устных версий. В статье скрупулезно рассматриваются толкования иероглифа 風 (ветер), а также

«значение в Японии китайского понятия 風土 (*фудо*, букв. «ветер и земля»), т. е. соединение ветров и поветрий с данной местностью, что обычно понимается как все мыслимые характеристики в их совокупности». Интересно наблюдение о пространственной ориентации по сторонам света, которая была воспринята в Японии из Китая с давних времен, «однако в японской мифологической таксономии не закрепилось понятие богов ветра восьми или четырех направлений». Более того, указание на ту или иную сторону света в названии ветра отнюдь не означает, что ветер в действительности связан с указанным направлением. Как у островного народа, в японском языке, особенно вдоль побережья Японского моря, зафиксировано много «слов, определяющих конкретные особенности ветра и возникших в связи с морской навигацией» (считается, что около 250). В статье подробно рассматриваются функции ветра и как посредника, и как канал передвижения между мирами, не говоря о том, что ветер приносит дождь и плодородие. Особое место автор уделит иконографии ветра. Подобно другим сюжетам, подробно рассматриваются истоки иконографии в антропоморфном облике с древнегреческим «мешком ветров» за спиной, описано движение этого образа божества с запада на восток, в Японию — через эллинистическое искусство Гандхары, монеты Кушанского царства, фрески Дуньхуана. Подобно другим сюжетам, подробно рассматриваются истоки иконографии в антропоморфном облике с «мешком ветров» за спиной, параллели с Древней Грецией, Кореей и другие, тонко подмечено движение божества с запада на восток, как «двигался» образ.

В третьей части первого тома двухтомника, скромно названной «Этюды и очерки», мне хочется отметить, по меньшей мере, две важные работы. Это — «Этнографические заметки» и Энциклопедический очерк истории японской литературы. В этнографических заметках Л.М. Ермакова рассказывает о примере нового религиозного культа, из числа тех, что появились в современной Японии, культ странного божества Поккури как «божества модного поветрия». Казалось бы, подобный рассказ не предполагает глубокого анализа современной религиозной ситуации, однако лаконично и, как всегда, точно и четко автору удалось нарисовать сложную многосоставную картину верований современных японцев.

Когда я читала эту статью, во мне заговорил преподаватель с многолетним стажем. Ведь эти несколько страниц могли бы составить часть прекрасного учебного пособия по современной культуре Японии. Не говорю уже об Очерке истории японской литературы — это уже готовое пособие. Все это делает скромную третью часть не менее значимой и важной, чем «ученые» первые две. Дальше моя мысль преподавателя уже разгулялась сама по себе, и мне подумалось, что практически во всех статьях, во всяком случае во вступлении к каждой части книги, помимо четко сформулированных конкретных проблем японской мифологии, ритуала или ранней поэтики есть страницы, посвященные истории вопроса, основанные на самых новейших исследованиях японских и западных ученых, а еще есть почти обязательные экскурсы в современность, рассказывающие о сохранности и/или проявлении рассматриваемого явления или обычая в современной японской культуре. Чем не учебное пособие?

Последние 30 с лишним лет Людмила Михайловна живет и работает в Японии. В лучших традициях российских востоковедов прошлого, работавших за ру-

бежом, она занимается не только своей главной темой — ранней японской словесностью и верованиями, она также знакомит японцев с русской культурой, исследует и пишет работы на межкультурные темы. Из этих тем назову лишь несколько: «Япония и Восточная Азия в круге чтения А.С. Пушкина», первые русские переводы средневековой повести «Такэтори-моногатари», разыскания о жизни и деятельности российского японоведа начала XX в. Г.Г. Ксимидова и многое другое. Эти ее статьи собраны в книге «Российско-японские отражения. История, литература, искусство», изданной в 2020 г. издательством «Восточная литература».

Надо сказать, что в полевых условиях страны изучения она, используя новые возможности, с первых дней своего пребывания в Японии и донныне открывает все новые черты японской словесности и культуры и знакомит с ними нас, ее соотечественников.

Хочется пожелать Людмиле Михайловне много сил, крепкого здоровья, сохранения на долгие годы присущей ей способности с большим интересом и добротой смотреть на мир. И поднимаем в ее честь бокалы вина!

Библиографический список

Ермакова Л.М. Когда раскрылись Небо и Земля. Миф, ритуал, поэзия Древней Японии. М.: Наука. 2020. Т. 1. Исследования.

Ермакова Л.М. Н.А. Невский — этнограф. Вступительная статья к публикациям работ Невского по этнографии и религиям Японии. Комментарии к переводу Н.А. Невского «Когосюи», а также к этнографическим статьям. — Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение». 1996. С. 301—325.

Ермакова Л.М. Новый изборник записей о предсказаниях [на панцире] черепахи. Исследование и перевод. Японские древности (историко-правовые исследования). Екатеринбург: УГЮУ. 2023. С. 130—180.

Ермакова Л.М. Социогенез и этнократия в мифических нарративах Нара — Хэйан (исследование); Свод записей подлинной генеалогии рода Хата (перевод.) // *История и культура Японии 15*. Orientalia et Classica. Труды Института классического Востока и античности. Москва: Изд. дом ВШЭ. 2023. С. 203—213.

Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток Второй / перевод, исследования и комментарий Ермаковой Л.М. Санкт-Петербург: Шар. 1994.

Летопись рода Такахаси: текст и миф. Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история / перевод, комментарий Ермаковой Л.М. Екатеринбург: Альфапринт, 2022. С. 548—559.

Нихон сёки. Анналы Японии. Свитки 1—16 / перевод, исследования и комментарий Ермаковой Л.М. СПб.: Гиперион. 1997. Т. 1.

Норито. Сэммё / перевод, исследование и комментарий Ермаковой Л.М. М.: Наука. 1991.

References

- Ermakova, L.M. (1991). *Norito. Semmyo. Perevod, issledovanie, kommentarii* [Norito. Senmyo. Translation, Research, and Commentary]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (1994). *Kodziki. Zapisi o deyaniyakh drevnosti. Svitok Vtoroi. Perevod, issledovaniya i kommentarii* [Kojiki. Records of Ancient Deeds. Scroll 2. Translation, Research, and Commentary]. Saint Petersburg: Shar. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (1996). N.A. Nevskii — etnograf. Vstupitel'naya stat'ya k publikatsiyam rabot Nevskogo po etnografii i religiyam Yaponii. Kommentarii k perevodu N.A.Nevskogo «Kogosyui», a takzhe k etnograficheskim stat'yam [N.A. Nevsky — Ethnographer. Introduction to the Publication of Nevsky's Works on the Ethnography and Religions of Japan. Comments on the Translation of *Kogoshui* by N.A. Nevsky and on His Ethnographic Articles]. In *Oriental Studies*, Issue 8. Saint Petersburg: Center "Peterburgskoe Vostokovedenie". (In Russian).
- Ermakova, L.M. (1997). *Nihon shoki. Annaly Yaponii. Svitki 1—16. Perevod, issledovaniya, kommentarii* [Nihon Shoki. Annals of Japan. Scrolls 1—16. Translation, Research, and Commentary], Vol. 1. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (2020). *Kogda raskrylis' Nebo i Zemlya. Mif, ritual, poeziya Drevnei Yaponii* [When Heaven and Earth Opened. Mythology, Ritual, Poetry of Ancient Japan], Vol. 1. Moscow: Nauka. (in Russian).
- Ermakova, L.M. (2022). Letopis' roda Takakhasi: tekst i mif [Chronicle of the Takahashi Clan: Text and Myth]. In *Drevnyaya Yaponiya v Vostochnoi Azii: arkheologiya, mifologiya, istoriya* [Ancient Japan in East Asia: archeology, mythology, history] (pp. 548—559). Ekaterinburg: Alfaprint. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (2023a). Sotsiogenez i etnokratiya v mificheskikh narrativakh Nara — Kheian (issledovanie); Svod zapisei podlinnoi genealogii roda Khata (perevod) [Sociogenesis and Ethnocracy in the Mythical Narratives of Nara-Heian; Collection of Records of the Authentic Genealogy of the Hata Clan. Translation]. In *Istoriya i kultura Yaponii 15. Orientalia et Classica. Trudy Instituta klassicheskogo Vostoka i antichnosti* [History and Culture of Japan 15. Orientalia et Classica. Studies of the Institute of Classical Orient and Antiquity] (pp. 203—213). Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (2023b). Novyi izbornik zapisei o predskazaniyakh [na pantsire] cherepakhi. Issledovanie i perevod [New Collection of Records of Divination [on a Turtle] Shell. Research and Translation]. In *Yaponskie drevnosti (istoriko-pravovye issledovaniya)* [Japanese Antiquities (Historical and Legal Studies)] (pp. 130—180). Yekaterinburg: USLU. (In Russian).

Научное издание

Японские исследования
№ 3, 2025

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Верстка:	С.Ю. Тарасов

Дата публикации	Октябрь 2025 г.
-----------------	-----------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 3, 2025

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	S. Tarasov

Date of issue	15 October 2025
---------------	-----------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy
of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com